

АЛЕКСАНДРА ЧЕРЧЕНЬ

**ОСОБЕННОСТИ
БОЛОТНОЙ
КРИМИНАЛИСТИКИ**

ТАЙНЫ УЗВУМЧАНОГО ГОРОДА

Annotation

Когда я поступила в Зеленую академию, то даже представить не могла, что успеваемость – это последнее, что станет меня волновать! Меня по-прежнему отказывается выпускать из рук ужасный Мистер Хан, а сбегать от него опасно для собственной жизни. Кто-то в Изумрудном городе убивает похожих на меня рыжих девушек, и боюсь это не совпадение...

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
-

Пролог

Катакомбы под Изумрудным городом стары, как само время.

Хорошо одетый господин с тростью шагал по темному коридору, прислушиваясь к едва слышному стуку каблуков и эху, гуляющему по соседним туннелям.

Вокруг его фигуры преданным псом вился плотный туман, который то прижимался и скользил по костюму призрачными щупальцами, то рывком уворачивался из-под подошв дорогих туфель, совсем не подходящих для прогулок в таких местах.

– Хос-с-сяин... – едва слышная фраза повисла в воздухе. – Силы достаточно?

– Будем надеяться, что да. Ты готов вернуться в кристалл?

– Мне там не нравится...

– Убивать приятнее? – понимающе хмыкнул господин кровожадного тумана.

– Приятнее быть на свободе, – не согласился с ним тот.

– Свобода – очень интересное понятие. Иногда мне кажется, что ее просто нет. Мы всегда скованы условностями и обстоятельствами, на какой бы ступени власти ни стояли.

– Рабство – не менее интересное понятие. Но в отличие от слова «свобода» оно трактуется вполне однозначно. – Туман переполз на потолок и сейчас медленно тек по нему, презрев все физические законы.

– Предлагаю перенести эту занимательную полемику на потом.

– Мы пришли, – согласился туман, медленно опадая на каменные плиты вокруг фигуры своего господина.

Тот щелкнул пальцами, с них сорвался магический светлячок и воспарил к потолку, подрагивая лучиками.

Его свет ложился на светлые, почти белые волосы, забранные в низкий хвост, отражался в камнях пуговиц черно-серебряного костюма, освещал небольшую комнату с совершенно плоской стеной без малейших признаков естественных неровностей.

Мужчина стянул перчатку и осторожно прикоснулся к стене, но тотчас отдернул ладонь.

– Жжет... – со странной улыбкой протянул он. – Значит, то, что надо.

Он расстегнул пиджак и достал из внутреннего кармана бархатный мешочек, из которого вытряхнул продолговатый молочно-белый кристалл.

– Передай добытую силу.

Туман завертелся вокруг сжатых пальцев позднего гостя подземелий, а спустя несколько минут обессиленно опал на камни, рассеявшись до едва видимой дымки.

– Дивно, – выдохнул светловолосый, зачарованно глядя на кристалл, отражавшийся в его серебряных глазах. – Этого хватит.

Туман стянулся в одну точку и спустя несколько мгновений соткался в фигурку небольшой ящерицы, что юрко забралась на плечо к человеку и спросила:

– Ты уверен?

– Я изучал эти врата. Согласно моим вычислениям, энергии пяти смертей должно хватить.

– Я не про это. О твоей цели ходит немало непонятных и неприятных слухов. Говорят, что, завладев Светозаром, можно обрести невиданную мощь, но потерять душу.

– Что мне душа? – усмехнулся светловолосый. – Мне нужен лишь мой разум. Все в нем, а все остальное... мелочи, которые нередко сбивают с пути.

– Ты болен, – грустно проговорил ящер, сверкнув ртутными глазами. – Безумие поглотило тебя.

– И давно, – спокойно согласился тот, кого так искали многие люди в городе наверху. – Мы отвлеклись.

Он вытянул руку вперед и рассек кристаллом кожу. Из раны показалась густая и словно маслянистая кровь, которая медленно растеклась по ладони. Дождавшись, пока вся рука окажется покрытой красной жидкостью, он распластал ее по стене.

– Кровью моей, силой в ней, разумом моим, сердцем и душой заклинаю. Откройся!

Позабытое наречие звучало под каменными сводами, а от пятерни в разные стороны разбегались узоры, обрисовывая большие светящиеся двери. Но вместо ручки или дверного замка на них был странный паз, куда колдун и вставил напитанный силой кристалл.

Кристалл тускнел, а ворота становились все материальнее.

Тихо скрипнув, они отворились, пропуская в следующую комнату.

Светлячок вспорхнул под высокие своды и выхватил из мрака изящные колонны, замысловатые письмена и гладкую стену на другом конце зала. Без единой трещины или неровности породы. Идеальную. Еще одни ворота.

– Этого следовало ожидать, – вопреки сказанному, в голосе мужчины звучало разочарование. – Все не могло быть настолько просто.

– Что потребуется для того, чтобы открыть их? – устало спросил ящер, подаваясь вперед и стараясь прочесть письмена над стеной-воротами.

– Много энергии... очень много энергии. – Мужчина тоже заинтересовался фразой и с усмешкой прочитал: – *«Тар виа суорте, каррин мирэ. Уарвин»*. Да они затейники!

– Что это значит?

– Сила часто дается слишком дорогой ценой. Вернись, – со смешком перевел хозяин тумана. – Они и правда считали, что вставший на этот путь повернет из-за древней цитатки на стене?

– Были у людей иллюзии, – развел лапками ящер.

– Они не люди, – усмехнулся блондин, вновь прижимая окровавленную руку к камню. – В том и шутка, дорогой Ллим, они не люди. Стихии сложно причислить к какой либо расе, несмотря на то, что все они некогда были самыми обычными их представителями. С прожитой вечностью за плечами пора бы набраться ума... или хотя бы избавиться от заблуждений.

Проступившие ворота были больше предыдущих, а узоры в разы сложнее.

– Мне кажется или это плохо? – осторожно спросил Ллим, разглядывая причудливую вязь.

– Не кажется. – На высоком лбу его господина выступила испарина, и он с шипением оторвал ладонь, оставляя на стене кровавый отпечаток, который почти сразу пропал, словно камень впитал кровь как подношение.

– Сколько потребуется на этот раз? – в голосе слуги был лишь безразличный интерес пополам с обреченностью. Удовольствия от убийств Ллим не испытывал.

– Не ты, – задумчиво разглядывая стену, протянул мужчина. – Здесь не подойдут простые смерти, Ллим. Нужны мучительные...

Прерывистый выдох прозвучал в тишине.

– А если как раньше, больных и умирающих, но просто больше? И если не я, то кто?

– Нужно не только больше. Нужно ярче, сильнее... темнее. Замок крепок. – Блондин смотрел, как рана на ладони затягивается, и медленно стирал кровь белоснежным платком. – Кажется, пришло время спускать с поводка нашего пса.

– Он давно ждет. Ты понимаешь, кого он хочет уничтожить? Сделать максимально больно.

– Прекрасно понимаю.

Тонкий батист в багровых разводах упал на камни, а хозяин Ллима неторопливо двинулся назад. Ткань на полу занялась синим пламенем и почти сразу рассыпалась в пепел. Колдун не собирался оставлять следов.

– Мастер – единственный, кто вызывает у тебя интерес. Долгие годы. Если ты так поступишь, то вас всегда будет связывать лишь ненависть.

– По мне – хорошее чувство, – невозмутимый ответ и усмешка. – Оно очень постоянное. Мне однозначно нравится. А что касается моего интереса... он оправдан. Но в последнее время Лельер Хинсар стал скучным. В период саморазрушения Мастер нравился мне гораздо больше.

– Именно поэтому ты собираешься столкнуть его обратно в ту бездну, откуда Лельер выполз?

– Хорошая была бездна, – повторился светловолосый. – Мне нравилась.

Слуга промолчал, лишь покрепче вцепился лапами в ткань на плече господина. В конце концов, такие сложные материи были ему непонятны... да и не желал он их понимать.

Спустя десять минут они вышли из подземелий, и луна посеребрила волосы позднего прохожего.

Он быстро и уверенно шел по мостовым Изумрудного города, поприветствовал попавшийся на пути патруль стражей. Обменявшись несколькими фразами, почтенный джентльмен посетовал, что времена

сейчас беспокойные, вежливо отказался от предложения сопроводить домой и, раскланявшись, двинулся дальше.

Спустя пару кварталов он задрал голову к небу и, окинув взглядом крыши и шпили, проговорил:

– Ну здравствуй, Изумрудный город... Помнишь, я говорил, что пришел с миром? – Мужчина опустил голову, неторопливо натянул перчатку и с улыбкой закончил: – Так вот – я солгал.

Глава 1

О девичьих разговорах и опасных мужчинах

– Миямиль! – рявкнул над ухом голос сестры, знаменуя чудное пробуждение.

Голова раскалывалась, солнце кололо глаза, а одеяло отбирала назойливая сестрица.

– Ами, я, конечно, все понимаю, но дай мне поспа-а-ать.

Я трусливо накрыла голову подушкой.

– Именно это мне сегодня сказать на занятии Мастеру Хину? – ехидно осведомилась сестра. – Студентка Миямиль променяла вас на подушку. Извините.

Упоминание Мастера подействовало лучше любых будильников и даже ведра холодной воды. Вчерашние события промелькнули перед внутренним взором, я застонала и сделала еще одну попытку закопаться под подушку.

– Ну уж нет! – решительно заявила Ами, стягивая с меня одеяло. – Ты, мой маленький рыжий трусливый гном, сейчас вылезешь и расскажешь, что произошло!

– Ничего? – предположила я, робко выглянув из-под своего укрытия.

– Если бы! – возмущенно всплеснула руками сестра. – Если бы ничего не произошло, то ты бы вчера вернулась сама и ножками, а не на руках у Мастера Хина после непонятого ритуала.

Осознав, что скрыть произошедшее не получится, я все же села и, посмотрев на двойняшку через спутанные волосы, пожала плечами:

– Я без понятия, что именно было. Мне, конечно, озвучили то, что я разделила с ним силу, но есть предположение, что Мастер врет.

– В смысле?

Амириль приподняла подол ученической юбки и грациозно присела на краешек кровати.

Я вздохнула и, обняв коленки, рассказала сестре все, что происходило в последние недели. Про то, как глупая гномка Мия

перепутала шута и дознавателя, заехав по лицу последнему за грехи первого. И, видимо, после удара у мужика в голове что-то сдвинулось, так как появился ко мне интерес. Не в ту сторону, в общем, все сдвинулось...

О том, как я случайно стала свидетелем кровавых разборок на улицах города, а потом гуляла с Мастером. И еще хуже – я с ним пила!

О том, что в качестве платы за пощечину он попросил найти амулет у него дома. Нашла. Камешек для мужской силы – и ошибочно посчитала несчастного импотентом, после чего радостно завершила, что вот сейчас мы и можем дружить! Но совершенно забыла, что в секторе Малахит словом «дружба» лучше не разбрасываться, а то можно загреметь в личный круг, и все. Хочешь не хочешь, а общаться придется!

– И ты молчала?! – спустя несколько секунд напустилась на меня сестра, нервно наматывая светлый локон на пальчик.

– А что я скажу? Мастер Хин окончательно тронулся умом и оказывает мне знаки внимания? – слабо огрызнулась в ответ.

Моя белокурая наседка немного помолчала, нервно прикусив губу, а после спросила:

– А что было вчера? Как-то дружеские отношения даже формата Малахита не подразумевают притаскивание домой бессознательных подруг.

– Если честно, то я сама не поняла. – Я встала с постели и, стянув сорочку, начала одеваться в университетские вещи. – Мастер чрезвычайно хитрый тип. Озвучил он красивую легенду о том, что у него обострение Безумия Силы и нужен Разделяющий.

– Вы провели ритуал?

– Он провел. Не спрашивая, и тем более обошелся без таких ненужных формальностей, как присутствие старших родственников и документально подтвержденного согласия Разделяющей в моем лице.

– Тогда это незаконно.

Несмотря на уверенность в голосе, сестра нервно прикусила нижнюю губу.

Я лишь скептически изогнула бровь и хмыкнула:

– Правда? Увы, Ами, все, что делает Мастер, автоматически становится законным и правильным. И ты прекрасно это знаешь...

– И что теперь?..

Я уже стояла у зеркала и, изогнувшись, пыталась застегнуть молнию на юбке. Высокий пояс усложнял задачу, но я не сдавалась!

– Пока ничего. Мы до сих пор не знаем, что ему нужно.

– А что мужчине может быть нужно от женщины? – едко поинтересовалась сестра и, убрав мои кривые лапки, сама застегнула юбку. – Ты как маленькая!

– Ами, это же Мастер Хин. Не может же он быть как все остальные мужики?!

– Если ты не заметила, то он никак не женщина! И Разделяющей он тебя сделал только затем, чтобы приблизить к себе. В общем... Мия, а ты не хочешь в Охру вернуться?

– Как ты себе это видишь? – скептически поинтересовалась я у сестры, подхватывая со стула передник и аккуратно завязывая его на талии. – Я не могу просто так забрать документы! Да и не хочу, если честно. Стану до упора изображать ничего не понимающую идиотку, ведь не станет же он меня насиловать?

– Как ты хорошо про него думаешь, – пробурчала Амириль, критически глядя на себя в зеркало и поправляя волосы.

– А мне кажется, что ты стала слишком плохо думать про мужчин после шута. Не стоит всех судить по этому уро... – Поймав обжигающий яростный взгляд двойняшки, я лишь подняла ладони, показывая, что поняла и больше этого совратителя невинных дев всеу поминать не буду.

Если так разобраться, то я уже нагеройствовалась дальше некуда. Знакомством с Мастером в настолько неформальной обстановке я обязана как раз тому, что побежала выяснять отношения с козлом-шутком, а наткнулась на Мастера Пытки. Главный дознаватель сектора Малахит не прощал ошибок... и рукоприкладства.

Но его дальнейшее поведение не вписывается ни в какие рамки!

Ладно! Хватит рефлексировать, Мия!

Тебя ждет учеба и Зеленая Академия!

Подхватив сумку с учебными материалами в одну руку, а другой подцепив под локоток как всегда зависшую у зеркала сестру, я направилась к выходу из комнаты.

Внизу, в общей гостиной, нас ждали остальные ребята из Охры.

– Вы сегодня задержались! – весело подмигнул нам Винсент, цыкнув острым клыком.

– Не рычи на девочек, вампирюга, – тут же отвесила ему подзатыльник высокая, статная Нира.

Я вновь мысленно подивилась их отношениям. Вампир и оборотень. Черная летучая мышь и белая кошка.

Пока я витала в мыслях о странностях любовных связей, с дивана поднялся Лейдир. Дроу потянулся одним плавным, текучим движением и лениво бросил:

– Что толку спорить? Дождались и дождались, но сейчас хорошо бы поторопиться в Академию. У нас первая пара – история секторов. Предмет занудный, но педагог, как мы помним, требовательный!

Стоило нам выйти на большую аллею, ведущую к Зеленой Академии, как ребята разбились на парочки, а к нам с сестрой присоединился Лейдир. Дроу, как всегда, был галантен и предупредителен и умело вел беседу, но сегодня я витала в облаках.

Хотя бы потому, что упорно не понимала, как вести себя с тем же Лейдиром! Я и раньше не хотела отношений в команде, но когда он начал ухаживать.... ох. Буду честной, я тоже увлеклась. Потому как высокий, красивый дроу не может не покорить женское сердечко.

Но Мастер Хин устроил этому самому сердечку такие психологические потрясения, что я теперь и думать не хотела о чем-либо личном! А с темным эльфом еще объясняться... например, за ту встречу с Мастером, когда дознаватель почти выкинул подаренные дроу цветы.

Я тихонечко вздохнула. Судя по тяжелому взгляду парня, объясняться придется.

А дико, просто кошмарно не хотелось этого делать!

Так что на приближающуюся Академию я смотрела с необыкновенным теплом. Скорее бы!

Сегодня мне сопутствовала удача. До пар Лейдир со мной побеседовать не смог, а после у него были дополнительные занятия по менталистике, и я счастливо сбежала.

Вообще сегодня судьба, очевидно, мне благоволила!

Единственный, с кем я не хотела встречаться больше, чем с Лейдом, это Мастер Хин. Но сегодня его пары отменили, поэтому я дышала свободно.

Мне отчаянно, просто невероятно было нужно время. Попытаться понять, насколько сильно я попала и можно ли как-то вывернуться из хватки этого питона без потерь.

А через час из Академии прибежала сестра и принесла свежие ужасающие сплетни.

В Изумрудном городе пропали уже две девушки. Рыжеволосые девушки с зелеными глазами.

Труп первой пропавшей нашли сегодня утром.

– Откуда ты знаешь? – вскинула я брови, с недоумением глядя на возбужденную двойняшку.

– Подслушала, – беспечно отмахнулась Амириль. – За соседним столиком это обсуждают. Как поняла, у одной из студенток отец служит в департаменте Мастера Смерти, а дело оказалось очень резонансное. В Изумрудном городе уже давно никого не убивали настолько... нагло.

– Обычно убивают по-тихому? – насмешливо фыркнула я, хотя внутренне ощущала себя неуютно от зубоскальства над такой темой.

– В Изумрудном очень бояться убивать оригинально, – внезапно рассмеялась Ами. – Тут есть чрезвычайно любопытный Мастер Пытки. Он любит оригиналов во всех их проявлениях.

– Лично ловит, что ли?

– М-м-м... Мия, а что ты вообще знаешь о мужчине, который проявляет к тебе настолько явный интерес? – внезапно мягко спросила сестра.

Я почесала кончик носа и, поведя плечами, сообщила известный всем студентам минимум:

– Мастер Хин по прозвищу Пытка. Занимает должность начальника департамента дознания, а также является Атрибутом Власти сектора Малахит. Хранитель стихии Тьма.

– А ты знаешь, откуда он получил свое прозвище?

– Если честно, то считала, что у него работа этому соответствует, вот и назвали. Может, самый искусный дознаватель?

Я поежилась, так как вообразить Мастера в залитом кровью помещении наедине с растерзанным человеком отчаянно не хотелось. Но представить было легко...

Белоснежная одежда, светлые волосы, яркие синие глаза, в которых лишь холод арктического льда и... наслаждение. А еще

тонкий скальпель в музыкальных пальцах, что виртуозно умеют с ним обращаться.

– Не совсем, моя дорогая и очень наивная Миямилль, – неожиданно по-взрослому усмехнулась Ами. – Так вот, Мастер Хин заступил на должность десять лет назад. Первые два года он занимал ее чисто номинально и для галочки, так как вопросами ведомства практически не занимался, всего себя посвящая пыточным застенкам. Также ходили смутные слухи о том, что новый Атрибут безумен. Но рты болтунам очень быстро закрыли, что, согласись, очень подозрительно.

– Так и не поняла, при чем тут преступники и прозвище «Мастер Пытки».

– При том, что любимым развлечением господина Хина был отлов убийц в родной столице. Притом разбирался он с ними лично и никто, никто, Мия, не доходил до суда. Особенно сильно он любил серийных маньяков и просто оригинальные, необычные убийства. Потому ему периодически поручают самые сложные и запутанные дела. Ну как поручают... скорее приносят по его распоряжению.

Я несколько секунд осмысливала сказанное, а после осторожно проговорила:

– В том, что он наказывает убийц, нет ничего плохого. Наоборот, это...

– Мия! – внезапно воскликнула Амириль. – Тут дело не в гражданской сознательности! Неужели ты не понимаешь, что ему ПРАВИТСЯ! Нравится охотиться, нравится пытать, нравится убивать. Он сам такой же, как и они, разница лишь в том, что Мастер Хин стоит на вершине пирамиды власти, а не валяется у ее подножия! Не идеализируй его!

– И не думала, – пробормотала я, потрясенная отповедью двойняшки. – Зачем ты так агрессивно?

– Затем, что я за тебя боюсь. Переживаю... а еще потому, что все убитые девушки были рыжеволосыми.

– Тела уже нашли? – К горлу подкатила тошнота.

– Да, – устало выдохнула Ами и отвела глаза. – Двух нашли, но буквально вчера пропала третья.

Я встала, подошла к сестре и, сжав в ладонях ее холодные пальцы, проговорила:

– Все будет хорошо. Не переживай!

Ами едва заметно улыбнулась в ответ дрожащими губами и, подавшись вперед, крепко-крепко сжала меня в объятиях, выдохнув на ухо:

– Я очень тебя люблю и очень за тебя беспокоюсь. Ты все, что у меня есть.

Глава 2

О специфических развлечениях сильных мира сего

Поздний вечер. Дом Леля на улице Пропавшего Рассвета

Лельер Хинсар с завидным энтузиазмом и самоотдачей, достойными лучшего применения, изволил предаваться меланхолии.

Мастер расслабленно сидел в кресле и крутил в руке граненый бокал с янтарным напитком, на дне которого не терял надежды найти смысл. В идеале – глубокий.

– Бабы... – страдальчески выдохнул блондин и почти залпом допил виски.

Казалось бы, все хорошо.

На работе гладко, начальство не колукает мозг, друзья верные и все понимающие.

Даже женщина теперь есть!

Но именно с последним пунктом и начались проблемы. Не далее чем несколько дней назад Лель заявил Миямиль, что теперь она принадлежит ему. Раньше на этом все и заканчивалось, девушки если и сопротивлялись обаятельному шуту, то чисто ради вида и спортивного интереса для. Но шут Лель – это шут Лель. Обаяние, наглость и харизма через край. И он имел очень мало общего со своим альтер эго.

Но сейчас именно перед Мастером стояла задача по завоеванию вредной лепрегномки, которая вопреки тайным надеждам не поспешила, восторженно пискнув, сползти к его ногам. А тут у него было стойкое ощущение, что сомнительное «счастье» в виде Мастера Хина ушастой девочке из Охры не то что даром не надо, но и за деньги не возьмет!

Ситуация была нова. И это Лелю совсем, вот ни капли не нравилось!

Проще говоря, перед главным дознавателем сектора Малахит во всей своей красе вставал вечный вопрос: как завоевать женщину? Хорошо бы быстро, просто и надолго. Ну, или пока надо.

Что может любить Миямиль Гаилат?

Девочка полугномка. Стало быть, камни. Девочка полулепреконка. Стало быть, вновь камни. Вопрос: какие? Насколько он помнил, у каждого жителя подгорного королевства были любимые материалы, работа с которыми удавалась проще всего. Какой камень у Миямиль?

Цветы?.. Уж слишком тривиально для того, чтобы дарить только их. Подойдут разве что в качестве дополнения.

Девочка любит красивое белье. Это, конечно, могло бы упростить задачу, если бы не смутное предчувствие: если подарить Мие чулки, то она задушит ими дарителя за пошлые намеки.

Неизвестно, сколько времени Мастер Хин посвятил бы этой теме, если бы в кармане небрежно брошенного на кровать камзола не завибрировал служебный медальон. Отставив виски, Лель с интересом потянулся к одежде, ощущая, как на дне души яркими искрами вспыхивает интерес. Судя по тональности вибрации, его беспокоил Хельжин Аспид. А главный аналитик департамента не стал бы звонить начальству по пустякам.

Сжав плоский кругляш в ладони, Хин прикрыл глаза, открывая сознание для потока чужих мыслей. Образы кружились, переплетались, суетно забегали вперед, но пониманию проблемы это не помешало. По губам Леля скользнула странная ласково-задумчивая улыбка, и он выпустил из рук средство связи. Медальон со стуком упал на пол и прокатился метра полтора, пока окончательно не замер на дорогом наборном паркете.

Мастер встал, потянулся и, заложив руки за голову, довольно протянул:

– У нас в городе появился маньяк. Прелесть-то какая!

Маньяков Лель любил. Нежно и трепетно. До такой степени, что сам уделял внимание их поимке и «перевоспитанию». Правда, объект после «нравственных нотаций» выносили из подвалов в большом черном мешке и сразу на кладбище, но Лель был уверен, что в следующей жизни они однозначно будут более хорошими людьми.

У Лельера, как у феникса, была нехорошая черта – судить остальных по себе. Ему смерть очень даже помогла! Как сдох – сразу стал образцовым гражданином! Второй раз умер – не прошло и полугода, как на доске почета в родном департаменте оказался. И не утрашения ради, а мотивации для!

Доехав до департамента за считанные минуты, Лель кивнул ребятам на проходной, которые вытянулись в струнку при виде нежданно-негаданно нагрянувшего начальства. Заметив аккуратно задвинутую под стол бутылку с неопознанным содержимым, Мастер мысленно поставил себе зарубочку, что надо послать к сторожам проверку. А то совсем распоясались, черти!

Но не сейчас... не сейчас. В данный момент путь блондина лежал в логово Хельжина Аспида. Немного поплутав по темным коридорам, блондин наконец-то дошел до кабинета своего аналитика и даже вежливо постучал.

Дверь скрипнула и отворилась, явив сумрачному миру довольного жизнью лепрекона.

– Потрясающе! – восхищенно выдал он. – Ты умеешь стучать! Чтоб мне без головы остаться!

– Дошутишься и останешься, – усмехнулся Лель и, не дожидаясь приглашения, зашел в комнату. – Ну, зачем ты меня вызвал? Надеюсь, что дело интересное и стоило того, что я тащился ночью в такую даль.

– Это уже тебе решать, – пожал плечами Аспид, прошел к своему рабочему столу и, подхватив с него папку, бросил ее вышестоящему коллеге. Лель ловко поймал документ, повертел в руках, наслаждаясь тяжестью тайны в руках, и занял кресло для посетителей. По-прежнему не заглядывая внутрь, он кивнул главному аналитику:

– Рассказывай.

– Ты будешь в восторге, – мрачно ухмыльнулся Аспид. – Наш дорогой убийца – мужик с выдумкой и фантазией, а ты любишь такими делами заниматься. Ну а еще... он просил твоего внимания!

– В смысле? – озадаченно вскинул бровь Мастер, ощущая, как под сердце медленно входит острое дурного предчувствия.

– Слишком все нарочито, Лель, – задумчиво перебрал пальцами по столу Хельжин Аспид. – Я бы даже сказал, что демонстративно. Визуализируй изображение с места убийства.

Феникс открепил от папки кроваво-красную пластину и, нажав на несколько символов, бросил ее на пол. Через пару секунд воздух задрожал и начала проявляться призрачная картина. Лель порывисто подался вперед, жадно, с тревогой рассматривая распостертое на камнях иллюзорной мостовой тело.

Девушка до ужаса напоминала Миямиль.

Коричневое платье по колено, кружевной светлый передник и рыжие волосы, аккуратно заплетенные в две косы.

– Похожа, не так ли? – мрачно осведомился лепреккон. – Кто знает о твоём увлечении рыжеволосой девочкой?

– Я не скрывал, – по-прежнему не сводя взгляда с убитой, ответил бывший шут. – Но и не особо афишировал. Ты уверен, что это не совпадение?

– А ты веришь в подобные сходства? – иронично фыркнул аналитик.

– Не верю, но сейчас очень хочется. У тебя не найдется закурить?

Хельжин достал из первого ящика стола портсигар и перекинул непосредственному начальству.

Блондин нервным движением достал сигарету и, покрутив ее в пальцах, проговорил:

– Получается, он ворует девочек, а после одевает, причесывает... и убивает. Как он это сделал?

– Отравил, – повел плечами аналитик.

– Ты был прав, акция явно демонстративная. Что-то еще есть?

– Сегодня утром обнаружили пропажу одной из студенток Зеленой Академии. Родные нашли в комнате записку... можешь полюбопытствовать, она прикреплена на десятой странице дела.

Лель торопливо пролистал до нужного места и, прочитав запись, зашипел и выругался вслух:

– Вот же...

– Зачитай. – Хельжин тоже достал сигарету из портсигара и, щелкнув пальцами, подпалил кончик магическим огоньком.

– *«Смерть идет по твоим следам.*

Не сбежишь – хоть кричи, хоть плачь.

Сняв защиты, замки взломав,

Я приду за тобой. Твой Палач».

– Ничего не напоминает? – иронически осведомился Аспид.

– Я еще не жалею на память. Это переделка моих старых стихов.

– Так что, друг мой, я полагаю, что этого убийцу и ответы на вопросы нам стоит искать в твоём прошлом, – резюмировал Хельжин

Аспид. – Ну, кого ты мог кровно обидеть?

– В тот период? – грустно усмехнулся Лель. – Хельжин, ты же читал отчеты. Я был не в себе, стало быть врагов, которые желали урыть меня с особой жестокостью, всегда было много. С годами сократилось их количество, но, боюсь, повысилось качество.

– В любом случае – вспоминай. Кстати, обе девушки были магами... стало быть, тот, кто их украл, тоже с даром.

– Или увешан артефактами, как елка игрушками на Изломе Года, – возразил Лельер. – Ты сам знаешь, насколько далеко сейчас шагнула артефакторика.

– В любом случае нам нужно искать. Потому что в прошлый раз через три дня мы обнаружили только тело.

– Найдите мне этого уroda, Хельжин, – резко бросил Мастер, порывисто поднимаясь и недоуменно глянув на забытую сигарету, смял ее в пальцах и одним броском отправил в урну. – И еще: пробейте, где он брал одежду для жертвы. Не верю, что она была в этом похищена.

– Да, родственники тоже сказали, что это чужие вещи, – кивнул лепрекон и проследил взглядом за удаляющимся собеседником, который и не подумал попроситься.

Когда за Лелем с хлопком закрылась дверь, длинные уши лепрекона нервно передернулись от громкого звука.

– Феникс... чтоб тебя.

Лель медленно спускался по пустынным лестницам департамента и ощущал, как в груди ворочается ледяной осколок, царапая острыми гранями. Появилось огромное желание плюнуть на все и забрать Мию из Академии, а потом спрятать за семью замками, пока не будет найден убийца.

А вернувшись домой, Мастер Хин нашел на своем рабочем столе листок бумаги с неровными обугленными краями.

Осторожно подцепив его за край пинцетом, Лель поднес послание к свету и громко выматерился, уже совершенно не стесняясь в выражениях.

*«Среди славы Древних Деревьев,
Пережив поцелуй туманов,
Помоги Синеглазой Царевне*

Избежать ритуальных кинжалов!

P.S. Поиграем, Мастер Хин?»

Лель аккуратно положил листок обратно и устало опустился в кресло.

Почему-то в этот раз загадки совсем не радовали.

У всех есть дурное прошлое. У каждого отыщутся моменты, о которых он не желает вспоминать. Но у Мастера Питки сектора Малахит их было даже чересчур много: подборка отвратительных минут, которые он очень долго мысленно перебирал практически ежедневно, откровенно наслаждаясь своим безумием и вседозволенностью.

Глава 3

О нелегком процессе обучения

Миямиль Гаилат

– Итак, дорогие студенты, как мы можем видеть, такое поражение тканей характерно для воздействия амулета Вирдана. Эта информация, несомненно, будет интересна тем, чьим вторым профилем является артефакторика.

Я сидела на лекции Мастера Хина и увлеченно слушала. Сегодняшняя тема была посвящена как раз особенностям амулетов и артефактов. Все же излучение магических предметов штука малоизвестная.

– Получается, этого гнома убили с помощью этого амулета? – спросил дроу, отвлекаясь от записей и указывая на макет-иллюзию трупа на столе.

– А вы как думаете? – спокойно отозвался Мастер, задумчиво постукивая кончиками пальцев по кафедре.

Я замерла, как мышь перед змеем.

Не знаю почему, но он меня зачаровывал, затягивал вот в таких мелочах. Руки... у господина дознавателя были красивые руки, с удлиненными ладонями и изящными пальцами музыканта. С такими нужно вводить в забвенье толпу фанатов, а не в трупах копать.

Белизну кожи подчеркивал странный черный перстень с синим камнем. Массивный, крупный и заметный, выделяющийся на фоне изящества рук. Чужеродный. А в темном сапфире плясали голубые искры, окончательно погружая меня в медитативное состояние, из которого мог вынуть разве что... громкий окрик:

– Миямиль Гаилат? – Испуганно вскинувшись, я заметила ироничный взгляд таких же синих, как и камень, глаз. – Быть может, вы соизволите вернуться из фантазий в наш скромный подвал и ответите на вопрос?

Блин... мне уже и вопрос успели задать? Каким образом от беседы со старостой он перешёл на опросы задумавшихся гномов?!

На меня выжидательно смотрела вся группа и явно ожидала умных мыслей.

Я покосилась на сестру, но не успела Ами открыть рот для подсказки, как демонов Мастер с самым невинным выражением на глумливой бледной морде позвал:

– Ну же, спускайтесь! Осмотрите фантом вблизи, вам будет проще...

Я встала, потными ладошками сжала передник и медленно пошла вперёд. Спустилась со ступенек, остановилась у висящего в воздухе трупа и неуверенно покосилась на Мастера.

– Я никогда не работала с фантомами. Это не анатомия, потому прозрачность тканей очень мешает делать выводы и...

Я лишь развела руками и кивнула на мертвого гнома, который периодически искрился, частями сквозь него просвечивала входная дверь.

Хин лишь улыбнулся, пружинисто поднялся и, энергично подойдя, перехватил энергетические нити подпитки фантома. Они налились природной, стихийной магией Тьмы, которой щедро делился мужчина, и труп гнома тут же стал выглядеть материальнее некуда.

– Так лучше?

– Да, – обреченно ответила я, думая, как бы корректнее сообщить преподавателю, что вопрос я прослушала.

– Чудно. Значит, уже ничто не помешает нам все же узнать, от какого именно воздействия умер этот гном. Итак, Миямиль, представьте, что вам доставили это тело и просят выдать заключение. Что вы можете нам сказать, опираясь на свою немалую базу знаний в артефакторике?

Фу-у-у-у-ух! Я подавила порыв широко улыбнуться и сказать главному ужасу Малахита сердечное спасибо.

Обошла по кругу трупик, приподняла куски одежды, отнимая от обгорелой кожи, и нервно прикусила губу.

– Поражение тканей свойственно нескольким видам защитных предметов, но благодаря вашей информации мы сужаем поиск до амулета Вирдана. С ходу хочу отметить нетипичность случая. Этот амулет обладает точечным, но максимально эффективным воздействием, и обычно удар направляют в грудную клетку или голову. Тут же поражена вся верхняя часть тела, в том числе и руки.

– Ваши предположения? – заинтересованно наклонил голову Мастер, по-прежнему удерживая нити и даже слегка перебирая их,

словно струны.

– Гнома нашли в мастерской?

– Да, – он ещё раз чуть заметно улыбнулся, словно поощряя мою логическую цепочку.

– Тогда я бы подумала, что на финальном этапе работы над амулетом мастер просто допустил ошибку, за что и поплатился.

– Интересная гипотеза. Но ошибочная. Будут еще варианты развития событий?

– На удивление сильно повреждены руки и лицо. Он был совсем без защиты, а все, кто связан с творением амулетов и артефактов, не заходят в мастерскую без защитного костюма или хотя бы перчаток и очков.

– Совершенно верно. Но дадим шанс проявить себя остальным! Какие предположения на тему произошедшего в мастерской есть у аудитории?

Амириль тут же вскинула руку и, получив позволение, сообщила:

– Я бы допустила мысль, что амулет уже после использования пытались зарядить еще раз. А делать этого нельзя. Амулеты на то и амулеты – вещи одноразового использования, сила в них вливается на финальном этапе изготовления, и больше сосуд к повторному наполнению непригоден. Неоднократны случаи взрывов.

– Нестыковка всего одна: амулет цел[1]. А при повторном наполнении и взрыве они распадаются в пыль, – покачал головой Мастер Пытки. – Ещё?

– А дело раскрыто? – внезапно спросил один из лепреконов.

– Да. – Улыбка с лица Мастера не слезала, и он помахал в воздухе простой бежевой папкой с надписью «Архив следственного департамента. Дело № 104». – И, если хотите, вот тут у меня есть материалы. Кроме финального заключения, конечно.

– Анализ амулета тоже?

– Да, Миямиль. Заключение артефактолога и прочие интересные бумажки. В общем, дорогие студенты, до конца пары осталось двадцать минут. Если вы единым мозговым штурмом сможете разгадать загадку, то вся группа получит «отлично». Ну а если нет, то я жду рефераты о воздействии амулетов на живые ткани.

– В качестве домашнего задания?

– Ох, наивные вы мои, – прямо-таки умилился Хин. – Нет, ребята, в дополнение к нему. Итак, принимаете условия?

Мы немного подумали, переглянулись и решительно кивнули. Мастер Пытки передал папку с документами, и в нее тотчас закопались жаждущие халявы студенты.

Сам Хин совершенно не по-преподавательски закинул ноги на кафедру и смотрел на нас полным снисхождения взглядом.

Гад. Нашел развлечение, называется.

Впрочем, почти сразу меня затянула загадка этой мутной истории. На нас с сестрой надели остальные ребята, так как специалистов по артефакторике тут больше не было, и они старательно вытягивали все, что мы могли вспомнить.

– Время вышло! – как гром среди ясного неба прозвучал голос преподавателя. – У вас есть что сказать... дорогие мои детишечки?

Немного посоветовавшись, в качестве главного оратора решили выдвинуть... меня. Я даже пискнуть не успела, как в руки впихнули записи группы, а меня саму вытолкнули на амбразуру.

– Леди Гаилат, – удовлетворённо кивнул Хин и широким жестом разрешил. – Вещайте!

– Изучив предоставленные материалы, мы пришли к выводу, что это убийство по неосторожности, – постепенно набирающим уверенность голосом начала я, нервно стискивая бумаги. – Амулетов было два. Тот что нанес повреждения и второй, найденный следствием. У мастера был очень способный сын, который проводил эксперименты на тему возможностей многократного заряда амулетов после использования. Но сам учитель был ярким сторонником старой школы и слышать ничего не желал про такие нововведения. Как понимаю, во время очередного конфликта молодой гном наполнил силой амулет, передал его отцу, и тот взорвался. Испугавшись, он подбросил в руки покойника такой же артефакт, который и остался целым. Вот наш вердикт. Никаких других вариантов мы на данный момент не видим.

Пауза была достойна лучших театральных подмостков. Но, выполнив свою функцию по запугиванию народа в нашем лице, Мастер Пытки лишь коротко кивнул и сообщил:

– Совершенно верно. Я рад, что не ошибся в вашей группе и что руководство ваших университетов не просчиталось, выбирая

кандидатуры на обучение по обмену. А теперь все свободны, кроме Миямиль Гаилат.

На меня смотрели сочувственно, на Мастера изумленно.

Я мысленно вознесла хвалу за то, что основная масса студентов даже не может допустить мысль о том, что легендарный Мастер не только чудовище, но и мужчина.

Я бы тоже предпочла и дальше пребывать в неведении по этому поводу, но, к сожалению, мое мнение тут не учитывалось.

А жаль.

Амириль нарочито долго собиралась и, судя по нехорошему прищурю голубых глаз, собиралась задать преподавателю немало вопросов, после того как «лишние уши» выйдут из аудитории.

– Ами... не стоит.

Я коснулась запястья двойняшки и выразительно мотнула головой в сторону выхода. – Поверь, я справлюсь.

– Ты уже справились однажды, – почти неслышно фыркнула в ответ девушка, но все же не стала со мной спорить.

Мы с Мастером остались одни.

Я прямо смотрела в синие глаза в нескольких метрах от меня, без слов демонстрируя, что больше не буду трястись от страха.

А он... он сложил руки на столе и на сцепленные пальцы опустил подбородок, с улыбкой наблюдая за мной. Внутренне дрожа от напряжения, я лишь ещё выше вскинула подбородок, вызвав этим тихий смешок Хина.

– Ты такая боевая... слов нет.

– Это хорошо или плохо?

– Это забавно, лепрегомик. – Он медленно покачал головой, с прищуром глядя на меня тягучим темным взглядом, который почти ощутимо скользил по моей коже, и хрипло добавил: – Ты зря убрала учебные материалы.

– Эм?..

Да, я тупила! Но попробуй похвастать остротой мышления, когда ты наедине с самым странным мужчиной в твоей жизни, который вдобавок непонятно что от тебя хочет.

Он поднялся одним слитным, тягучим движением. Потянулся, разминая мышцы, и двинулся ко мне.

Сердце суматошно застучало в груди, забыв про всякий ритм, а после рухнуло в низ живота, чтобы замереть там без движения.

Тишина, казалось, звенела в ушах...

Мастер поравнялся с моим столом, и его пальцы коснулись моих заплетенных в косы волос, подцепили выбившийся завиток, заправили за ухо. Низким, хрипловатым голосом спросил:

– Мия-а-а-а, как ты думаешь, чем мы сейчас будем с тобой заниматься?

Ощущая, как прохладные пальцы недвусмысленно скользят по шее, я судорожно схватила учебник и выдохнула:

– Практической криминалистикой!

– Вот именно, радость моя, вот именно, – спокойно согласился Мастер и, оставив мои волосы в покое, вернулся за кафедру. Вновь развалился в, несомненно, удобном профессорском кресле и, махнув рукой, заявил: – Домашнее задание сейчас сделаешь, лепрегномик. По всем предметам.

– Зачем? – тупо осведомилась я, хотя уже открыла тетрадь. Даже прочитала первые две строки задания.

– Потому что у меня на твой счёт есть планы, – не отрываясь от заполнения журнала, ответил Мастер. – Но оценки от этого страдать не должны.

Что?...

– Какие планы?! – разъяренно рявкнула я, со злостью глядя на этого невыносимого типа, которому совсем уже власть в голову ударила. – Вы с ума сошли?!

– Ага, – даже несколько рассеянно ответил дознаватель, и не подумав отвлечься от своих записей и хотя бы поднять на меня глаза.

– Что значит «ага»?

В этот раз мне уделили несколько больше внимания. Он потёр шею, разминая мышцы, и, прямо посмотрев на меня, с ласковой улыбкой добавил:

– То и значит, милая моя. По заверениям врачей, с ума я сошел еще лет десять назад. Конечно, эти занимательные факты из моей биографии я хотел тебе поведать позже, но раз ты спросила... Ещё будут вопросы?

Я только безвольно осела обратно на стул, а Хин, коротко рассмеявшись, вернулся к своим делам.

Надо признать, что такого ответа я не ожидала. Совсем. Вообще.

– Мия, – вновь раздался мягкий голос, и, вскинув голову, я заметила, что преподаватель пристально смотрит на меня. – Смирись, пожалуйста. Ты же гномка. Ты должна понимать, что нам нужно о многом побеседовать и это дело не пяти минут. Потому будь умницей, сделай все, что задано, и потом уже продолжай возмущаться, если останется такое желание.

Сволочь белобрысяя.

Невозмутимая, собранная и этим вдвойне противная сволочь. В первую очередь потому, что я ничем из перечисленного сейчас похвастаться не могу.

Я, пыхтя как злобный ежик, достала из сумки ещё несколько учебников и громко бросила их на стол. Га-а-адство.

Соберись, Миямилль!

А то соберёт вот этот тип. По своему образу и подобию, поменяв частички местами и подстроив под себя.

Что он тогда говорил? Хочет видеть меня рядом, и ему всё равно, в какую форму надо облечь это желание.

Мастер, в отличие от меня, последователен и выверен в своих действиях, твердо двигается к намеченной цели.

Бросив на педагога еще один говорящий взгляд, я все же направила все свое внимание на учебу.

Прикинув, что Криминалистики завтра нет, да и домашнее задание без вспомогательной литературы я сделать не смогу, отложила тетрадь и с выражением вселенской скорби на лице потянулась к магоматике.

Я, конечно, гном. Наполовину.

Но кто бы знал, как я ненавижу цифры и расчеты!

В ней прекрасно разбиралась Амириль, которая обычно и помогала мне делать задания, но сейчас сестры рядом не было. Честно промучившись полчаса и исчеркав возможными решениями два листа черновика, я уже была готова сдать и отложить вредный предмет, когда раздались мягкие шаги и надо мной склонился Мастер со словами:

– Что у тебя тут? – Он выхватил буквально из-под руки тетрадь, вчитался в задачу. – Высшая магоматика... какая гадость!

Несколько удивлённо покосилась на Пытку, но он явно не закончил меня шокировать. Хин широким жестом сдвинул мои учебники дальше по столу и рухнул на лавку рядом, притом так резко, что я едва успела освободить ему место.

– Итак, давай решать, – пробормотал блондин, покопался в стопке литературы, выудил нужную и, немного полистав, сообщил: – Вот смотри: ты потоки в кристалле распределила по часовой стрелке из-за структуры камня, но не учла, что заклинание творилось в новолуние, стало быть, силу надо пускать в обратном направлении.

Я почесала кончик носа и придвинула к себе черновик. В этот раз решение и правда сошлось, потому мага пришлось сердечно поблагодарить. И теперь я ждала, пока Пытка удалится обратно на свое место.

Увы, он не спешил. Смотрел пристально, без улыбки – и безумно этим нервировал.

– Спасибо, – ещё раз сказала я и отодвинулась подальше.

– Пожалуйста, – невозмутимо отозвался Хин и развернулся ко мне всем телом, с явным интересом наблюдая за попытками отдалиться. – Мия, ещё немного, и кончится лавка. И дальше, минута очевидного и невероятного, – ты свалишься на пол.

– Тогда, может, вы оставите скамью в мое распоряжение и вернётесь на более удобное кресло?

– М-м-м... – Этот поганец настолько демонстративно задумался, что я уже заранее знала ответ. – Пожалуй, нет!

Поганка бледная. Гад ядовитый!

Я, подавив желание психануть и сбежать из аудитории, вернулась к учебе. Терпи, Мия.

Этот невыносимый мужик на своей территории – царь и бог!

К счастью, сосредоточиться удалось быстро, и другие предметы я сделала буквально за час, все это время кожей ощущая присутствие Мастера в непосредственной близости.

И самое противное в том, что я не могла сказать, что это было откровенно неприятно. Да, волнительно, да, у меня сердце то в горле колотилось, то ухало в пятки, но это было что угодно, но не отвращение.

Глупая полугномка Мия. К таким мужчинам, как Мастер Хин, нельзя испытывать что-то кроме страха и уважения. Они разрушительны.

– Закончила! – Я убрала учебные принадлежности в сумку и всем своим видом выражала готовность идти за Мастером Хином... недалеко и ненадолго.

– Замечательно. – Он поправил сапфировые запонки на, как всегда, идеально белоснежном костюме. – Позволь взять твою сумку.

Я вцепилась в тяжеленную поклажу, как в мать родную, и отрицательно помотала головой.

– Мия, – вновь мягко, как с ребенком, начал говорить Хин, – она тяжёлая. А я местами джентльмен и, уж поверь, на все сто процентов мужчина.

На последней фразе на меня так посмотрели и настолько многозначительно ухмыльнулись, что просто ай!

От такой прямой отсылки на мои подозрения в его мужской несостоятельности я мучительно покраснела, но сумку так и не отдала. Посмотрела прямо в синие глаза и с отчаянием спросила:

– Вам на меня совсем плевать, да? Как я буду жить, что про меня станут думать, что станут говорить...

– Не понял, – вновь резко, по-птичьи склонил голову Хин.

– Вы и так меня один раз забирали из Академии на глазах у всех, но это каким-то чудом прошло мимо внимания общественности. Но сейчас, повторно, да ещё и если ВЫ понесете мою сумку... ситуацию поймут однозначно!

Он несколько секунд пристально смотрел на меня, после рассмеялся.

– Ох, лепрегномик... наивное ты создание. – Мастер сделал шаг вперёд, отобрал у меня сумку и, обняв за плечи, склонился к острому и нервно дернувшемуся уху. – Открою тебе великую тайну. Готова?

– Нет!

– А все равно открою, – весело фыркнул Мастер и достал из кармана уже знакомый телепортационный камешек с клубящейся в нем Тьмой. – Так вот, сокровище мое ушастое, вновь минута очевидного и невероятного! Существуют заклинания для отвода глаз. Притом тогда я тоже его использовал. Так что твоя подача прошла

мимо – я заботливый и предупредительный. Искренне советую срочно это оценить и порадоваться!

Не успела я хоть что-то ответить, как Хин сжал камень, между белых пальцев просочились черные вихри, которые стремительно окутали нас и кинули куда-то сквозь пространство.

Я обеими руками хваталась за плечи белого Мастера и молилась... молилась, пусть мне хватит мудрости и здравого смысла, чтобы устоять перед этим мужчиной!

Глава 4

О безвыходных положениях и целеустремленных мужчинах

Когда мгла вокруг рассеялась и я вновь ощутила под собой твердый пол, то сначала отпрыгнула от Мастера как можно дальше, а уже потом огляделась. Судя по роскошной гостиной, мы находились в каком-то городском доме, притом, если мне не изменяет память, я здесь уже бывала...

– Мастер Хин!

– Да-а-а?

Он смотрел на меня с таким искренним интересом, что я даже подавилась возмущенной тирадой и ограничилась лишь эмоциональным:

– Вы меня к себе домой притащили!

– Да, – спокойно подтвердил Хин и даже уселся в кресло, широким жестом предлагая мне занять соседнее. – Правда предусмотрительно?

Садиться не хотелось. Хотелось топтать ногами, разбить во-о-от ту очевидно дорожную статуэтку на каминной полке и, в заключение, надеть на блондинистую голову главного палача Малахита картину с красочным пейзажем. Я прекрасно осознавала всю неадекватность и несбыточность подобных желаний, но реально, ОЧЕНЬ хотелось.

– В чем предусмотрительно?

– Ты чрезвычайно переживала за свой моральный облик перед лицом общественности, и я позаботился о его непогрешимости. Так что располагайтесь, Миямилъ Гаилаг... будем вести светскую беседу.

Пришлось располагаться. Присела, расправила складки на коричневой юбке, с тоской посмотрела на передник, вспомнив про фамильные скалку и сковородку, но решила, что второй раз за рукоприкладство меня не простят.

– Мастер Хин... мы же будем беседовать про мои функции Разделяющей?

– Нет, – с совершенно довольным выражением лица ответил Хин, тем самым зверски переломав крылышки надежде выбраться из этой передрыги без потерь. – Ты прекрасно знаешь, что это лишь предлог.

– Но вы же сказали тогда...

– Лишь для того, чтобы немного тебя успокоить. Я хочу, чтобы ты была рядом, и, наверное, будет излишним уточнение о том, что я всегда получаю желаемое.

Козел. Самоуверенный, наглый и высокопоставленный.

Я решительно посмотрела в спокойные синие глаза и заявила:

– Ну а я вас не хочу. Что будем делать, уважаемый Мастер? Или вы, как и любой властимущий, станете идти к своей цели по трупам? В нашем случае по трупам моей чести, желаний и чувства собственного достоинства! – я заводилась все больше с каждой фразой, кипя от гнева, возмущения и... отчаяния. Потому что да, я не сомневалась в том, что этот мужчина получает то, что хочет, невзирая на любые протесты. – Сколько раз я должна сказать о том, что вы мне не нравитесь, для того, чтобы быть услышанной?!

Когда я закончила свою речь, прервавшись на высокой ноте и не в силах даже выдохнуть от сжавшей грудь паники, в комнате повисла тяжелая, почти материальная тишина. Она сжимала мне виски, просачивалась в легкие вместе с тягучим воздухом и перекрывала кислород.

Смотреть ему в глаза было страшно. Очень страшно, потому что они ни капли не изменились, лишь на губах появилась странная, незнакомая мне усмешка.

– Знаешь, Мия... а мне еще никто настолько смело не заявлял о своем отвращении.

На моем бедном сердце словно обрезали все нити, которыми оно держалось за ребра, и оно рухнуло вниз, чтобы пару раз трепыхнуться и затихнуть.

Ему было трудно врать. Вот так вот, откровенно и глядя в глаза, независимо вздернув подбородок и не дрогнув ни одной мышцей лица.

А я лгала. Мастер Хин был странным, необычным, иногда пугающим, но уж точно не отвратительным. Но я молчала, по-прежнему не сводя взгляда с на удивление яркой синей радужки его глаз.

Мужчины не любят откровенного пренебрежения своей персоной, потому есть надежда, что он меня выгонит. Про второй вариант развития событий я старалась не думать, веря, что главный дознаватель Малахита все же живет по законам чести.

– М-да... – Он задумчиво перебрал длинными пальцами по деревянному подлокотнику кресла. – Надо признать, ты меня поставила в тупик. Без понятия, что с тобой делать.

– Простить и отпустить? – рискнула предложить самый замечательный вариант я.

– Нет, это уже меня не устраивает. – покачал головой Мастер и, пружинисто поднявшись, направился ко мне.

Вжавшись в спинку кресла, я с ужасом наблюдала за его приближением, но дознаватель не торопился на меня набрасываться и творить всякие ужасы. Он целенаправленно и обстоятельно действовал на нервы! Обошел кресло кругом, заставляя меня нервно передергивать ушами, и наконец остановился за креслом, облокотился на его спинку и, нависнув сверху, осторожно коснулся кончика длинного уха.

Напротив нас висело огромное, от пола до потолка, зеркало, и я пялилась в него остановившимся от шока взглядом. Мастер тоже смотрел в зазеркалье, поймав мой взгляд и не отпуская. А наглые, самоуверенные лапищи поглаживали судорожно прижавшееся к голове ушко, начиная от острого кончика и заканчивая чувствительной мочкой.

Я сидела как мышь перед удавом, зачарованная его взглядом и прикосновениями, и не могла разобраться, что сейчас творится у меня в душе.

Мне уже не было щекотно от прикосновений к ушам, мне становилось жарко... и стыдно. Стыд удушливой волной поднимался из живота, заливая краской щеки и сбивая дыхание.

– Видишь ли, моя маленькая рыжая слабость... – тихо проговорил Хин, опускаясь чуть шероховатыми подушечками пальцев вниз по шее. – Так на отвратительных мужчин не реагируют. Правда, настолько яркие протесты твоего разума меня несколько напрягают. Никогда не сталкивался с отказами, малышка, ведь раньше любое «нет» я сносил просто своим упрямством и настойчивостью, но с тобой... что-то подсказывает, что номер не пройдет. А еще мне

почему-то хочется, чтобы это было ТВОЕ решение, Миямилль. Чтобы ты захотела быть со мной и сделала этот шаг, полностью отдавая себе отчет в том, кто я такой и чего от меня можно ждать.

Глядя в синие глаза главного палача сектора Малахит, я полностью отдавала себе отчет в том, что это самый опасный человек как минимум в Изумрудном городе, а потому искренне и от всей души хотела свалить от него куда подальше!

– Я понимаю, кто вы...

– И?

– Честно, Мастер Хин, при всем моем уважении к вам как к педагогу и профессионалу – в личной жизни вы счастье крайне сомнительное!

Я уже говорила, что иногда крайне не к месту высказываю свое честное мнение?

Окончательно смешавшись, я вскинула руку, бесцеремонно убирая прохладную ладонь от уха и с трудом удерживаясь от того, чтобы не сбежать из этого дома с воплями. Не знаю, чем бы закончилась наша в высшей степени оригинальная встреча, если бы в этот момент воздух в двух метрах от меня не засветился, а после из водоворота искорок с шипением выкатилась маленькая... ящерица. Ящерица катилась не просто так, а придерживая всеми лапами какую-то бумажку, которая словно жила собственной жизнью и куда-то рвалась.

– Хозяин, эта пакость зачарована! – эмоционально прошипел новоприбывший и... вспыхнул синим пламенем.

– Саламандра! – изумленно охнула я, в восхищении глядя на древнее чудо.

– Саламандр, прошу заметить. Но с этим мы чуть позже разберемся... помогите мне уже с этой запиской сладить!

Своенравный листок на этот раз все же сумел вырваться из недостаточно цепких лапок и рванул к нам, но до Мастера добраться не смог и осел у меня на коленях.

Я прищурилась, невольно вчитываясь в строки. Первым заметила резкую, отрывистую фразу, написанную злым, угловатым почерком в конце листа: «Поиграем, Мастер Хин?» Словно в противовес подписи, четверостишие выше было старательно, почти каллиграфически выведено:

*Среди славы Древних Деревьев,
Пережив поцелуй туманов,
Помоги Синеглазой Царевне
Избежать...*

Дочитать я не успела, так как листок стремительно забрал Мастер Хин, злобно смял и спросил у саламандра:

– Джар, что это все значит?

Ящер запрыгнул на подлокотник кресла, отчего я шарахнулась в противоположную ему сторону, одновременно с жадностью рассматривая невероятное существо. Существо же обернулось хвостом и, досадливо махнув лапой, проговорило:

– А Стихии ведают, Лель... – Саламандр покосился на меня и спросил: – Мы при барышне обсуждать деловые вопросы станем?

Не успел Мастер как-то отреагировать, как я пробкой вылетела из кресла и рванула в сторону больших двустворчатых дверей, радостно выпалив:

– Я уже уйду!

– Мия...

– Не буду мешать! До свиданья, Мастер Хин... – И, воспользовавшись тем, что кошмарик Малахита занят непонятными записками и саламандрами, я быстро сбежала по лестнице в холл, рассчитывая, что Великий и Ужасный не будет гнаться за мной через свой дом.

И была права!

Но лишь на улице, вдохнув полной грудью холодный воздух и ощутив, как холодок начинает покалывать тело сквозь тонкую блузку, я осознала, что верхнюю одежду забыла в гардеробе Зеленой Академии...

Но не успела я как следует расстроиться на эту тему, как перед моим носом завихрился портал, а спустя секунду из клубов Тьмы, вышел Мастер Хин. Очень злой и недовольный Мастер Хин...

Не сказав ни слова, он набросил мне на плечи темно-зеленую шаль и, развернувшись, ушел обратно в пространственные вихри.

А мне так стыдно стало... и уже не из-за того, что он меня трогал и к чему-то принуждал, а потому, что я совершенно иррационально

себя ощутила неблагодарным маленьким поросенком, к которому и так и эдак, а он ерундой страдает...

Я потрясла головой, стараясь избавиться от вредных мыслей, и решительно зашагала вниз по улице.

А еще у меня почему-то никак не шли из головы те стихи, что я нечаянно прочитала.

Что это? Почему Мастеру предлагали игру и какой именно «Синеглазой Царевне» надо помочь? И самое главное, а где это «среди славы Древних Деревьев»?

Лельер Хинсар. Дом на улице Пропавшего Рассвета

– Ну и что это за представление? – мрачно спросил Лель слугу, как только вышел из телепорта.

Джар снова лежал всем телом на бумажке, прижав ее к ковру пузом и придерживая лапками за края.

– На этой гадости оказалось заклятие запечатления. Бумаженция привязывается к первому, кто ее коснется, и после этого начинает таскаться за жертвой через подпространство. Притом она не горит, не рвется и даже не жуется – я пробовал!

– Меня восхищает твоя самоотверженность, – хмыкнул Мастер и, присев, поднял с пола сначала саламандра, а после и настырную записку. – Но ещё больше меня восхищает изобретательность неведомой сволочи, которая это отправила.

Ящер перебежал с ладони Хина на его плечо и, удобно устроившись на привычном месте, проговорил:

– Думаю, стоит отправить записку на экспертизу. Но в твоём присутствии, иначе она просто сбежит к тебе из лаборатории.

– Верная какая, – с отвращением в голосе прокомментировал Лельер. – Прямо сдохнуть и не жить, какая верная.

– Мы находим то, что ищем, не всегда там, где хотим, – хихикнув, Джар сощурил такие же синие, как и у хозяина, глаза.

– Да, Джар, именно вселенской мудрости мне и не хватало в этот сложный период, – едко отозвался Мастер, с отвращением глядя, как бумажка все же вырвалась из хватки саламандра и, скрывшись в подпространстве, вынырнула из голубых искр перед самым носом Леля.

– Ты же знаешь, я всегда рад помочь и поддержать, – на морде ящерицы цвело самое пакостное выражение, – но на повестке дня по-

прежнему во всей красе стоит вопрос: «Что делать?»

– Я бы сказал, что он стоит не во всей красе, а в неприличной позе, – поморщился синеглазый мужчина и, смахнув с рукава невидимую глазу пылинку, выудил из кармана очередной телепортационный камень. – Демоны, совсем мало осталось...

– Если бы некоторые не тратили служебный инвентарь на разных девиц, то всего бы хватало.

– Твоей пресмыкающейся морде так понравилось быть самкой, что ты страстно желаешь повторить этот опыт? – хмыкнул в ответ Мастер и активировал портал.

Саламандр решил, что в данном случае промолчать – самое мудрое решение!

Тьма развеялась в просторном холле, и Лель сразу поморщился от нахлынувшего в чувствительные барабанные перепонки навязчивого звука.

«Тик-так...» – диктовал сроки жизни секунд огромный маятник часов где-то в вышине.

«Тик-так...» – вторили ему шестеренки, видневшиеся сквозь стеклянные стены.

Мастер Хин огляделся, пытаясь сориентироваться на местности, и неторопливо двинулся по главному коридору волшебного исследовательского департамента.

Его путь лежал в одну из нижних лабораторий ВИДа. Миновав пару подземных этажей, он оказался в вотчине одной из самых талантливых заклинательниц Изумрудного города.

Вежливо постучал в массивную дверь из темного дерева и, дождавшись позволения войти, толкнул створку вперед.

В просторном стерильно-чистом помещении на столе сидела молоденькая девушка, беспечно болтала ногами и грызла большое красное яблоко.

Увидев на пороге Пытку, девушка подавилась фруктом и закашлялась, глядя на вошедшего круглыми от ужаса глазами и напряженно вспоминая все свои прегрешения. Оные, конечно, были на счету ведущего специалиста ВИДа, но уж не настолько глобальные, чтобы ее почтил своим визитом Белый Мастер.

– 3-з-здравствуйте, – заикаясь, выдавила волшебница, поспешно спрыгнула со стола и нервным движением одернула форменный

китель.

– Здравствуйте, здравствуйте, – с фирменной сладко-людоедской улыбочкой отозвался Лельер и, аккуратно прикрыв за собой дверь, поинтересовался: – Надина Зарк?

– Так точно! – едва ли не козырнула девушка.

– Вас-то мне и надо, – возрадовался Лель, этим едва не доведя ценного специалиста до инфаркта.

– А может, не надо? – слабым голосом спросила Надин.

– Без вас никак не получится, – вновь обаятельно улыбнувшись, ответил Лель и, уверенно пройдя в центр кабинета, занял кресло для посетителей. Смерил все еще стоящую навтыяжку волшебницу удивленным взглядом и сказал: – Вы бы присели.

Она словно подкошенная рухнула в свое кресло и осведомилась:

– Что вас привело сюда, многоуважаемый Мастер Хин?

Лель без лишних слов шлепнул на стол гадостную бумажку и щелчком пальцев подтолкнул ее к Надин, которая тотчас стряхнула с себя священный трепет от вида Хранителя Тьмы и, вооружившись пинцетом, подтянула записку поближе.

– Хм-м-м... – Девушка нахмурилась и, взглянув на Хина, проговорила: – На нее наложены какие-то чары, но, к моему стыду, я никогда даже не видела такого. Если вы хотите получить более точные данные о природе наложенных плетений, то листок нужно отнести в лабораторию.

– Природу я и так знаю, – досадливо поморщился Мастер и, щелкнув пальцами, снял невидимость с саламандра, затем отдал приказ: – Утащи эту гадость подальше.

Ящерица согласно мотнула головой и, стремительно пробежав по столу, подхватила бумагу и скрылась в подпространстве. Через несколько секунд Джар вновь появился на плече у Хина и сказал:

– Унес как можно дальше. Ждем!

Волшебница не успела поинтересоваться, чего же именно нужно ожидать, как записка вывалилась из воздуха и плавно спикировала на середину стола.

– Вот, – пояснил очевидное Лельер.

– Она в подпространстве перемещается? – гипнотизируя взглядом листик, полушепотом спросила Надин. – Сама?!

– Ну да... – Мастер переглянулся с Джаром, подсознательно ощущая, что, судя по реакции ведущего специалиста, что-то конкретно не так.

– Но это же... невозможно! – с придыханием проговорила девушка, алчно глядя на листок бумаги, словно он был бесценным сокровищем. – Это новое слово в науке! А можно забрать и как следует изучить?!

– Она ко мне перемещается с любого расстояния, – мрачно констатировал Хин. – И как это – «новое слово»?!

– А вам про это уже было известно? – Получив ответный кивок, девушка предположила: – Насколько я помню, все Хранители Стихий – это переселенцы из других миров. И если вам это заклинание известно, а мне нет... вывод один.

– Отправитель из моего мира.

Мастер Хин испытывал смешанные чувства. С одной стороны, как и любым человеком на чужбине, им долгие годы владело желание увидеть кого-то из соотечественников, а с другой... слишком уж неожиданной стала бы эта встреча, и что скрывать – её предвестники оказались до крайности неприятными.

Плюс сейчас в голове всплыл тот занятный факт, что Лельер Хинсар в бытность свою молодым фениксом не особо интересовался сенсационными открытиями других рас родного мира, но досконально изучал достижения крылатого народа. Стало быть, неведомая сволочь мало того, что из того же мира, так еще и той же расы.

Феникс.

Где-то в Изумрудном городе есть феникс. Сдвинутое на идее мирового господства существо, которого даже страх смерти не остановит только потому, что у него есть в запасе несколько жизней. Кроме этого приятного бонуса любому фениксу от рождения были дарованы незаурядные магические способности и отличные мозги, несколько отравленные манией величия.

Лелю больше не было нужды задерживаться в ВИДе, потому он поднялся и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Погруженный в свои мысли, Мастер медленно шел по коридорам департамента, и служащие, едва завидев высокую, одетую в белое фигуру, тут же шарахались по углам.

Но в данный момент Хину было не до удовлетворения от привычной и все еще доставляющей удовольствие реакции.

Нащупав во внутреннем кармане пластину связи, он сосредоточился на вызываемом собеседнике и позвал:

«Смерть...»

Ответ пришел практически мгновенно, но переливался всеми оттенками раздражения:

«Ну?»

«Айлар, ты мне нужен как мужчина!» – несколько пафосно и с поистине шутовскими интонациями протянул Лельер.

«Дивно, – едко ответил Мастер Смерти. – Мне теперь сплясать джигу по этому поводу? Лель, выкладывай, что надо, и отвали. У меня тут проблемы... в личной жизни».

Поняв, что друг не расположен к юмору, Пытка перешел к сути дела.

«В Изумрудном городе появился феникс.»

Несколько секунд в ментальной связи царило молчание, а после Айлар Тис осторожно уточнил:

«Как понимаю, не стоит шутить на тему того, что феникс еще восемь лет назад появился и мы уже успели офонареть по этому поводу?»

«Именно. Хотя бы потому, что мы все имеем все шансы офонареть повторно и уже летально. Ты не представляешь, с каким размахом проходят разборки крылатых. Город потом по камешку можем собирать.»

«Бери за шкуру Аспида и тащи в свою берлогу, – коротко велел Тис. – Я скоро буду.»

Кивнув невидимому собеседнику, Мастер Пытки, ощущая совершенно не подходящее случаю воодушевление, шагнул в очередной телепорт. Девушек крадет какой-то крылатый маньяк, а он радуется. Впрочем, со своей совестью Лель договорился давным-давно. Он ее не будил, а она его не кусала.

Через пятнадцать минут вся троица была в сборе все в том же знаковом доме на улице Пропавшего Рассвета.

Мастер Хин сменил облик на личину шута и сейчас стоял у бара в распахнутой рубашке и скользил кончиком пальца по веренице бутылок. Хельжин Аспид наблюдал за всем этим с крайне осуждающим выражением лица.

– Мы тут, между прочим, по делу собрались.

Мастер Смерть щелчком пальцев сдвинул неизменную шляпу на затылок и хмыкнул:

– Хельжин, ну ты как в первый раз в гостях. Сейчас наш дорогой, впавший в придурочное состояние Мастер Пытки натешит свое эпатажное эго и разом начнет вершить великие дела с невиданной силой!

Лель наконец-то определился с бутылкой и налил в бокал молочно-белой жидкости с серебристыми искрами.

– Ох, как ты хорошо меня знаешь, дорогой друг, – промурлыкал он, жмурясь от приторной сладости на языке. – Ладно, перейдем к делу. В общем, по новой информации, наш маньяк – феникс.

– С чего это? – спокойно спросил лепреккон и потряс папкой с документами. – То, что на записке ваши фирменные чары, еще ничего не значит. С тем же успехом феникс может быть помощником маньяка или вообще просто ремесленником, который заговорил чистый лист.

– Хельжин, ты знаешь, как думают преступники, но понятия не имеешь, что творится в голове у представителей крылатого народа, – грустно хмыкнул Лельер и запустил руку в белоснежные волосы. – Мы никогда не будем на вторых ролях. Ни-ког-да. Совершенно долбанутая натура не позволит, потому что даже гены диктуют, что феникс должен быть на вершине. В этом же свете мне совершенно не верится, что кто-то из нас станет спокойно сидеть в какой-то лавке и заговаривать бумажки. Но, разумеется, ты можешь проверить свои гипотезы. Но я гарантирую, что там не найдется нитей, за которые можно потянуть.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг, которые Аспид разложил на ковре, тихой барабанной дробью, вырывающейся из-под пальцев Лельера, и завершающим аккордом где-то на грани слышимости сгорала папиросная бумага на сигаре Мастера Смерти.

– Лель, чего он хочет? – вдруг негромко спросил Айлар, делая очередную затяжку и пристально глядя на друга сквозь сизую завесу дыма. – Это откровенный вызов. Убийство девушки, похожей на Мию,

похищение следующей – похожей на нее. Стихи – калька на твои песни из раннего периода. Как давно ты писал их?

– Года четыре назад, – передернул плечами феникс. – Я не помню, Лар... Но у меня два варианта. Первое – он хочет разбудить во мне былые склонности. Ты ведь сам помнишь, я даже в состоянии аффекта был склонен к театральности. Он достойный преемник.

– А второй вариант – это месть. Наша первая версия, – добавил свою гипотезу Хельжин Аспид. – Скольких ты убил, Лель? Вся информация о твоих первых годах после вступления на должность Атрибута сектора Малахит засекречена.

Стекло треснуло в руках Лельера, по пальцам побежал густой серебристо-белый напиток, постепенно смешиваясь с кровью и белыми каплями падая на дорогой паркет.

Синие глаза бездумно смотрели в одну точку, а тонкие ноздри трепетали, словно шуту отчаянно не хватало воздуха. Маска беспечного Леля стекла с лица, как алкоголь из разбитого бокала. Мастер Хин тяжело опустился в кресло и тихо проговорил, не глядя на друзей:

– Тебе дадут всю нужную информацию.

Глава 5

О старых загадках и случайных встречах

Миямиль

Я не рассказала сестре о записке, а также умолчала о встрече с Мастером.

Не хотелось втягивать в свои проблемы только-только оправившуюся от личной трагедии Амириль.

Сама разберусь! Из плюсов я могла обозначить то, что Мастер Хин точно не насильник, он предпочитает девушек уговаривать и вряд ли опустится до шантажа. Надо просто продержаться достаточно долго для того, чтобы его интерес угас. И определиться с ролью... увы, маска наивной идиотки, которая так выручала еще недавно, сейчас уже не подойдет. Он просто мне не поверит. Стало быть, нужно придумать что-то соответствующее его видению и выгодное мне.

Достойная гномка. Образцовая, сдержанная... и, быть может, даже кому-то обещанная на родине? Увы, нет. Иначе почему я не сказала о нареченном еще в самом начале приставаний?

Ладно, тогда придется быть чрезвычайно занудным и скучным созданием.

Я только усмехнулась, ухватив за хвост последнюю мысль. По сути, я и так им являлась, ибо часовые лекции о камнях, трупах и прочих прелестях, входящих в сферу моих интересов, могли выдержать немногие!

– Мия, к тебе можно?

В дверь забарабанили, и я, узнав звонкий голос сестры, крикнула:

– Да, входи! Открыто.

Деревянная створка с размаху стукнулась о стену, заставив меня дернуться от резкого звука, и в комнату впорхнула светящаяся, довольная Амириль.

– Я пойду погуляю, ты не против?

Двойняшка замерла возле туалетного столика и, окинув свое отражение придирчивым взглядом, поправила и так идеально лежащие

светлые локоны.

– И с кем ты отправляешься гулять? – Я развернулась на кресле и насмешливо фыркнула, с иронией глядя на сестру.

– А вдруг одна? – кокетливо подмигнула мне Ами, но сразу раскололась: – С Таридином.

– Дишель? – вспомнила я род лепрекона из аквамаринской группы и рассмеялась. – Ами, таки лорд лепреконов все еще тревожит твое воображение?

– Мечты детства так просто не изживаются, – хихикнула в ответ она и, подлетев, порывисто чмокнула в щеку. – Не скучай!

Несколько секунд, и златокудрый вихрь в бирюзовом шелке вылетел за дверь, оставив после себя лишь сладковатый аромат духов.

Я задумчиво поболтала ногами и невольно покосилась на правую стену, за которой была комната Лейдира.

У меня не получалось быть такой же легкой, как сестра. Я не могла забить на все свои проблемы и погрузиться в отношения. В данном случае я понимала, что ответить взаимностью не смогу и, стало быть, серьезный разговор с дроу становится уже насущной необходимостью.

Хватит и Мастера Хина по мою рыжую душеньку... Проблемы надо решать в порядке очередности, и мужчин это касается тоже! Мне нужно образование, а не интрижки.

С этой светлой мыслью я притянула к себе учебник по все той же магоматике и погрузилась в дебри учебного процесса. Проблуждав там в поисках света знаний часа два, я с тихим стоном выпрямила спину и поняла, что прогулка и для меня становится насущной необходимостью, а то совсем голова не варит.

Захватив сумку и проверив, на месте ли кошелек, ключи и прочие важные мелочи, я решительно вышла из особняка.

Над Изумрудным городом разгорался закат, заливая крыши кроваво-красным сиянием, подсвечивая местами пожелтевшую листву и превращая столицу Малахита в сказку. Древний город был стар, прекрасен, как ограненный драгоценный камень, и напитан солнцем.

Мне тут было очень хорошо и очень спокойно.

Поправив ремешок сумки, я решительно зашагала вверх по улице, решив в этот раз посмотреть главные площади города, а не спускаться к набережным. Но в голове помимо восторгов всплывали также воспоминания о том, чем закончилась для меня последняя такая прогулка. Залитый кровью переулок, Всадники Смерти и оба Мастера, склонившиеся над обезображенным телом смертника. А после прогулка с Хином, конец которой терялся в алкогольной дымке, сквозь которую просвечивало лишь незнакомое лицо красивого синеглазого парня и его сильные руки, поддерживающие меня.

Мастер... Такой разный Мастер Хин. Многоликий, чтоб его.

Про то, второе лицо я старалась не вспоминать, потому что чувства этот эффектный парень вызывал у меня вполне определенные и никак не вязавшиеся с его основной внешностью. Ну все это куда подальше! Для моего же душевного спокойствия.

Я дошла до площади и застыла на краю, глядя на огромное столпотворение. Сегодня была Осенняя Ярмарка, потому нелюдей всех мастей вокруг было полно.

– Юная леди, извольте отойти в сторонку, – раздался над головой трескучий голос, и, вскинув взгляд, я лицом к... м... морде оказалась со всеми восемью глазами огромного арахна.

К такому потрясению моя психика была не готова, хоть я уже и не первый день нахожусь в Изумрудном городе и вроде бы привыкла ко всему многообразию его... фауны. Да простят меня разумные ее представители.

Ножки задрожали, и я привалилась спиной к теплой после солнечного дня стене дома, прилагая все моральные силы, чтобы не сползти по ней вниз.

Арахн, видимо, осознал, что неподготовленной гномке плохо, потому, уже не обращая внимания на приличия, спрыгнул со стены, показав мохнатое красно-черное пузико, и... спустя несколько мгновений выпрямился, превращаясь в человека.

Красные глаза сверкнули на сером лице, а когтистые пальцы стукнули по краю шляпы, сдвигая ее выше. Узнавание рухнуло на меня одновременно с его фразой:

– Леди Миямиль! Какая встреча.

– Здравствуйте, Мастер Смерть, – чуть дрогнувшим голосом ответила я, пытаясь сладить с потрясением.

Он арахн?!

Хотя в таком случае становится понятна более чем специфическая внешность.

Воцарилась пауза. Кажется, Мастер сам не знал, что его дернуло не просто поздороваться, но и перевоплотиться, и теперь задумчиво смотрел на меня, явно размышляя над тем, что же теперь делать с чрезмерно осведомленной полугномкой.

– Вы гуляете? – наконец светски спросил Айлар Тис, подходя ближе и без лишних слов предлагая взять его под руку.

– Д-д-да, – немного дрогнувшим голосом ответила я, морально не готовая составлять компанию Смерти. Как-то слишком много Мастеров стало в моей жизни.

– Дивно, – улыбнулся тот, очевидно плевать хотевший на мои желания. – Надеюсь, мое общество вам не помешает?

Я мрачно посмотрела на красноглазого Мастера и ответила:

– Ну что вы!

Ну а какие еще могут быть варианты? Хотя было бы забавно в лицо выкрикнуть: «Ни за что!» – и с дикими воплями скрыться в толпе.

– Как вам наша столица? – вежливо осведомился господин Тис, ловко лавируя в толпе со мной на прицепе.

– Замечательно, – проямлила я, ощущая себя не в своей тарелке.

– Я счастлив, что вам нравится! – вполне искренне отозвался Смерть и продолжил играть радушного коренного жителя, устраивающего обзорную экскурсию для наивной провинциалки. – Тут все иначе, чем в Охре, но Изумрудный город по-своему прекрасен! Вокруг него множество как памятников старины, так и просто оваянных слухами и легендами мест. Та же Зеленая Академия – одно из них!

М-да, судя по начавшейся лекции по истории, Айлар Тис не собирается прощаться в ближайшие несколько минут. А жаль, между прочим!

После десятиминутного рассказа о достопримечательностях он внезапно спросил:

– Как вам учеба? Успеваете?

– Да, все хорошо. – Я не выдержала и наконец задала мучивший меня с самой встречи вопрос. – Мастер Тис, к чему такое пристальное

внимание?

Он остановился, развернулся ко мне всем телом и чуть склонил голову, глядя на меня с легкой улыбкой, а потом сразил наповал:

– Ну как я мог проигнорировать девушку своего друга?

Ба-бах!

Это моя челюсть, если кто не понял.

– Кого?! – мой голос взлетел к высоким тональностям, и на нас даже покосились прохожие.

– Ну как это кого... его светлости Атрибута Малахита, Мастера Пытки.

От перечисления всех титулов предполагаемого возлюбленного мне стало дурно, и я даже схватилась за стену одного из домов.

Если честно, трусливо хотелось хлопнуться в обморок и не разбираться с этой ситуацией, но сознание не торопилось уходить в блаженное небытие.

– Эм... Мастер Смерть, – робко начала я, когда заботливый господин Тис аккуратно подхватил меня под локоток. – Дело в том, что вы не так все поняли.

Айлар Тис по-прежнему смотрел на меня со всем вниманием и почтением на узком сером лице.

– В общем, я не его девушка, – выпалила я, мысленно уже готовясь к тому, что доказывать мне это могут уже в застенках Малахита.

Кто знает, как Атрибуты на отказы реагируют?

– Ну, я бы внес маленькую поправку, – повел плечами в темно-красном плаще мужчина и дополнил: – Он не ваш мужчина.

Надо заметить, что этим высказыванием достопочтимый господин Тис внес разлад в мою честную душу...

– Ладно, Миямиль... думаю, что решать это должны вы с Мастером Хином, а не со мной, – примиряюще улыбнулся Смерть, но улыбка почти сразу сбежала с его лица. Он достал из внутреннего кармана металлическую пластину, сжал и, прикрыв глаза, ловил ментальный поток.

– Милая леди, прошу меня простить, – чуть склонил голову Мастер после того, как сеанс связи был закончен. – Работа не ждет, и преступники, в отличие от нас, не отдыхают, так что я вынужден вас покинуть.

Слава подгорному богу!

– Уже? – Я честно попыталась изобразить легкое разочарование, но, кажется, не преуспела. – В любом случае не смею вас задерживать.

– Удачной прогулки. – Мастер Смерть на прощание поднес мою руку к губам, касаясь пальцев мимолетным поцелуем. – Было приятно с вами пообщаться.

Я нервно заверила его в том же и с облегчением смотрела, как Мастер растворился в толпе.

Да, наверное, я была очень дерганая, но попробуйте вести себя спокойно, когда к вам на улице подходит глава департамента безопасности государства и ласково сообщает, что отныне вы девушка главы департамента дознания! Вот он выйдет из пыточных застенков, ручки помоем и сразу к вам!

Вот вопрос, оно нужно – такое счастье?

Нет!

Так что я решительно огляделась и направилась в ближайшую таверну заедать стресс!

Заведение под названием «Драгоценный гусь» располагалось на другой стороне улицы, и я повертела головой в поисках перехода. Да, в Малахите было не такое оживленное движение, как в туннелях Охры, но все равно довольно сильное. Зачем рисковать головой, перебегая дорогу в неположенных местах? Приключений на одно место можно найти, даже если ты совершенно законопослушное создание... я живое тому подтверждение!

Наконец-то увидев переход в нескольких десятках метров ниже по улице, я решительно двинулась туда, но огонек, разрешающий движение пешеходам, начал мигать, едва я ступила на булыжники мостовой. Я решительно подобрала подол юбки и рванула вперед!

И где-то посреди дороги я столкнулась с другим таким же торопыгой.

Вернее, он пер напролом посреди перехода, и все расступались с дороги богато одетого господина, а вот я не посчитала самоуверенный вид основанием для того, чтобы шарахаться в сторону. Потому впечаталась носом прямо в дорогой шейный платок, сколотый булавкой с желтым бриллиантом. Баснословно дорогим желтым бриллиантом...

Беглый взгляд дал понять, что встреченный тип весь попадает под определение «дорогой» – начиная с отлично скроенного костюма и шляпы-цилиндра, на которой крепились артефактные очки, и заканчивая тростью, набалдашник которой сжимали затянутые в белые перчатки руки.

– Девушка, может, вы меня уже пропустите? – надменно спросил «дорогой» господин, нагло вскидывая светлую бровь и глядя на меня темно-серыми глазами.

Я честно попыталась убраться с его дороги, но не преуспела, так как один из шнурков на моем корсете поймал в плен пуговицу с костюма мужчины. Я это видела, а он нет... потому когда, потеряв терпение, просто рывком отстранил меня, то пуговица оторвалась и поскакала по брусчатке к краю дороги.

– Э-э-э...

Я попыталась было обратиться к странному прохожему, но его высокая фигура уже пропала из вида. Поддавшись порыву, я метнулась за пуговицей и, подняв ее, едва успела увернуться от сигналящего автомобиля.

Встав на цыпочки, я несколько минут вглядывалась в людей и нелюдей на той стороне, но «дорогого» там не было видно.

– Ну и пусть... тоже мне, хозяин жизни нашелся, – пробормотала себе под нос и, наконец-то разжав пальцы, с любопытством осмотрела добычу.

А она интриговала...

Щекотала кожу магией, намекая, что пуговичка не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд.

Не знаю почему, но я сунула находку в боковой карман сумки, а после все же устремилась к своей мечте. К еде!

«Драгоценный гусь» оправдал мои ожидания и побаловал плотным вкусным ужином, после которого я неторопливо двинулась в сторону особняка, куда нас расселили.

Глава 6

О необычных артефактах, важных решениях и скандалах

Следующий день прошел настолько хорошо, что я поневоле насторожилась. Тихо, мирно, гладко... как до моего близкого знакомства с Мастером Пытки. Он сам, кстати, тоже не появлялся, а я все еще переваривала «замечательную» новость, которую сообщил Смерть, и прикидывала, как бы потактичнее сказать Хину, что он в полете.

Но кроме внимания Атрибута Малахита у меня была учеба. Много учебы. ОЧЕНЬ много учебы, которую я немного подзапустила за последнюю неделю и теперь активно навёрстывала с помощью сестры и Лейдира. Вот и сейчас мы сидели в общей гостиной и всей компанией «пилили» рефераты.

Сент и его киса устроились на диванчике в отдалении и миловались, пользуясь тем, что свое домашнее задание уже выполнили.

– Мия, смотри, ты вот здесь допустила ошибку, – тихо проговорил дроу, придвигаясь ко мне и указывая пальцем на пергамент. – Неправильная формула перераспределения потоков, думаю, лучше всего будет использовать теорему Даррина-Зиланта.

С другой стороны к моему боку прижалась Амириль и, внимательно посмотрев на чертеж, нехотя кивнула, подтверждая, что темный эльф прав.

Когда с этим наконец-то было покончено, я вздохнула с облегчением и, сложив все в стопочку, наострила ушки, потому что наши влюбленные мышь и кошка перешли от поцелуев к диалогу.

– Завтра ведь криминалистика, так? – мечтательно промурлыкала Ника, закатывая глаза к потолку, и тихо ойкнула оттого, что Винсент дернул ее за волосы. – Что?!

– Неужели ты тоже залипла на эту хищную птичку в преподавательском кресле?

– Как ты невежливо о Мастере-то... – покачала головой Амириль и, прищурившись, ехидно спросила: – Не боишься?

– А что он мне сделает? – беспечно пожал плечами вампир. – Я подданный другого государства и студент по обмену, а значит, нахожусь под дипломатической неприкосновенностью. Ну и вдобавок – а что я такого сказал? С птицей его сравнил? Так это практически комплимент...

Я вспомнила специфический облик Хина и даже согласилась с утверждением однокурсника. На очевидные факты обижаться глупо.

– Ох, как я устала, – тихо простонала моя двойняшка, потягиваясь на ковре, и, рывком сев, весело предложила: – Как насчет того, чтобы выпить чаю? У меня есть печенки!

Предложение было воспринято на ура, так что до комнаты я доползла уже поздним вечером. Сделав над собой усилие, решила, что сумку все же надо собрать сейчас, с вечера, но стоило мне потянуть ее за ремень, как поклажа рухнула на пол – и по паркету с веселым стуком покатила пуговица. Ловко поймав беглянку, я поднесла ее к свету, задумчиво рассматривая странный узор, высеченный на янтаре.

Вещица вновь покалывала кончики пальцев отголосками магии, и сейчас я отчетливо понимала, что она артефактная. Но вот назначение определить никак не получалось.

Не сумев засунуть свое любопытство куда подальше, я решительно вытащила из шкафа футляр с инструментами и уселась за стол.

– Ну-у-ус, – промурлыкала я, настраивая лампу и алчно поглядывая на пуговичку. – Что ты у нас такое?

Натянув рабочие перчатки и прищурившись, я с интересом уставилась на вязь проявившихся чар. Но их структура не была целостной. Некоторые боковые линии болтались, словно разорванные, и чуть заметно искрились из-за невозможности передать энергию... дальше по цепочке?

Я слышала про артефакты, состоящие из нескольких частей, но они считались настолько сложными в изготовлении, что не всякий подгорный Мастер брался за такую работу. И то виденные мною вещи были крупными, стало быть, наладить между ними связи было хоть и сложно, но возможно. А тут... такая маленькая, а энергетические нити тонкие, как паутинки.

Пуговица – часть какого-то артефакта, который из-за ее отсутствия наверняка перестал работать.

Аккуратно подцепив вещичку пинцетом, я поднесла к ней увеличительное стекло, стараясь лучше рассмотреть руну, высеченную на янтаре.

Как ни странно, она была мне незнакома. А я в свое время посвятила немало времени как раз изучению рунических знаков, которые ставятся на артефактах. Так было проще всего определить их назначение. Отложила лупу и, сняв перчатки, заглянула в специальную книжечку, но после беглого просмотра выяснила, что такого знака там нет. Среди самых распространенных нет...

А клеймо Мастера?

Еще через минуту я отодвинула пуговицу в сторону, выключила лампу и, нервно прикусив губу, машинально покрутила в пальцах пинцет. На артефакте не было клейма. Но это... невозможно! Мастера всегда, повторюсь, ВСЕГДА оставляют свои инициалы на выполненных работах. Ну а на артефакте такого уровня их просто не могло не быть, так как это шедевр, и не верю, что его автор захотел бы оставить произведение искусства без подписи.

Мой разум тревожили эти загадки, а еще понимание, что без пуговички артефакт работать не будет. И, по совести, надо бы вернуть вещь владельцу... я же могу его найти, потому что нити артефакта тянутся к остальным компонентам, стремясь вновь стать единым целым.

Вспомнив незнакомца на переходе, я поежилась и грустно вздохнула. Он совсем не походил на милого и приятного человека, для которого хочется делать добрые дела.

Но вариантов нет, не так ли, Миямилль?

– Ладно! – Я быстро сложила инструменты на положенные места и убрала коробку в шкаф. – Я подумаю об этом завтра! Ведь для поисков нужно душевное равновесие, сосредоточенность и несколько свободных часов. И лучше бы не тянуть, а то вдруг хозяин артефакта приезжий.

Ну а на следующий же день, когда я как раз и планировала достигнуть душевного баланса и найти остальные части артефакта,

случилось ЭТО.

Надо заметить, что мужчины часто выясняли отношения из-за Амириль. Если честно – постоянно. Но вот я сама впервые оказалась на месте то ли дамы сердца, то ли приза. А может, и два в одном.

Последней парой у нас была криминалистика. Мастер Хин все занятие провел, закинув длинные ноги в белых ботинках на стол, и скучающим голосом начитывал нам учебные материалы. По его совершенно непрофессиональному поведению было видно, что ученички Мастера утомили, да и вообще он был не в восторге от процесса.

Хотелось честно высказать свое мнение прямо в наглую морду, но дразнить дракона было бы самым тупым занятием в моей жизни. Потому я молчала, периодически нервно улыбалась Лейдиру, который сегодня сел рядом и выразительно поглядывал на меня.

Ами ехидно ухмылялась, но я уже прикидывала, как стану душить ее подушкой, потому что двойняшка бессовестно ушла сегодня к лепрекону и кинула меня на растерзание дроу.

По идее, поговорить с ним нужно было срочно, но, к моему стыду, я трусливо сбежала сразу после пары. Не готова, ну не готова пока! Особенно на глазах у Мастера. Но, как известно, «поспесишь – всех насмешишь», потому минут через пять я обнаружила, что забыла в аудитории конспект, в котором также было индивидуальное задание от Хина. Немного помучавшись, я таки решила вернуться, но уже на подходе услышала голоса из-за приоткрытой двери. Я хотела было постучать, чтобы дать о себе знать, но рука замерла... я различила свое имя.

– Мастер Хин, вы правда думаете, что являетесь пределом мечтаний для молодой девушки? Такой как Миямиль...

– Вы немного не поняли сути вопроса, Лейдир, – жестко ответил Мастер. – Я не советуюсь с вами и не жажду услышать мнение по этому вопросу. Я говорю, что не хочу видеть вас рядом с Мией.

– Вы забыли замечательную фразу: «Иначе будут последствия».

– Вы с успехом ее додумали сами, и я искренне рад, что у столь перспективного дроу все хорошо с логическим мышлением. Я не поклонник красочных рассказов в стиле «руки оторву, глаза выковыряю»... предпочитаю поступки словам.

– Вас не одобрит ее семья.

– А вас одобрит? – насмешливо хмыкнул Мастер. – Полагаю, что дедушка страстно желал как-то компенсировать лепреконскую половину девочек и выдать их замуж за достойных гномов, от которых двойняшки и удрали в Университет Пути, поступив на первый попавшийся факультет.

– Зато лепреконы и эльфы – близкие родственники с точки зрения генетики.

– Знаете, меня даже восхищает ваше бесстрашие, Лейдир. И упрямство, граничащее с глупостью. Повторю, если вы с первого раза не поняли: Мия – это моя девочка. Я выбрал.

Он выбрал? Его девочка?

Что?!

Я кипела от злости настолько, что даже уши нервно подергивались, а их кончики жгло от стыда и ярости так, словно к ним поднесли огонь.

Мне хотелось с размаху открыть дверь, притом стукнуть ею о стену так, чтобы с потолка посыпалась штукатурка. А в идеале врезать этой самой дверью по наглой морде, такой же белой, как штукатурка из предыдущего образа.

Мастер, говорите? Великий, ужасный, Атрибут Малахита и так далее? Бояться – в пояс кланяться – на глаза не попадаться?

Как бы не так!

Сейчас я, уважаемый Мастер Хин, на правах «вашей девочки» выскажу все, что думаю!

Но сначала нужно дождаться, пока уйдет Лейдир. Выяснить отношения с Пыткой я предпочитаю наедине – хотя бы потому, что мне он прощает многое, а вот на свидетеля наших диалогов это вряд ли будет распространяться.

Едва успев шарахнуться в нишу, я проследила взглядом за торопливо прошедшим мимо дроу с поистине каменным выражением лица и мысленно порадовалась тому, что некогда сделала амулеты от телепатии. Было бы обидно сейчас проколоться.

Стоило сокурснику скрыться за поворотом, я одернула передник, с нежностью вспомнив про скалку, которой уже доставалось Мастеру Хину, и зашла в аудиторию. С наслаждением хлопнув дверью, да!

На момент моего триумфального появления блондин как раз застегивал папку с документами и явно не ожидал, что сейчас к нему

придут скандалить. Он смерил меня удивленным взглядом и даже вопросительно выгнул бровь.

– Мия?

Я мрачно на него посмотрела, откинула тугую косу за спину и подтвердила.

– Мия.

Пытка скривил губы в усмешке, прислонился бедром к кафедре и, перебрав по ней изящными пальцами, предположил:

– Подслушивала?

– Услышала, – несколько откорректировала его видение ситуации я.

– И теперь пришла ругаться?

– В точку.

Он закатил глаза к потолку.

– Боги, какой я проницательный, а? Просто сам собой горжусь со страшной силой. Хоть иди и смещай с поста главного аналитика.

Оттого, что он вместо нормального диалога сразу начал издеваться, у меня окончательно отказали все тормозные механизмы.

– Вы считаете это нормальным?! Заявить мне и окружающим, что я... подземный бог, что я ваша девочка!

Он взял папку и неторопливо спустился со ступенек, подошел ко мне и встал вплотную. Нависая, подавляя, практически касаясь телом тела. Я хотела отступить, но мастер поднял руку и сцапал витую прядь волос у виска, удерживая меня на месте.

– А что, было бы лучше, если бы я просто сделал? Просто взял... Поиграл, оставляя эту маленькую тайну между нами, и пошел дальше. Или что, моя остроухая прелесть, о таком развитии событий ты не думала? Конечно, ведь проще жалеть себя из-за ухаживаний Мастера Малахита, который до сих пор почему-то интересуется твоим мнением?

– Где? – скривилась я, не согласная с его позицией. – Обо всем, что связано с вами, я узнаю постфактум! Мне говорят, что я ваша Разделяющая, после дополняют тем, что я ваша девушка... что последует за этой интригующей информацией?

Он скрестил руки на груди и сразил меня честным ответом:

– Без понятия. Я пока не решил.

– Замечательно, – саркастично отозвалась я и припомнила недавние события. – А с Лейдиром что сейчас было? Я вам что, животина бессловесная, чтобы так делить?!

– Мия, ты женщина. Именно так решаются вопросы, если двоим мужчинам нравится одна дама. Это естественно. Это правильно. Именно так должно быть.

– А дать выбор девушке не пробовали?

– А зачем утруждать ее лишними метаниями? – непритворно удивился Мастер Хин. – Только крайне инфантильные мужчины могут пафосно заявить: «Пусть выберет женщина». Женщина – такая же цель, как и все остальное в этой жизни. Нужно определиться, какую ты хочешь, и добиваться, не ожидая, что плод сам свалится в руки. А я хочу тебя, Миямиль, о чем уже не раз говорил. Я готов ждать, готов дать возможность узнать меня поближе, но не позволю отказать из чувства протеста и противоречия.

Он отпустил мои волосы, медленно погладил шею, а после, соскользнув пальцами до моей ладони, крепко сжал ее и потянул за собой к двери со словами:

– Пойдем пообедаем. Я голоден как волк!

Я безвольно шла за ним, как теленок на веревочке, и ощущала, как под ребрами бьет крыльями восхищение, замешанное на отчаянии. С одной стороны, он прав... он прав настолько, что у меня сладко замирает сердце, а с другой – у меня никак не получается достучаться до этого мужчины! Он меня не слышит! Воспринимает только то, что соответствует его видению ситуации, а все остальное отсекает как бесполезное.

Таким мужчинам, как Мастер Хин, не отказывают. На таких смотрят с обожанием, таких любят до последней капли крови... до последней минуты его интереса. А после существуют, баюкая воспоминания, как детей, и живя лишь ими.

Я не желаю себе такой участи.

Но что еще мне нужно сделать, чтобы он наконец-то оставил меня в покое?! Да проще сказать, чего я не творила в присутствии главного дознавателя Малахита! А ему хоть бы что.

Может, ему вообще это неадекватное поведение нравится? Да ну, ерунда. Он же сам очень спокойный и собранный, ему не могут нравиться такие бестолковые девицы.

Потому в этот раз я решила быть послушной и очень скучной!

Я ни капли не сопротивлялась, когда он затащил меня в портал, послушно прошла в отдельный кабинет, села напротив и благовоспитанно сложила ручки на коленях.

Мастер искоса посматривал на меня, явно удивленный таким тихим поведением, но пока молчал. Нам принесли меню, причем гарсон раскланялся с таким подобострастием, что казалось, сейчас растянется на полу в раболепной позе.

Не сдержав брезгливости, я едва заметно поморщилась и уловила тень таких же эмоций на лице Хина.

– Как твоя учеба? – через пару минут осведомился Мастер в попытке начать диалог.

– Спасибо, просто отлично, – растянув губы в улыбке, ответила я.

– Я рад, – медленно ответил мужчина, с подозрением глядя на меня, и кивнул на книжечку с перечислениями блюд. – Надеюсь, ты не имеешь ничего против национальной кухни Малахита?

– Что вы, Мастер Хин, я только за, – тихо проговорила я, потупив взгляд и с интересом изучая узор на кружевной салфетке.

– Это хорошо.

Воцарилась пауза, во время которой у меня алели и зудели ушки от пристального взгляда, но я по-прежнему смотрела на стол и не торопилась помогать дознавателю в таком нелегком деле, как ведение светской беседы.

Внося некоторое разнообразие, в кабинете вновь появился официант и подобострастно изъявил готовность принять наш заказ.

– Мне, пожалуйста, ваше фирменное жаркое и салат «Янтарный».

– Он острый, – счел нужным предупредить гарсон.

– Я знаю. На это и расчет. – Он протянул руку через стол и коснулся моих пальцев. – Миямиль, ты определилась с выбором?

– Мне то же самое, что и многоуважаемому Мастеру, – с придыханием отозвалась я, глядя на бледного типа напротив и надеясь, что получилось изобразить нужную концентрацию благоговейного трепета.

Судя по вопросительно поползшей вверх брови, достопочтенный дознаватель искренне не понимал, какого демона тут происходит.

– Хорошо. – Несколько заметок в блокноте и вопрос: – Вам подсказать что-то в чайной карте?

– С ней я пока не определился, – покачал головой блондин и жестом отпустил гарсона.

Пару минут мы так и сидели. Мастер пристально смотрел на меня и постукивал длинными пальцами по столу, а я отвечала ему безмятежным взором абсолютной идиотки.

– Мия, ты меня пугаешь, – наконец-то соизволил заговорить Хин. – И надо признать, что совершенно ставишь в тупик своим поведением, что крайне непривычно, потому как обычно этим занимался я.

Где, интересно? В подвалах с жертвой? «Посмотри, как я жонглирую скальпелями!»

– Не понимаю, о чем вы, – ровно ответила я все с той же доброжелательной улыбкой. – Разве я веду себя неподобающе или доставляю вам проблемы?

– Честно, уж лучше бы ты скандалила. Это привычнее и понятнее, если учесть сцену, которую ты застала не так давно. – Он подался вперед, завладел моей рукой и переплел пальцы, а после медленно, растягивая каждый слог, спросил: – Что ты задумала, Ми-и-и-ия?

А у меня от этих его ленивых интонаций сердце в живот обрывается, а кровь грохочет в ушах, заглушая все другие звуки. Только жаркий, древний ритм... тук-тук... тук-тук... все быстрее и быстрее, потому что прохладные пальцы Мастера невесомо поглаживают нежную кожу запястья. И я смотрю ему в глаза, теряясь в бесконечно синем цвете, который становится все темнее и темнее с каждым моим судорожным вдохом.

– Ничего, – с трудом выдохнула я, нервным движением освобождая ладонь из мягкой, но уверенной хватки.

Он меня отпустил. Поднял кончики пальцев к тонкому носу, втянул воздух и улыбнулся.

– Ты приятно пахнешь, моя маленькая лгунья. Масла?

– Д-д-да... – запнувшись, ответила я, лихорадочно размышляя над тем, что ему можно ответить, но Мастер лишь погрозил мне пальцем и с едва заметной усмешкой проговорил:

– Молчи, лепрегомик... Я не люблю ложь, как бы сладко меня ни обманывали. Тем более зачем мелочиться? Просто пообедай со мной, а потом я верну тебя домой.

Я лишь согласно опустила ресницы, потому что ответить мне было нечего. Все, чего мне сейчас хотелось, – это выругаться, потопать ногами и, быть может, даже покидаться в стену небьющимися предметами. В общем, начать себя вести согласно второй и, как заверяла Ами, лучшей половине своей натуры. Лепреконской.

На этого невозможного типа ничего не действовало. И что самое плохое – на меня вот как раз очень даже действовало.

С каждым днем я все сильнее проваливалась в трясину ненужных и незваных чувств.

Весь обед оказался испытанием для моих нервов.

Мастер больше и не думал заводить вежливую беседу. Он молчал. Весь демонов час он молчал, общаясь лишь со служащими ресторана, когда что-либо добавлял к нашему заказу! И смотрел на меня. Долго, пристально, изучающе. Иногда мне казалось, что он по кусочку отрывал от меня хитиновый панцирь моральной защиты и пытался добраться до сути. Мыслей, чувств, эмоций...

Так что к тому моменту, как мы все же покинули это несомненно очень дорогое и пафосное заведение, я была на грани. Еще чуть-чуть – и окончательно сойду с ума! Слишком уж большое напряжение.

Мы вышли из портала в моей комнате, и по-прежнему молчаливый Мастер несколько секунд пристально смотрел на меня, а потом коснулся длинной пряди волос и начал медленно наматывать ее на палец, с каждым оборотом притягивая меня все ближе к себе. В тишине слышалось только мои частые испуганные вдохи и его, глубокие и немного хрипловатые.

Бледные губы были так близко, нас разделяло такое мизерное расстояние, что я чувствовала на своих теплое дыхание Хина.

Он не торопился. Приближался так медленно, словно растягивал удовольствие, наслаждался предвкушением. А меня уже трясло крупной дрожью от жуткой смеси волнения и ожидания.

Когда до неотвратимого, как рок, поцелуя оставалось лишь несколько миллиметров, я рывком отвернулась, и он коснулся моей щеки. Тихий смешок прошелся по нервам, как наждачная бумага по металлу. А наглые губы откровенно прихватили кончик уха, и Мастер шепнул:

– Ты и правда думаешь, что у нас обоих есть выбор? – Он невесомой лаской скользнул по кромке острого ушка, бесстыдно лизнул мочку, отчего я тихо охнула, вцепившись пальцами в плечи Мастера. – Хорошего дня, моя милая девочка. И не ходи никуда одна, в городе неспокойно.

Он рывком отстранился и, не оглядываясь, скрылся во мраке пространственного перехода, а я бессильно осела на постель, ощущая себя настолько амебоподобной, словно из меня разом все кости вынули.

Прижала холодные руки к жарко полыхающим щекам и прерывисто выдохнула.

Что же мне делать, а?

Глава 7

О том, что в любых непонятных ситуациях надо идти к психологу

Портал вынес Лельера Хинсара на пороге большого дома в тихом, уютном райончике Изумрудного города. Именно сюда пару лет назад переехала чета Ла-Шавоиров после пополнения в семействе. Именно в этом доме не любил бывать бывший шут... сначала потому, что вид золотоволосой женщины был слишком болезненным напоминанием о том, от чего он отказался, а после не давало покоя ощущение своей чуждости на празднике жизни. Словно он явился на торжество не только в траурно-черном костюме, но и гроб с собой прихватил, оставив у дверей, словно саквояж.

Дверь открыла высокая полупрозрачная девушка, которая, окинув Мастера долгим взглядом, согнулась в почтительном поклоне.

– Приветствую, Мастер Хин.

– Добрый день, Мерилин, – едва заметно улыбнулся Лельер и прошел в просторный холл. – Госпожа Юлия дома?

– Да, мой Мастер. – Девушка-призрак еще раз поклонилась и закрыла входную дверь за незванным визитером. – О вас доложить?

Мужчина только кивнул, и Мерилин, подпрыгнув, воспарила к потолку, а спустя миг ее фигура скрылась в районе люстры. Лель только с улыбкой покачал головой. За что он ценил эту девицу – так это за понятливость и за то, что она четко разграничивала свое поведение с Мастером сектора и с шутом Лелем.

В этот момент по лестнице торопливо застучали каблуки туфель и на верхнем пролете показалась невысокая девушка со светлыми кудрявыми волосами. Она удивленно распахнула глаза, неверяще глядя на долговязую фигуру у дверей, и выдохнула:

– Лель...

Он несколько секунд с нежностью смотрел на девушку, а после стремительным движением оказался рядом с ней и подхватил хозяйку дома на руки, приподнимая ее за талию и целуя в щеку.

– Здравствуй, Юлька!

Она отстранилась, с нежностью глядя на друга, и, потянувшись вперед, сама звонко коснулась его скулы поцелуем.

– Ты бессовестная зараза, мой дорогой. Кто обещал регулярно забегать в гости?

– Прости, я несколько заработался, – покаянно вздохнул Лельер и вспомнил: – И вообще, ты же отправила детей в гости к бабушке, так что не нужно смотреть на меня так укоризненно: пока мелкие были тут, я честно выполнял свою роль... этого... как его?

– Крестного, – явно в сотый раз напомнила Юлия.

– Точно. – Блондин отстранился, игриво дернул хозяйку дома за одну из выбившихся из прически кудряшек и спросил: – Ты собираешься поить чаем бедного-несчастливого друга, уставшего после долгой дороги?

– Долгой дороги от тротуара до крыльца? – хмыкнула Юля, но потянула Мастера за собой. – Я прекрасно знаю, что ты сейчас окончательно обленился и передвигаешься или на машине, или порталами. Смотри, Лель, скоро отрастишь брюшко и окончательно перестанешь нравиться женщинам!

– Что значит «окончательно»? Неужели я сейчас кому-то не нравлюсь? – притворно ужаснулся Лельер, чьей доходяжной комплекции могли позавидовать любые скелеты. – Вообще, лучше за мужем следи. Мне такой недуг, как брюшко, точно не грозит, он в основном образуется у ничего не подозревающих мужчин после брака. Кстати, а где твой благоверный? В кои-то веки я почтил вас визитом, а он не торопится встречать!

– Кик на работе, – грустно вздохнула Юлька. – Приехала делегация из Охры во главе с Морриганом Сталь, и они увлеченно бодаются по поводу пограничных пошлин, ну и вообще культурного обмена между странами.

– Мор здесь, а я и не в курсе? Надо навеститься в Кален-Зар, а то пропущу все веселье!

За привычным обменом колкими любезностями они дошли до уютной гостиной, отделанной в золотисто-бежевых тонах. Спустя несколько минут в дверях появилась Мерилин и поставила на круглый столик несколько чайничков и маленьких стеклянных пиал.

– Ох, Юленька, ты знаешь, как сделать мне хорошо, – блаженно простонал Лель, приподнимая крышечку одного из чайничков и

принюхиваясь к сладковатому аромату. – Это «жемчужная кровь»?

– Да, – не скрывала улыбку девушка, глядя, как Лель наливает в пиалу немного молочно-розового напитка.

– Ум-м-м... дивно, просто дивно. Женщина, скажи, почему я не женился на тебе несколько лет назад? Стоило своровать у Феликса, как и планировал!

– Ну, во-первых, потому, что я бы за тебя все равно не пошла, а во-вторых, у тебя дома не менее роскошная чайная коллекция, так что не прибедняйся. В конце концов, даже мое увлечение чаем началось именно с твоей подачи.

– Что значит «не пошла»? – не на шутку возмутился бывший шут. – Я был бы очень убедителен. Ну или воспользовался бы тактикой твоего муженька и не спрашивал! У него же в итоге все выгорело!

Юля покачала головой и с нежностью протянула:

– Шут.

– Ну, не совсем. – Лельер взъерошил волосы и вновь потянулся к чаю.

– Я вижу, – медленно кивнула Юля и, дождавшись, пока друг наполнит пиалу, спросила: – Что привело тебя сюда, Мастер Хин? И не нужно врать, что соскучился, я все равно не поверю. В этом облике ты лжешь крайне неубедительно.

Он ответил не сразу. Несколько секунд грел в руках чай, а после, усмехнувшись, признался:

– Сложности у меня, Юльк.

– С чем же? – вопросительно выгнула светлую бровь девушка и с усмешкой предположила: – Кажется, в последний раз ты так говорил, когда не мог выбрать, кто лучше: блондинка с четвертым размером груди или брюнетка с головокружительно длинными ногами.

– Теперь меня занимают более сложные вопросы! – не выдержал и расхохотался шут.

– Неужели рыжая? – с деланным изумлением округлила глазки Юлька, и по тому, как закашлялся Лель, подавившись чаем, поняла, что попала в точку. – Реально рыжая? И ты действительно снова из-за какой-то бабы ко мне пришел? Лель, ну это свинство.

– Ну, в этот раз все сложнее, – повел затынутыми в белое плечами тот.

– Не дает? – насмешливо прищурилась старая подруга.

– Не дает, – грустно кивнул Мастер. – Даже целоваться не дает.

– Какая умная девушка! – восхитилась Юлька и, с иронией глядя на блондина, безжалостно добавила: – Так тебе и надо!

– Она мне нравится, – серьезно ответил бывший шут. – По-настоящему, действительно безумно нравится.

– Ты не поверишь, но в этот момент мне стало жалко не тебя, а неведомую рыженькую девушку. Дело в том, что и я, и Настя с содроганием вспоминаем то время, когда мы тебе нравились.

– Ну вот, – усмехнулся бывший шут. – Скажешь, что я плохо тебя развлекал?!

– Чрезмерно хорошо, Лель, чрезмерно... – покачала головой Юля и сама потянулась к одному из прозрачных чайничков, в котором плескался янтарно-желтый чай. – Расскажи-ка мне, дорогой мой друг, зачем тебе вдруг понадобилась эта девушка. И кто она? Ты не отступаешь от традиций и снова переселенка?

– Нет, на этот раз я решил быть оригинальным, – хмыкнул блондин и сразил подругу откровением: – Она полугномка.

Юля подавилась чаем и судорожно закашлялась, пытаясь прийти в себя.

– Кто?! – Несколько секунд она молчала, а после шепотом спросила: – Гномы – это такие маленькие и бородатые?..

– Ну да, – с совершенно незамутненным взором ответил бывший шут, искренне не понимая такой острой реакции собеседницы. – А у вас гномы другие, что ли?

– У нас гномов вообще нет, только сказки. – Юлия залпом допила чай, налила еще, сделала маленький глоток и осторожно поинтересовалась: – Тебе нравятся бородатые женщины?

Нет, госпожа психолог, конечно, многое повидала в болотном мире, в том числе и пассий Лельера, но про такие специфические вкусы услышала впервые.

Пришла пора бывшего шута давиться эксклюзивным напитком.

– Что?! Юлька, ты совсем перегрелась на ядовитом солнышке болотного мира?

Блондинка помотала головой и в общих чертах обрисовала, как именно земляне себе представляют гномьих женщин, а Лель расхохотался и покачал головой.

– Не-е-ет... в этом мире гномы просто низкорослая, крепенькая раса со склонностями к магии земли и нежной любовью к разнообразным минералам. Борода – гордость гнома, почти как коса у эльфов, но у гномов растительности на лице нет.

– Ну и хорошо, – облегченно рассмеялась хозяйка дома. – А то я уж решила...

– Лучше не озвучивай, – торопливо перебил ее Мастер Хин и вернулся к основной теме диалога. – В общем, девочку зовут Миямиль Гаилат, и она студентка по обмену из Охры. Я ее преподаватель.

– Ну хоть не ректор... – пробормотала Юля, пытаясь скрыть смешки. – А то совсем был бы канон. Ладно, вернемся к нашим баранам, то есть к тебе. Зачем тебе девочка-студентка? Неужели развратные леди при дворе закончились?

– Надоели, – передернул плечами Мастер Хин. – Да и вообще образ жизни шута надоел, понимаешь? Мне не двадцать пять лет, и я уже слишком нормален для того, чтобы продолжать в прежнем духе. Мне нужна хорошая девочка. Надолго.

– Как понимаю, эта самая девочка не согласна с твоими умозаключениями?

– Угу. Раньше просто изображала из себя ничего не понимающую идиотку и ресницами хлопала, а сейчас открыто посылает куда подальше. Мастера Хина посылает, Юльк!

В голосе Леля слышалась досада пополам с восхищением и даже гордостью за ушастую лепрегомку.

– Потрясающая девица, – согласилась с ним девушка и, заправив прядь волос, мягко спросила: – А чего ты от меня-то хочешь?

– Совета, – пожал плечами Лель. – Я не представляю, как себя с ней вести... раньше все было в разы проще, но прежние методы не годятся.

– Почему это?

– Потому что ипостась шута Леля уже накосячила. – Он поморщился и признался: – Сначала мне понравилась ее сестра, но почти сразу я понял, что привлекшие меня черты характера – наносные.

– То есть ты сначала совратил сестрицу своей зазнобы, а потом на нее саму переключился? – потрясенно охнула Юлия и покачала головой. – Лель, даже если она не знает, то это ужас!

– Я пришел не затем, чтобы ты мне мораль прочитала, – сухо напомнил Мастер Хин, с нехорошим прищуром глядя на молодую женщину, и та внезапно вспомнила, что перед ней Мастер, а не шут. Да и полно, осталось ли в нем хоть что-то от шута за эти пять лет? С каждым днем, с каждым месяцем тот сумасшедший психопат, с которым она познакомилась много лет назад, отходил на второй план, прячась в темных закоулках души феникса.

А Мастер Хин не был эпатажным шутком и откровенничал редко.

– Ладно... ты к специалисту или к другу? – решила сразу расставить приоритеты «госпожа психейлог».

– К другу, – немного подумав, определился Мастер. – Я понимаю твои опасения, но Мия – это совсем другое. У меня нет целей поиграть и бросить, именно поэтому я не заходил далеко с ее сестрой. Изучал.

– А ты не думал, что реально можешь быть не в ее вкусе? – осторожно намекнула Юля на более чем специфическую морду лица собеседника. Хотя ее сама это в свое время ничуть не отталкивало... в конце концов, нет некрасивых мужчин, есть мужчины не обаятельные. Ну а харизматичность Лельера не перебивалась ничем, даже физиономией Мастера Хина.

– Думал, – легко признался тот. – Но там явно проблемы с тараканами в головушке, а не в моем лице.

– Приставал? – понимающе хмыкнула хозяйка дома.

– Конечно, приставал, – самодовольно кивнул блондин, но почти сразу помрачнел. – Но она же не обычная девушка... она гномка, у которой логика на первом месте!

– Ты говорил полукровка... вторая часть какая?

– Папа лепрекон.

Юля изумленно округлила глаза и расхохоталась.

– Да-а-а... повезло тебе, что скажешь! В общем, мой дорогой, у тебя два варианта... или соответствовать ее идеальным представлениям с точки зрения гномки, или впечатлить лепреконскую. Они очень падки на эпатаж и все необычное в принципе...

– Эпатаж – это шут, – поморщился Мастер и коснулся своего подбородка. – Этому лицу раздолбайство совершенно не идет...

– Дело в том, что немного нечестно демонстрировать девушке только одну свою сторону, – осторожно начала говорить Юлька. – Будь собой, Лель... Ты настолько специфичный, что нечестно притворяться

пусей, а потом бабах – и ты не белый и пушистый, а седой, зубастый и волосатый.

– Пусей?!

– Ой, не придирайся, ты понял, о чем я! Ну и с нами, девушками, самое главное – это настойчивость. На Земле даже есть такая поговорка про настырных кавалеров: «иногда проще дать, чем объяснить, почему не хочешь». Но перед тем, как идти напролом, я прошу тебя еще раз подумать о том, насколько это нужно... Лель, ты очень ветренный. Я не помню, чтобы у тебя была одна постоянная девушка.

– Мне не хотелось, – повел плечами бывший шут. – А сейчас... смотрю на тех, других, и понимаю, сколько их имели до меня и поимеют после. И рождается здоровая брезгливость.

Юльке очень хотелось сказать, что та же брезгливость может возникнуть и у женщин, но не стала выходить с другом на конфликт, так как прекрасно понимала, что у мужчин в этом плане очень двойные стандарты. Ну и ставить это в вину фениксу, который несколько лет имел все, что движется, пил, что горит, и курил все, что не вызывало мгновенного привыкания... Но Юля слишком хорошо знала, через что он прошел, и потому молчала.

Пауза не продлилась долго, в кармане Мастера завибрировала пластина внутренней связи, и, коснувшись прохладного металла, он впустил в сознание поток чужих мыслей. Образ Мастера Смерти виделся как черно-красная размытая дымка с четкими эмоциями досады и раздражения.

– *Лель, мы нашли девушку в центре Стальной Роуи. Мертвой. Приезжай, ты нам нужен как эксперт. Твои не понимают, как именно ее убили.*

Мастер Пытки прерывисто выдохнул, прикрыл глаза и торопливо поднялся. Юля встревоженно привстала и почти сразу угодила в объятия друга, который коснулся округлой щеки ласковым поцелуем и проговорил:

– Извини, но мне срочно нужно бежать. Работа. И да, огромное спасибо, ты мне очень помогла!

– Надеюсь, ничего серьезного? – встревоженно проговорила Юля.

– Рутина, – лучезарно улыбаясь, соврал Лельер, прекрасно зная, что беременным женщинам волноваться нельзя, пусть они даже на

совсем маленьких сроках. – Все, я убежал. Не скучай, Юленька... если что, зови, мы с тобой можем повторно ограбить музей!

– Нет, спасибо, мне хватило одного раза! – расхохоталась девушка и осторожно коснулась жестких белых волос. – Береги себя.

– Да что со мной станется, – дернул уголком рта Мастер и цинично добавил: – Два раза умирал, мне это только на пользу пошло.

И, выпустив хозяйку дома из объятий, он решительно направился к выходу, а Юля, пристально глядя ему вслед, тихо шепнула:

– Злоупотреблять все равно не стоит... особенно если у тебя осталась всего одна жизнь, бывший шут.

Глава 8

О неприятных воспоминаниях

Мастер Пытка стоял в центре широкой дорожки в заброшенном парке на окраине Изумрудного города. На стыках гранитных плит пробивалась трава, а по обе стороны возвышались покрытые зелеными пятнами мха фигуры коленопреклоненных плачущих женщин, уронивших лица в ладони. Вечер бросал на дорожки и статуи кроваво-красные отблески ядовитого закатного солнца, а тени деревьев тянулись к белым ботинкам, как когти чудовищ.

Но Лельер Хинсар уже давно не верил в сказочных монстров. Слишком много он их встречал в реальной жизни... и слишком прекрасны они были внешне.

Вокруг его фигуры кружился легкий дымок от зажатой меж пальцев сигареты, а синие глаза с прищуром смотрели в чашу. По тропинке почти неслышно двигалась темная фигура. Когда Смерть поравнялся с коллегой, то лишь хмыкнул и проговорил:

– Ты решил отобрать у меня заслуженную прерогативу конфисковывать у подчиненных сигареты?

Белый Мастер лишь затянулся, дернул уголком рта и спросил:

– Она в центре Стальной Рощи, да? На той самой плите, где я тогда трупы свалил.

– Верно, – со вздохом ответил Айлар и двинулся вперед, жестом приглашая Леля за собой. – У тебя есть мысли?

– Угу, – стряхнул пепел с пальцев Мастер Хин. – О том, что нужно чаще слушать аналитиков, потому что Хельжин оказался прав. Убийца начал с первого места моей «боевой славы». Очень сомнительной...

– Банда потрошителей?

– Даже странно, что убийство произошло не зимой.

Лель только кивнул и, выбросив окурок в ближайшую урну, поправил воротник и уверенным шагом двинулся вперед.

Восемь лет назад его назначили на пост Мастера Пытки сектора Малахит. Восемь лет назад в бедных кварталах города появились странные трупы, в которых отсутствовали некоторые органы. Восемь лет назад они вместе с департаментом Смерти узнали, что банда

потрошителей скрывается в заброшенных катакомбах, один из выходов из которых был в центре Стальной Роши. Тогда она была просто «Старой Рошей», местом, которое было тут задолго до основания Изумрудного города и куда не заходили местные жители, отчасти из-за потусторонней жути, которую навевали покореженные древние деревья, а отчасти потому, что чаща была окутана нехорошими слухами.

Восемь лет назад они загнали бандитов, как крыс, и накрыли как раз здесь. Но внезапно оказалось, что одного отряда мало, потому что стражники были растерзаны буквально за несколько минут.

А Мастер... Мастер смотрел на разлившуюся по снегу кровь, и его пьянила эта картина. А быть может, это слишком напоминало то, как лилась уже ЕГО кровь по алебастрово-белому мрамору в подвалах Серебряной Госпожи.

Лельер очнулся на горе трупов, с ног до головы перепачканный чужой кровью так, словно он в ней купался. Из-за колоссального выброса Тьмы деревянная роща превратилась в металлическую и навсегда застыла в изломанных позах. Старая Роща стала Стальной.

Ну а Белого Мастера долгие годы называли не иначе как Зверем и боялись даже собственные подчиненные.

Засунув чувства и сантименты куда подальше, заодно с воспоминаниями, как именно он забывал все здесь произошедшее, Мастер Пытка сосредоточился на деле.

Но в тот момент, когда он увидел рыжую девушку, лежащую на белой плите в центре поляны, сердце замерло и пропустило несколько ударов.

Он подошел ближе к трупу и выдохнул. Не она. Безумно, просто невероятно похожа, но не она. Но стоит отдать психопату должное, он как следует поработал над несчастной девочкой, подгоняя ее под нужный образ. К ним неслышно приблизился второй эксперт-криминалист, но Лель покачал головой, и тот поклонился и отступил, приготовив чемоданчик с реактивами и блокнот для записей.

– Молодая рыжеволосая девушка примерно двадцати лет, – тихо начал Мастер, присаживаясь на корточки рядом с трупом. – Раса – нага. Убита в человеческом облике. Волосы завиты и заплетены в две

косы, на щеках нарисованы веснушки. Чертов ублюдок позаботился даже об этом... Платье по покрою совпадает с формой студентов Зеленой Академии. – Лель обошел девушку, слегка задрал подол юбки, открывая колени, и, коснувшись затянутых в дорогие чулки ног, неслышно выругался. Убийца знал даже о пристрастии Миямиль к хорошему, дорогому белью. Мастер был почти уверен, что исподнее на жертве тоже не из дешевых.

В этот раз вокруг не было слепящего глаза белого полотна, но прошлое и настоящее так плотно переплетались в его разуме, что даже картинка двоилась.

Нет снега и горы трупов, пальцы не испачканы в крови, и на душе нет той грязи, от которой, кажется, вовек не отмоешься.

Лельер Хинсар смотрел на мертвую девушку в центре круга с досадой и злостью. Досадой на себя – за то, что не успел и не уследил, – и злостью на неведомую сволочь. Очень идейную сволочь.

Понимание того, что все происходящее – вендетта, красной нитью пульсировало в голове.

– На теле записка, – сразу перешёл к делу один из криминалистов и протянул Мастеру листок, окутанный лёгким сиянием для того, чтобы не смазались старые энергетические следы и не появились новые.

Лель кинул взгляд на листок и скривился.

К нему почти сразу подошёл Смерть и спросил:

– Есть что-нибудь интересное?

– Несомненно, – с очень странным выражением лица ответил Пытка и негромко прочитал четверостишие:

*– Ритуальным клинком исчерчена,
Первой жизнь отдала синеглазка,
Потому что, в гордыне немереной,
Глупый Шут пренебрег подсказкой.*

– М-да... это о том стихотворении, что присылалось следствию? Но там не увидели никаких зацепок.

– Значит, плохо смотрели, – хмуро ответил Лель и, отобрав у друга сигарету, нервно докурил ее буквально за несколько затяжек. – Мы все плохо смотрели. «Среди славы Древних Деревьев»... вот они, деревья. Именно древние и с крайне сомнительной славой. Синеглазая царевна и ритуальные кинжалы тоже фигурировали.

– Интересно, а то, что дурная молва связана именно с тобой, имеет принципиальное значение? Как понимаю, этот урод свои преступления строит по идеальной схеме и каждая деталь в них что-то значит.

– Нам нужно искать не просто логику, Лар. Нам нужно иметь логику психопата.

– Тогда очень удачно, что у нас есть ты, не так ли? Так как кое-что не сходится, – покачал головой Смерть. – Это же не первая убитая. Тогда почему он пишет «первой жизнь отдала синеглазка»?

– Не знаю, – мрачно ответил Мастер Хин и добавил – Пока не знаю.

Глава 9

О новых знакомых. И странностях

Миямиль Гаилат

Я сидела и гипнотизировала взглядом пуговицу, потерянную господином в шляпе. Она блистала янтарем в солнечных лучах, падающих на стол из окна, и... искушала.

Эта вещь – пример работы неведомого мастера. Она уникальна. Я даже не знала, что можно создавать такие артефакты.

А ведь по плетению в камне и обрывкам нитей можно немало понять, если как следует изучить. То есть если оставить ее себе и не искать хозяина.

В жизни любого человека случаются моменты, когда порядочность встречается с амбициями. В этих неоднозначных ситуациях перед нами стоит выбор: свое благосостояние или чужое. Свое будущее или чужое настоящее...

То самое распутье, на котором многие сворачивали не туда...

Как зачарованная, я протянула вперед руку и коснулась округлого холодного камня. Именно эта магическая изморозь и привела меня в чувство.

Очнись, Мия! Принципы дороже.

Так что надо не искать отговорки, а заняться делом!

Строить заклятие на поиск артефакта не сложно, но требует большой сосредоточенности.

В данный момент у меня ее было достаточно, так как я дико хотела избавиться от искушения.

Есть два вида поиска. Один я использовала, когда искала артефакт для Мастера Хина, – внутреннее зрение.

А для второго заговаривают потерянную деталь, и она, подобно компасу, приведет к остальному комплекту.

Так как в этот раз мне нужно было искать вещь не в пределах дома, а в пределах города, то я посчитала глупым ходить по улицам с полужакрытыми глазами, а потому быстро начертила пентаграмму и

положила в ее центр пуговичку. Она мягко засветилась, напитываясь силой от расположенных на «лучах» драгоценных камней, а после... дернулась по направлению к окну.

Отлично!

Но должным образом порадоваться своему профессионализму я не успела. Начаровала-то все правильно, а вот о дальнейшем использовании не подумала! Нужно ведь на что-то положить часть артефакта и чтобы он не укатился в неведомые дали в попытках воссоединиться с остальными.

Несколько минут лихорадочных поисков увенчались успехом. Креативная я вытащила блюдечко из-под горшка с цветком и, положив туда пуговицу, вслух посетовала:

– Выглядеть я, конечно, буду с этим просто замечательно.

Впрочем, чудачествами жителей Изумрудного города не удивишь, так что главное – не попасться на глаза ребятам из моей команды, которые наверняка заинтересуются интересным явлением «Мия и блюдце».

Нет, я прекрасно осознавала, что, быть может, стоит предупредить, куда я иду, хотя бы сестру, но... ох уж эти но!

Мне хотелось тайну. Свою. Маленькую, но настоящую. Я ощущала ее тактильно на кончиках пальцев, я улавливала ее аромат, я хотела сама пообщаться с тем господином в шляпе.

Ведь не откажет же он в любезности и позволит хорошей девочке Мие посмотреть на остальные фрагменты артефакта? В конце концов, я принесла ему потерянную часть, а не зажилила для изучения!

Выбраться из дома оказалось настолько просто, что я даже удивилась. Ну а прохожие на улицах, как я и ожидала, не обращали внимания на странную рыжую гномку, которая не отводила взгляда от блюдечка, по которому то в одну, то в другую сторону каталась янтарная пуговица.

Вопреки ожиданиям, она вела меня не в богатые районы и не к кварталу гостиниц, а... в парк. Тенистыми дорожками все дальше и дальше от столпотворения. На определенном этапе, несмотря на то, что пуговица истерически билась о край блюда, я замерла и, прикусив губу, напряженно посмотрела в сторону подозрительных зарослей.

Кусты доверия не внушали от слова совсем. И хотя парк был центральный и ничего плохого со мной тут случиться не должно, но все равно стало не по себе и по спине пробежал холодок дурного предчувствия.

Уши нервно прижались к голове, а влажные от волнения пальцы стиснули тарелку. Тук-тук-тук...

Пуговица изо всех сил намекала на то, что артефакт близко.

Ладно! Сколько уже прошла, будет глупо развернуться именно сейчас. Вряд ли там в кустах труп.

В общем, я решительно обошла заросли и, найдя в них проход, с трудом в него протиснулась. Выпутала зацепившиеся за ветки волосы и развернулась.

Перед моим взглядом раскинулась маленькая полянка... А в центре растянулось тело господина в шляпе. Правда, сейчас цилиндр аккуратно лежал рядом с ним на траве.

Он был красив и спокоен, этот белый до снегоподобности человек. Мертвенно бледен... Мертвенно!

Ужас накатил липкой волной, но не успела я как следует испугаться, как мужчина открыл глаза, резко сел и рявкнул:

– Что за навязчивость?! Почему, даже уйдя в дальний угол парка, я не могу побыть наедине с собой?

Ничего себе радушный прием!

– И вам здравствуйте, – сухо проговорила я, с неодобрением глядя на белобрысого хама.

Как-то слишком их много в последнее время в моем окружении!

Тем временем мужчина неторопливо поднялся, подхватил с травы сюртук, на котором и лежал, а после, перекинув одежду через локоть, направился ко мне.

Я нервно стиснула блюдечко, так как приближение владельца артефакта дико нервировало. Когда он подошел ко мне вплотную, упираясь животом в несчастную посуду с пуговицей, я внезапно ощутила себя очень маленькой и беззащитной.

Настолько высоких мужчин я раньше ещё не видела. Случайное столкновение с ним на переходе не дало прочувствовать весь размах физического превосходства. Я снова доставала макушкой в лучшем случае до груди... Разве что Мастер Хин мог соперничать с ним в росте.

– Чудно Дивно, – в голосе над головой явно прозвенел сарказм. – Маленькие остроухие гномы старательно ищут в кустах неприятности. Это потрясающий зачин для истории! Вы любите сказки, рыжий остроухий гномик?

Сначала на меня, словно тонна горной породы, свалился шок. Полный и окончательный шок, так как уж чего-чего, а такого поведения я не ожидала! А после злость. Я тут, понимаешь ли, морально выкладывалась, искала его по всему городу, а вместо «спасибо» какие-то странные слова и действия!

Я уже вскинула голову, готовясь высказать владельцу артефакта все, что я о нем думаю, как мужчина вдруг проворно схватил пуговицу с блюда и, подняв ладонь к небу, посмотрел янтарь на просвет.

– О, потеряшка. Надо же!

– Мы с вами столкнулись на переходе, и пуговица оторвалась от костюма. Я взяла на себя смелость найти владельца вещи, так как, скорее всего, она вам нужна.

– Ну да, без нее система не работает, – несколько рассеянно кивнул мужчина и, покрутив пуговичку в длинных пальцах, сунул в нагрудный карман жилета. – Спасибо... м-м-м?

Правильно истолковав заминку, я неохотно представилась:

– Миямиль Гаилат к вашим услугам.

– Прелестно, просто прелестно, – мне ответили лучезарной улыбкой и, завладев ладонью, быстро поцеловали пальчики. – Людвиг Луан. Очень приятно познакомиться, леди Миямиль.

– Леди Гаилат, – поправила я, не желая, чтобы меня называли по имени.

– Право, такие мелочи, – совершенно нагло отмахнулся от правил приличия господин Луан.

А после подхватил меня под руку и потащил к уже знакомым кустам, но на сей раз на выход.

– Что вы делаете?! – возмущенно отфыркивалась я, едва поспевая за ним по дорожке и стараясь сплунуть случайно попавший в рот листик.

– Веду вас пить чай, конечно же. – Он остановился так резко, что я влетела в бок мужчины. – Вы имеете что-то против?

Иметь что-то против мне не позволяла суровая реальность в лице нового знакомого, которая твердо и непреклонно тащила меня за

собой, маскируя все это под благородный порыв поблагодарить спасительницу. Паника не захлестывала волнами только потому, что чрезмерно активный господин Людвиг вел меня не в заветные кусты, подобные тем, где мы познакомились, а по направлению к главным аллеям парка.

– Что бы я без вас делал. – На меня смотрели с самым серьезным выражением лица. – Пришлось бы заказывать новый комплект, не иначе.

Насторожив ушки, я отметила главную интересующую меня тему, а потому осведомилась:

– А кто делал этот артефакт? Не сочтите за любопытство, просто я никогда не видела такой работы и, как ни старалась, не смогла отыскать на пуговице клеймо мастера.

Господин Людвиг собственнически сложил мою руку на свой локоть, на всякий случай придержал ладонью – видимо, чтобы не сбежала, – и проговорил:

– Я с радостью отвечу на некоторые ваши вопросы, милая девушка, но чуть позже и в более приятной обстановке.

С десятков метров я брела по инерции, напряженно пытаюсь для себя решить, насколько мне нужна эта информация. Объективно – белобрысый тип был очень подозрительным.

Наша первая встреча прошла под эгидой «хам невоспитанный». Вторая началась тоже не самым радужным образом, он назвал меня остроухим гномом, лазающим по кустам. И пусть это объективный факт, но все равно грубость!

А тут благостный до приторности...

Зафиксировал и тащит кормить.

Людвиг Луан производил впечатление невоспитанного эксцентрика, который прекрасно знал, как вести себя в обществе. Но не хотел.

В общем, я решила расслабиться и довериться судьбе. Некоторые встречи в нашей жизни подобны развилкам. Ты с самого начала чувствуешь, что все будет непросто, и даже имеешь возможность отойти в сторону. Но интуиция подсказывает, что самые замечательные приключения лежат именно на этой тенистой тропе, а не на солнечной дороге неподалеку.

К счастью, господин Луан не питал пристрастий к пафосным ресторанам, а потому мы остановились возле одного из парковых кафе. Небольшие столики уютно упирались под кружевными зонтами, а на входе нас радушно встретил арахн в передничке. Паук в фартуке...

Моя бедная нервная система, несмотря на то, что за прожитое в Изумрудом время видела уже немало, все равно впечатлилась этим зрелищем дальше некуда.

– Нас двое, нужен уединенный столик для беседы и отсутствие любопытствующих, – тотчас обозначил свои запросы Людвиг Луан.

По моей коже вновь пробежали мурашки. Слишком уж разительным был контраст между той интонацией, с которой он беседовал со мной, и этим снисходительно приказным тоном.

Арахн поклонился, сложил на лохматом пузе две верхние пары лап и торопливо провел нас в дальний угол площадки.

– Дивно, – спустя полминуты сделал вывод Людвиг и небрежным жестом открыл меню. – Леди Гаилат, вы голодны?

– Разве что интеллектуально, – мило улыбнулась я в ответ, намекая на то, что жажду узнать все про артефакт и уйти. И да, меня можно даже не кормить!

– Стало быть, десерт, – кивнул своим мыслям этот невозможный тип, и стоило ему пошевелить кончиком пальца, как возле нас вновь возник подавальщик с самым угодливым выражением в фасеточных глазах. Во всех восьми.

– Определились?

– Да. Мне ваш лучший чай и... и все. Миямиль?

Вот же гаденыш. Сказала ведь, что не желаю переходить на фамильярности!

– Какао. И тоже все.

Едва заметный кивок моего спутника, и официант растворился в воздухе так же быстро, как и появился.

– И никаких десертов? – Людвиг чуть скривил губы и окинул меня долгим, пристальным взглядом.

Почему-то я в нем разом прочитала все мнение о широкой кости некоторых полугномок, особенно в области бедер.

Уровень неприятия к этому шапочному знакомому возрастал в геометрической прогрессии!

– Ладно, кто я такой, чтобы упорствовать, – наконец-то вспомнил, что он никто и звать его никак, этот тип. – У тебя были вопросы по поводу артефакта. Я слушаю.

Моей первой реакцией был порыв сообщить, что я ему не Миямиль и тем более не давала прав обращаться на «ты». Но после мучительного размышления поняла, что бодаться бесполезно. И вообще, я его в первый и, надеюсь, в последний раз вижу!

– У меня несколько вопросов. – Пока я пыталась внутренне рассортировать их в порядке очередности, нам принесли напитки. С удовольствием вдохнув в себя густой аромат шоколада, я наконец-то озвучила: – Пуговица часть системы. Полагаю, что остальные частички – это другие пуговицы и...

Я задумчиво наблюдала за тем, как рука с длинными пальцами поднимается над чайником и заходящее солнце играет на расшитых золотой нитью манжетах сюртука. Никакой вычурности, лишь едва заметный узор... мой взгляд скользнул выше, отмечая, что нити уходят во швы костюма, а после выныривают на предплечьях, оттуда сбегают на грудь и замыкаются вокруг пуговиц.

Я рывком подалась вперед, едва ли не носом утыкаясь в рукав и сдерживая трясущиеся от предвкушения пальцы. Очень хотелось вцепиться в ткань, стащить с мужика одежду и скрыться с ней куда подальше! А потом без помех изучить!

– Надо же, как быстро соображают остроухие гномки, – хмыкнули над ухом, а после... сильно щелкнули по тому самому несчастному уху, которое встало торчком от восторга и представляло собой замечательную мишень.

– Ай! – Я невольно прижала ладонь к голове, пряча под ней пострадавший орган. – За что?!

– За излишнее любопытство, – совершенно серьезно ответил Людвиг. – Обычно за него отрывают нос, но мы, так и быть, обойдемся полумерами. Ты слишком сообразительная, малышка. А ведь я искренне хотел скормить тебе занимательную и очень правдоподобную байку, не имеющую никакого отношения к реальности.

Бабам-с! Это моя челюсть. Давно она от черепушки не отрывалась, однако! С первых дней общения с Мастером Хином.

Если честно, то, конечно, очень приятно, что мои аналитические способности так высоко оценили, но... Да ни черта я не поняла!

– В общем – это части защитного артефакта, – продолжал радовать меня занимательными подробностями новый знакомый.

В этот момент, когда я искренне считала, что хуже быть уже не может, и рассеянно скользила взглядом по окрестностям в поисках спасения, спасение обнаружилось шагающим по дорожке в двадцати метрах от нас. Спасение топало не в одиночку, а под руки с двумя очень красивыми женщинами, очевидно благородного сословия. Спасение было светловолосым, пронзительно синеглазым и с безумно обаятельной улыбкой на красивом лице.

Том самом, которое я удостоилась чести видеть всего один раз, после того как Мастер Хин провожал меня домой после побоища, устроенного на улицах Изумрудного Города. Я тогда была в совершенно невменяемом состоянии, потому Мастер решил завернуть в таверну и принял другой облик.

Вот этот самый...

Наши взгляды встретились, и с лица Хина пропало совершенно незнакомое мне шалое, игривое выражение. Судя по всему, то, что я нахожусь в обществе господина Людвига, Мастеру Пытке не понравилось. Совсем. Вообще.

Он одним движением освободил руки от липнувших дам и стремительно направился к нам. Судя по выражению лиц барышень, избавились от них несколько грубовато. Одна подхватила юбки и практически сбегала в обратном направлении. Наверное, только сейчас я обратила внимание на то, что обе леди были человекоподобными. Это личные вкусы Мастера или и правда человечки?

– За моей спиной что-то настолько интересное? – вернул меня в реальность голос Людвига, и он обернулся. Выражение лица нового знакомого было очень странным. С одной стороны, не дрогнул ни единый мускул, а с другой – у меня было четкое ощущение, что господин Луан, во-первых, удивлен. А во-вторых, он в предвкушении... И он, очевидно, знает, кто именно к нам приближается. Даже эту маску знает.

Обладатель артефактного костюма вызывал все больше вопросов.

Мастер достиг нашего столика, взялся за спинку стула и, резко его крутанув, оседлал задом наперед. Положил руки сверху на спинку, а на ладони опустил подбородок и чуть заметно прищурил синие глаза.

– Добрый день, – наконец решил поздороваться он, выдержав положенную драматическую паузу, во время которой я все больше и больше покрывалась мурашками от волнения и... стыда. Словно я нечто предосудительное сделала и меня за этим застукали!

Но это же не так! Между прочим, я просто сидела и беседовала с новым знакомым, а сам господин Лельер Хинсар прогуливался под ручку с двумя дамочками, хотя еще недавно говорил мне... говорил мне...

А собственно, что он мне говорил?

Нечто о любви до гроба или о верности до того же рубежа? Нет. Все, о чем он не стесняясь заявлял мне в лицо, это то, что хочет меня видеть рядом с собой и просто хочет. Ни слова о чем-то более высоком, чем банальные желания тела!

Почему-то стало до безумия обидно.

– Здравствуйте, – ровно поздоровалась я, не собираясь показывать, как меня выбило из колеи его появление в такой компании. И мои мысли после...

– Леди Миямилль, безумно счастлив вас видеть, хоть и несколько удивлен компании, – лучезарно улыбнулся молодой мужчина напротив, одной этой улыбкой увлекая в бездну своего обаяния. Как легко можно забыть, что это лишь маска...

– Смею заметить, что я джентльмен, вполне достойный общества столь прекрасной леди, – ухмыльнулся в ответ Людвиг Луан и добавил очередную гадость: – Во всяком случае, точно не менее опасный и дискредитирующий, чем вы... Лельер Хинсар.

– Не припомню, чтобы нас представляли. – Мастер отбросил со лба волнистые золотистые волосы таким привычным жестом, что стало понятно: маска эксплуатируется очень активно. Настолько, что, скорее всего, вросла в настоящий лик.

Людвиг лишь улыбнулся. После неторопливо встал, поправил сюртук и, обойдя стол, отвесил мне неглубокий вежливый поклон:

– Леди Гаилат, я был счастлив с вами познакомиться и безумно благодарен за то, что вы вернули мою пропажу. Без нее было бы и правда грустно. – Он одним небрежным до элегантности жестом стряхнул невидимую пыль с белого цилиндра, нацепил его на голову и добавил: – Я был бы счастлив коснуться благодарным поцелуем ваших

ручек, но чувствую, господин дурак мои притязания не одобрит, потому до следующей встречи.

– Следующей встречи? – очень нехорошим тоном поинтересовался названный дураком Мастер.

Господин дурак?..

– Ну да. Ведь неизвестно, в каком именно зеркале вы увидите мое отражение.

И, выдав напоследок эту в высшей степени странную фразу, Людвиг Луан все так же неторопливо двинулся к выходу из кофейни. А Мастер сидел, сверлил взглядом широкую спину нечаянного оппонента, а после резко подался вперед и вскочил настолько стремительно, что опрокинул стул, на котором сидел.

– Зер!

Людвиг на ходу обернулся, усмехнулся краем рта и коснулся пальцами края цилиндра, словно отдавая должное сообразительности. В общем – отчетливо издевался.

– До встречи, Лель.

А после... пропал. Никаких порталов или колебаний пространства.

Просто исчез, словно его тут и не было.

Лель опустил обратно в кресло так резко, что его ножки с тихим скрипом скользнули по полу, и вытянул перед собой руки.

Глава 10

О важных разговорах, которые ни к чему не приводят

Миямиль Гаилат

Минута тянулась словно вечность. Я нервно ерзала на стуле, с одной стороны испытывая сильную потребность уйти, а с другой – было страшно представить, что сейчас придется подняться и вежливо расшаркиваться перед отбытием, а значит, неминуемо привлечь к себе внимание... Леля.

Лель.

Как же ему сейчас подходит это имя.

Он сидел напротив, с прищуром смотрел на меня и легко барабанил пальцами по столу.

В итоге Мастер начал разговор первым.

– Что ты тут делаешь, Миямиль? Еще и в такой, мягко говоря, неподходящей компании.

О, его светлость осудил общество, в котором я находилась? Интересно, а что его задело: то, что оно мужское, или то, что в итоге это оказался его знакомый? Хотя странный знакомый, если разобраться. Получается, он Мастера в лицо знал, а тот его нет.

– Гуляла.

Да, в этот раз я была краткой, но мастера «ответ – сестра таланта» не устроил.

– С Зером?

– Нет, на него я наткнулась уже в процессе прогулки.

– И где?

Я повела плечами и совершенно честно ответила.

– В кустах.

Еще и улыбнулась лучезарнее!

– Правильно ли я понял... – медленно начал Лельер, подаваясь вперед и не сводя с меня слишком пристального взгляда, под тяжестью которого сердце с каждым мгновением словно все глубже проваливалось в пятки. – Ты отправилась гулять, самым достойным

объектом сочла кусты в парке, где тебе и встретился странный мужик, с которым ты потом пошла в ближайший ресторанчик?

– В вашем пересказе все совсем уж неприлично звучит.

– Открою тебе секрет, моя маленькая рыжая прелесть. Оно так не только звучит, но еще и выглядит!

Это что, сцена ревности? Я аж задохнулась от возмущения, а после вскочила и отчеканила:

– Уверю вас, Мастер Хин, оно все выглядит не более интересно, чем ваш променад с, несомненно, достойными леди. Которых вы совсем недостойно бросили в разгаре прогулки.

– Я мог бы сказать, что ты все неправильно поняла...

Такая постановка фразы мне была незнакома! С одной стороны, мне НУЖНО было ответить, что почтенный Мастер Хин может заниматься всем, что его душевненьке угодно. Конечно, НУЖНО было соорудить максимально равнодушное выражение лица и, вежливо попрощавшись, уйти домой.

Но я... я поступила не так, как правильно, а так, как хотелось, и уточнила:

– Мог бы, но?

– Но объяснять совершенно все – долго, – спокойно проговорил он и щелкнул пальцами. В этот момент поднос, который официант уже хотел отнести к другому столику, вспарил над его головой и быстро переместился к нам. – Милейший, заплачу вдвое за беспокойство. Я несколько повздорил со своей барышней, а сладкое ее чуть примирит с моим моральным обликом. Ну, я надеюсь.

Своей? Однако, меня уже и присвоили?

«Милейший» тоже был не в восторге, судя по выражению злобных глазок... всех восьми. Но щедрые чаевые заставили его смириться с наглым клиентом. Кстати, если бы блондин был в своем настоящем облике, сомневаюсь, что арахн позволил бы нам увидеть свое недовольство.

Может, потому Лельер и примеряет маску молодого, симпатичного парня? Наверняка в таком облике проще общаться... да со всеми!

Перед внутренним взором тотчас полыхнула недавно увиденная картинка. ОН и две девицы.

И пока Мастер подливал чаю и ставил передо мной блюдечко с куском торта, я медленно закипала. От злости на себя.

Потому что я неведомым образом все же умудрилась влипнуть. И не куда-то там, и не в кого-то здесь, а в самого ужасного мужчину зеленого Сектора! Мия, право, если тебе хотелось экстрима, то можно было не уезжать из родной Охры, а по-быстренькому влюбиться в кого-то из местных Атрибутов.

Неосмотрительно сказанное про себя слово кислотой разъедало разум. Влюбиться. Я влюбилась в Мастера Пытки.

– Мия...

– Эм? – пристально глядя в глубины чашки, промычала я в ответ.

– Посмотри на меня.

Да ни в жизнь! В кружке так привлекательно кружится маленький лист, неведомым образом просочившийся сюда из заварочного чайника. Очень залипательная картина, так и хочется глядеть вечность.

– А я говорю: посмотри, – не сдавался Хин. – Вроде как я вполне нормально сейчас выгляжу, нет необходимости прятать взгляд.

Я от неожиданности даже во все глаза уставилась на мужчину, забыв, что планировала этого избегать до того момента, как верну себе душевное равновесие.

– Вот и умничка, – улыбнулся он, подался вперед и вонзил ложечку в центр десерта, нарушая изысканную башенку из крема, украшенную шоколадной крошкой. – У меня для тебя приятные новости. Мы будем вместе.

– В смысле?

– В прямом. В обозримом будущем мы, моя рыжая прелесть, станем птичками-неразлучниками. И несмотря на более чем своеобразные обстоятельства, из-за которых я принял это решение... честное слово, я рад таким последствиям!

– Лельер... – Я достала ложечку. Критически осмотрела белковый крем и неторопливо облизала ее под веселым взглядом собеседника. – В общем, как бы это вам сказать...

– Руби с плеча, детка, не переживай за мое хрупкое моральное здоровье!

Отодвинула десерт, встала и, поправив рукав платья, проговорила:

– Нет. Что бы вы ни задумали, я отказываюсь в этом участвовать.

– Миямиль, это не игрушки.

– Да? А мне кажется, что вы, мастер Хин, чрезмерно заигрались. В куклы. А я живая, и я отказываюсь дергать ручками в такт вашим желаниям. Всего доброго.

К моему некоторому удивлению, он даже не попытался меня остановить, что несколько противоречило составленному за время знакомства портрету этого мужчины. Обычно Лельер Хинсар не останавливался на полпути и пер к своей цели напролом, не считаясь с мнением окружающих. В данном случае в моем лице.

А тут взял и отпустил домой, даже не попытавшись объяснить причины своего более чем смелого предложения.

Вывод? Основная схватка за мою свободу еще впереди.

Лельер Хинсар

Его светлость главный дознаватель сектора Малахит с трудом удерживался от поступка, достойного бульварных романов. Очень хотелось схватить девицу, утащить ее в свое логово и выдать потом каких-нибудь «игрушек» в виде камней для артефактов, чтобы деточка развлекалась. А уже после этого спокойно, с толком и расстановкой приняться за поиски Зеркальника.

И в этот раз он перевернет весь мир, но найдет пронырливого мерзавца!

Потому что интерес этого господина к Мие не просто настораживал, а вселял какой-то глубинный страх. Мастер зеркал и интриг отлично разбирался в чужих слабостях, и самое главное – великолепно умел их использовать.

Втягивать Мию в грязную игру не хотелось, а в том, что она будет именно такой, Лель даже не сомневался.

Потому он повторно забарабанил пальцами по крышке стола и спокойным, даже светским тоном осведомился:

– Мне кажется, нам временно стоит съехаться. И учти, я жду твоего положительного ответа.

– Что?! – потрясенно выдохнула Мия и нервно прикусила нижнюю губу.

– То, – спокойно отозвался господин Мастер и даже изволил пояснить: – Видишь ли, Миямиль, только что ты имела честь

беседовать с самым известным из преступников во всех секторах разом. Как там он тебе назвался?

– Господин Людвиг. Луан...

– Людвиг Луан, – Лельер Хинсар мимоходом прикинул, насколько имя настоящее и как часто использовалось. В любом случае раньше этот тип не назывался никак иначе, кроме как прозвищем и вариациями его сокращений. Так что даже такая ниточка была драгоценной.

– Видишь ли, Мия, твой новый знакомец умудрился пройтись по больным мозолям буквально всех стоящих у власти. Начиная с Малахита и Охры и заканчивая Аквамарином и Янтарем.

– Во всех секторах? – Девушка недоверчиво изогнула бровь. – При всем уважении... но вы не преувеличиваете? Мне кажется, редко кто может настолько отличиться.

– Поверь, Мия, этот из способных.

Лель с досадой, но с некоторым восхищением рассказал о том, как несколько лет назад Зеркальник едва не совершил переворот везде разом, но перед финальными ходами по смещению устоявшейся власти почему-то передумал и передал спецслужбам списки со своими же подельниками и подробной инструкцией, как наладить расшатанную экономику и успокоить народные волнения.

Рыжая лепрегомка про аферы Зеркальника выслушала с интересом, но непреклонно вернулась к недавнему заявлению собеседника:

– Я все равно не понимаю, почему я должна с вами жить. Вы даже не предложили, вы настояли!

– Потому что неизвестны цели Зера. И то, как он решится использовать новую информацию.

– Какую, о чем?!

– О том, что я к тебе неравнодушен.

Признаваться в чувствах оказалось неожиданно легко. Как дышать, как смотреть и видеть вокруг прекрасный мир... видеть солнце на медных волосах, видеть румянец на нежных девичьих щечках.

Поэтичность никогда не была сильной стороной натуры Мастера Пытки... кроме как в песнях. Но вот такого, что смотришь на женщину

и замираешь от восторга... наверное, такого не случилось со времен Серебрянки.

Одно упоминание этого имени, даже в мыслях, всколыхнуло внутренний мрак где-то в душе Лельера Хинсара. В этом, казалось бы, бездонном колодце хранилась вся тьма, все безумие... его уже было не так много, как лет десять назад, но иногда воспоминания «выходили из берегов». Затапливали.

Мия же нервно сцепила руки на чашке, так пристально изучая геометрический рисунок по ее краю, словно в жизни ничего интереснее не видела. А потом сказала:

– Я глубоко сомневаюсь, что у господина Луана есть основания так думать. То, что мы с вами знакомы, еще не причина полагать...

– Причина, Мия, – резко оборвал ее Мастер, поднимаясь со своего места и протянул девушке руку, давая понять, что в беседе поставлена точка. – Но я тебя услышал. Не хочешь жить вместе – временно приставлю охранника. Но это все до первого покушения. Или до того светлого момента, когда у меня сдадут нервы. И подумай, возможно, стоило сразу пойти мне навстречу и не усугублять ситуацию?

Миямиль Гаилат несколько мгновений возмущенно хлопала на него ресницами, открывая и закрывая рот и, очевидно, борясь с желанием высказать все, что она думает о подобном самоуправстве.

Но что-то ее остановило. Синие глаза Мастера были холодны как лед, и испытывать его терпение не стоило.

А именно так Лель и ощущал данную ситуацию.

В городе появился Зеркальник, и они впервые встретились в реальности, а не через зеркала, сны или во время пьяного угара. Зер знал, когда являться, однако!

И вместо того, чтобы искать пронырливого мерзавца, он вынужден уговаривать капризную девчонку не сопротивляться мерам, которые предпринимаются ради ее же безопасности.

О том, что эта самая опасность и возникла лишь благодаря слишком пристальному интересу самого Хина, тот предпочитал не думать.

Мысли о собственной вине Лель считал деструктивными и бесполезными. И в целом был прав, не так ли?

Глава 11

Великие Стихии!

Дайте мне сил, терпения и понимания!

Я быстрым шагом двигалась по городу и с трудом себя сдерживала от того, чтобы не сорваться на бег. Хотелось нестись со всех сил, рваться вперед, стараться увеличить расстояние между мной и беловолосым палачом с ледяными глазами.

Словно дистанция хоть как-то мне поможет.

В синих радужках было столько колкого льда, что я действительно ни секунды не сомневалась в том, что он упрячет меня под замок. Даже не так, как обещал, а просто запрет где-то и будет сам выгуливать раз в два дня. Или Мастера Смерти попросит! Друзья же, Атрибуты же!

Я немного успокоилась только через несколько кварталов. Коснулась белоснежной стены дома и почувствовав влагу под пальцами, отняла руку и тупо уставилась на испачканную известкой кожу. Растерла ее между пальцами, вдохнула неповторимый, знакомый с детства запах и потрясла головой, в которую разом вернулся здравый смысл. Ну, частично.

Да, я понимаю, что распоряжение Мастера Хина... логичное. Правильное.

Ты познакомилась с легендарным врагом Атрибутов сектора, и в Изумрудном только ленивый не знает, что Пытка питает к тебе склонность, ну и вишенкой на этом поганом тортике то, что в городе убивают рыжих девчонок. А ты, Мия, рыжая, потому сядь под замок и не высовывайся.

Да, все вроде как выглядит идеально. Ровно, симметрично – потрясающе прямые причинно-следственные связи.

Вот только с моей позиции это все вкривь и вкось! Я приехала в Зеленую Академию, чтобы вырваться из-под контроля клана вообще и дедушки в частности. А у него были примерно такие же мечты, кстати! Упечь в свой дом – и что? Правильно, чтобы я сидела и не высовывалась.

Я сбежала в другую страну для того, чтобы решать за себя.

А тут появился мужчина, из-за которого у меня снова связаны руки, и я в полном подчинении.

Ведь если бы не он, никто бы даже не подумал акцентировать внимание на полугномке из Охры. Отделалась бы предупреждением о маньяке и советом не гулять в одиночку.

Нервно сунула в рот испачканную мелом подушечку большого пальца, и языка коснулся терпкий вкус. Он, как ни странно, и успокоил.

Мне всегда нравился мел. В детстве настолько, что родители уговорили деда сменить традиционную побелку в его пещерах на другой отделочный материал. Потому что я что? Именно – лизала стены! Пока какой-то лекарь из Аквамарина не сказал родителям, что ребенку не хватает каких-то веществ, потому или дайте витаминов, или от стен не убудет, в конце концов!

За этими размышлениями я дошла до дома. Там мне стоило некоторых усилий отделаться от расспросов одноклассников и подняться в комнату. Труднее было проигнорировать Америку и ее желание пообщаться, но я справилась и с этим.

Сидела, смотрела на стол, за которым я еще несколько часов назад зачаровывала на поиск часть артефакта с костюма Зеркальника. И тогда мне было лишь любопытно, и все...

А теперь... блин!

Пока я переживала и думала о насущном, на Изумрудный город медленно опустилась ночь.

Огонь бился в стеклянной сфере, завораживая меня своими бликами. Он то раскрывался в причудливый цветок, то рассыпался искрами, погружая комнату во мрак. Лишь искаженное отражение моего лица можно было уловить в стекле, за которым играло волшебное пламя.

Или не мое?..

На какой-то миг показалось, что моя круглая мордашка вытянулась, обзавелась более острыми чертами, а волосы побелели. Стиснула сферу, вглядываясь в нее, но искры вновь превратились в пожар, и я зажмурилась.

– Тебе не показалось, – вдруг раздался в комнате тихий голос.

Я испуганно вскинулась, поднимая «огонек» повыше и напряженно осматривая помещение. Никого...

– Банально, – низкий, бархатный смешок вызвал лавину мурашек по коже. – У всех примерно аналогичная реакция.

Я подползла к краю постели, но вставать не торопилась, лишь задумчиво чиркнув кончиками пальцев по полу.

С логикой у меня все было отлично, потому я быстро соотнесла вытянутую блондинистую физиономию в отражении и своего недавнего знакомца по прозвищу Зеркальник. Потому отчетливо понимала, где именно он сейчас находится.

Я его не увидела, потому что в МОЕЙ комнате его и нет. А вот в отражении... Если подойти к туалетному столику и заглянуть в темные просторы зазеркалья...

Итак, что делать?

Вступить в диалог или попытаться удрать? К сожалению, нет никаких гарантий, что я смогу добежать до выхода.

В аккомпанемент моим мыслям в глубине дверного массива щелкнул замок.

– Это чтобы искушения не было, – любезно пояснил мой неожиданный собеседник. – Подойди, Миямиль. Невежливо заставлять гостя ждать.

Я встала, поправила сорочку и, подхватив с кресла пуховый платок, обернулась в него и тихо ответила:

– Невежливо заставлять ждать званных гостей. А вот насчет тех, кто позднее ночью является без спроса, этикет ничего нам не диктует.

Пока говорила, сделала несколько шагов и вздрогнула, увидев, впрочем, то, что я и ожидала.

Комната по ту сторону была более светлой, а на моем пуфике, на котором я по утрам расчесывала волосы, сидел слишком крупный для такой мебели мужчина. Даже не то чтобы крупный, а скорее несуразно длинный.

У Людвига Луана было на удивление много общего с Мастером Хином. Настолько много, что при таком освещении в первые секунды вполне можно было обмануться.

– Добрый вечер, леди Миямиль. – Он поднялся и склонил голову в безупречном приветственном поклоне. А после сел обратно, настолько неуклюже сложившись, чтобы уместиться на дамском пуфике, что, наверное, это могло бы быть забавно.

Если бы не было.

Главный интриган всех Секторов совсем не казался смешным.

– Чем обязана, господин Луан? – в том же светском тоне откликнулась я, замерев рядом с пустым пуфиком со своей стороны.

– А зачем еще мужчина желает увидеть барышню? Разумеется, мной ведет интерес. И вы присаживайтесь, Мия, присаживайтесь. Поверьте, мое присутствие в зеркале не умаляет ваших прав на собственную мебель!

– Благодарю, – с максимальным достоинством ответила я и присела, еще плотнее стянув уголки платка на груди и радуясь, что ввиду похолодевших ночей я стала спать в плотной сорочке, застегнутой по самое горло, и она выглядела приличнее любого из моих платьев! Но стоило ответить джентльмену, а не думать о своих нарядах. – Вопрос, какой именно интерес вами ведет, сударь. И ко мне ли.

Он белозубо усмехнулся и, коснувшись подбородка, негромко признал:

– Вы на диво проникательны, милая леди. Я нахожу это очаровательным. И не я один, не так ли?

Я с грустью подумала, что, кажется, тревога Лельера имела под собой все основания, а я вот глупая дева, которая взбрыкнула, и теперь неизвестно, чем закончится мое полуночное randevu с этим господином.

Я решила начать с самого главного вопроса. Все равно двери закрыты, а выпрыгивать из окон я морально не готова. Свернуть шею можно практически с гарантией!

– Мне стоит опасаться?

– Меня? – с таким удивлением спросил Людвиг, что я едва не рассмеялась.

– То, что вас стоит опасаться, факт понятный и в уточнениях не нуждается. Так что, наверное, я немного перефразирую: мне стоит бояться вас *сегодня*?

– Можно было бы кокетливо сказать «вряд ли», но я, пожалуй, не оставлю простора для недосказанностей. Нет, очаровательная леди, вам не стоит сегодня меня опасаться.

Я мысленно порадовалась, потому что «сегодня» – это как минимум эта ночь и день. Уже хорошо!

– Кокетливо? – хмыкнула я. – Вы и это слово очень плохо соотносятся в моей голове.

Я поудобнее уюстилась на пуфике и, нервно прикусив губу, внезапно предложила:

– А давайте вы мне расскажете про артефакт?

Кажется, это смелое предложение вызвало у собеседника немалое удивление.

– Хм... – Он вытянул длинные ноги, пытаясь устроиться поудобнее, что, впрочем, было сложной задачей. – Почему бы и нет? Что тебя интересует?

– Он защитный или атакующий? – тотчас перешла в наступление я, ощущая себя в знакомой теме как рыба в воде. – Основной материал янтарь, и это понятно, но его проводимости не хватит для того, чтобы «удержать» каркас чар. Стало быть, есть вспомогательный металл, через который и проходит энергия. Но артефактор использовал его совсем мало... я не знаю ни одного металла, нескольких грамм которого хватило бы для подобной проводимости.

– Сразу видно – любопытная девица, – хмыкнул Зеркальник и переплел руки на груди. – И, что приятно, любопытная не в тряпках и украшениях.

Я лишь насмешливо фыркнула и прищурила глаза. Почему-то общаться с ним было несложно. Я по прежнему была напряжена из-за того, что данный господин являлся очень непредсказуемым мужчиной, но сейчас, по крайней мере, не боялась, что он меня сразу убьет.

Сразу – точно нет! Вот как разговор закончит, так посмотрим, а пока точно нет!

– Уважаемый господин Людвиг, боюсь, ваше слишком лестное суждение не совсем правдиво. Я девица весьма широких любопытных взглядов. Потому наряды и украшения меня тоже интересуют. Правда, в основном с полудрагоценными камнями. Мне с ними проще. Лучше *слышу*.

– Юная девушка, которая не обольщается насчет уникальности своей персоны, – огромная ценность. Неудивительно, что Мастер Хин настолько увлекся.

Видимо, джентльмен по ту сторону зеркальной глади хотел сделать комплимент, но малость промахнулся. Увлеченная необычным

диалогом, я на какое-то время забыла про Мастера и чем мне грозит его увлечение, о котором любезно упомянул Людвиг Луан.

– Что такое? – чутко уловил смену настроения мужчина. – Вам не нравится откровенное признание ваших заслуг, прелестный рыжий гном?

Великие Стихии, дайте терпения! Что называется, хоть старым гномом назови, только не трогай.

– Увлечение Мастера никак нельзя причислить к списку моих личных побед. Это обстоятельство, которое никак от меня не зависело.

И, по сути, совсем мне не нужно это самое обстоятельство. Мешает, вредит, туманит будущее.

Только почему-то от этих мыслей мне становилось только грустнее, а в душе словно тяжелый камень появился, который с каждым сказанным про себя словом становился все тяжелее и тяжелее.

Оказывается, это сложно – испытывать чувства. Особенно когда считаешь их ненужными и лишними.

Любой диалог напоминает дорогу с многочисленными ответвлениями. Иногда эта дорога каменная и широкая, а временами узкая и такая же ненадежная, как горные тропы. В общем, надо увлечь Зеркальника в сторону от этого обсуждения!

Я как можно более очаровательно улыбнулась, хлопнула ресницами и заметила:

– Мне кажется или вы готовы разговаривать о чем угодно, но только не о своем артефакте? Поверьте, заявить о своем нежелании это обсуждать можно было сразу. Я понимаю, что у джентльменов могут быть свои секреты.

Он несколько секунд пристально смотрел на меня, а после откровенно расхохотался. Искренне, от души, запрокидывая голову и рассыпая волосы по плечам и спине.

– Миямил, боюсь, что отгадка куда банальнее. Мне интересно разговаривать о Мастере Хине, а тема артефакторики весьма скучна. Но раз ты настаиваешь, то я, разумеется, порадуя девушку. В качестве проводника использовалась обогащенная мифрилом медь.

Я даже рот открыла от удивления. Так просто? Но...

Да, ведь действительно все сходится! Медь мягкая, проводимая, но сильно греется и весьма ненадежна, замыкание может произойти в любой момент. Ну а из мифрила не получалось «вытягивать»

достаточно тонкие нити, хотя в остальном этот металл прекрасен и весьма часто используется в артефакторике.

Правда, во всем этом есть один вопрос. КАК обогатили эту медь?!

Мой дед десятилетиями изучает металлы и способы их соединений, но сделать этого не смог!

– Очень интересно, – кивнула я, перебирая кружева на шали, в которую по-прежнему куталась. – Кстати, я не заметила клейма на пуговице. Оно находится на другой детали артефакта?

Должна же я узнать, кто сделал это чудо?! Обязана просто!

– Там нет клейма, Миямиль. Вообще нет.

– Не может быть! Мастер всегда оставляет след на своих работах.

– Все зависит от того, чем аргументировать, – философски заметил Людвиг Луан. – Временами мастер выбирает свою жизнь и деньги. В конце концов, что такое слава? Так, миг... есть вещи гораздо более ценные и, самое главное, невозможные.

Огонь исследователя во мне слегка улегся, и на передний план вновь выступил здравый смысл, который напомнил, что я общаюсь не с кем-нибудь, а с самым опасным преступником.

Ну а этот самый преступник тем временем внезапно поднялся, поправил сюртук и, отвесив мне церемонный поклон, заявил:

– Время в вашем обществе летит незаметно, леди Миямиль. Но у меня есть и другие дела, потому я буду счастлив продолжить нашу беседу в следующую встречу.

– Эм-м-м... – неопределенно протянула я, гадая, как бы корректнее сообщить этому типу, что в область моих интересов не входят полночные беседы с зеркалом.

– Что, неужели вы будете мне не рады? – делано ужаснулся Людвиг и даже картинно приложил руку к груди, показывая, я ранила его в самое сердце.

Вот только глаза... глаза были холодны как лед. Мертвый лед.

У Мастера радужка практически такого же цвета, вот только впечатления от зрительного контакта с ним совсем иные. Лель живой. Яркий, сверкающий, страстный, опасный, но живой.

А этот... словно пуст внутри.

– Ну как вам сказать, – вслух промямлила я.

– Боюсь, что вынужден ответить вам совершенно откровенно, Мия. Ваши желания значат весьма мало на фоне моего интереса. И

пока он ярок, нам придется общаться. В конце концов, многие считают это синонимом продолжения своей жизни. Так что, возможно, стоит радоваться?

Сказать, что мне стало страшно, – это ничего не сказать. Руки похолодели, а пальцы ног и вовсе свело. По спине пробежали мурашки, а слюна стала горькой и вязкой.

– Вы собираетесь меня убить? – прямо спросила я.

– Не я, – усмехнулся господин Луан, и его силуэт начал растворяться во мгле. – Боюсь, что не я, леди Миямилль.

Он окончательно пропал, оставляя меня во тьме.

Я разжала пальцы, и пуховый платок мягко упал на пол.

И что делать? Что же теперь делать?..

Глава 12

Лельер Хинсар

Бумага колола подушечки пальцев.

Когда-то Лель слышал, что, если уметь, можно вспороть горло врагу даже листом пергамента. В данном случае острота края была явно недостаточна для членовредительства, но вот слова, выведенные аккуратным, округлым почерком, заставляли холодеть от дурного предчувствия.

*На остатках Когтей Адмирала,
Увернувшись от острой лопасти,
Помоги беззащитной девушке
Удержаться у края пропасти.*

Мастер с некоторой отстраненностью стиснул послание сильнее, чтобы вызвать приток крови к пальцам. Действительно холодным. Фениксы – создания пламенные, потому контраст ощущался особенно хорошо.

– Новые стишата? – задал риторический вопрос Джар. Гибкое тело саламандра растянулось на едва тлеющем полене, в глубине изразцового камина.

– Да, наш драгоценный маньяк умыкнул вторую деву и не преминул мне об этом сообщить. – На лице Лельера царило настолько спокойное выражение, что становилось жутко. – Притом, что интересно, это второе стихотворение, так как адресовано мне. Первое он оставляет на месте похищения, но его мне еще не приносили. Как думаешь, что это значит?

– Что стражи порядка еще не знают, что у нас в городе украли очередную девицу.

– Именно. Вопрос, почему он поторопился?

– В смысле? – Ящерица чуть склонила голову и, не удержавшись, выпустила язык, обмахнув им чешую на морде.

– В прошлый раз записка появилась на столе только после того, как мне принесли материалы дела о похищении и я успел как следует

ознакомиться и устрашиться.

– Ты испугался?.. – Джар даже захихикал от такого абсурдного, на его взгляд, предположения.

И у него были основания для такой реакции.

Мастер Хин не боялся смерти в любых своих ипостасях. Слишком долго она была желанной гостьей, которая все никак не заходила. Но феникс дозволялся, и госпожа смерть нанесла ему свой визит. Дважды.

Лель не боялся боли. Он слишком хорошо был знаком со всеми ее оттенками. Он умел причинять ее, а также умел ее принимать и наслаждаться каждым мгновением. Каждой каплей своей пролитой крови.

Но, оказывается, за прошедшие годы из разрозненных осколков личности юного феникса все же смогла родиться другая.

Новую личность звали Лельер Хинсар, и у него были ценности. У него были близкие.

Мия находилась в близком круге Мастера Пытки, и это значило слишком много.

Так и не получив ответа на свой вопрос-восклицание, саламандр спрыгнул на ковер и спустя несколько секунд поднялся с него уже в человеческом виде. Сел в свободное кресло и уже серьезно спросил:

– Значит, ты считаешь, что он специально отправил тебе послание до того, как найдут девушку?

– Ну точно не случайно. – Лель даже не улыбнулся. – Вопрос в другом. Случайности бывают весьма разнообразны. В заклинании мог произойти сбой, и письмо телепортировалось сейчас. А быть может, он настолько возбужден, настолько жаждет внимания, что решил нарушить правила своей же игры. А зря... ведь это даже красиво: одно письмо на месте преступления, одно мне, а последнее на мертвом теле.

– Тогда почему мы сейчас сидим и непринужденно беседуем о привычках психопатов, а не бежим расшифровывать очередной ребус?

Лельер поднялся, встряхнул головой, словно выбрасывая из нее лишние мысли, набросил плащ и, повернувшись к фамильяру, сообщил:

– Потому что нет нужды в расшифровке, друг мой.

На полу тускло вспыхнули линии телепорта, и Мастер исчез в искривленном пространстве. Джар лишь прищурился и прыжком нырнул вслед за хозяином.

Портал выплюнул их в темном переулке. Отчетливо пахло солью, взопревшими на солнце водорослями и гнилой рыбой. Ни с чем не сравнимые ароматы рыболовецкого порта, которые совершенно одинаковы в любой державе и для любой расы.

Саламандр не стал менять ипостась, просто поравнялся с Лельером и, поведя носом, сообщил:

– Меня пугает твоя уверенность.

– Я бы очень хотел ошибаться. – Мимолетная гримаса коснулась бледных губ Мастера Пытки. – А может, и не хотел бы. Охота будит нечто давно забытое... А кровавыми подробностями меня давно не напугать.

Они стремительно шли по порту, мимо обшарпанных доков, по грязным подворотням, в которых копошились такие же отвратительные люди. Выходцы из сектора Янтаря оседали поближе к пищевой промышленности, кучкуясь по закоулкам. Люди есть люди...

Внезапно из мрака над ними выступила огромная светлая скала, испещренная особенно беспросветными сейчас разломами. Леля всегда поражало то, что Адмирал умудрялся оставаться незаметным до того момента, как ты оказывался к нему едва ли не вплотную. Словно он действительно был кораблем и, отражая свет луны и серебра водной дорожки, выплывал из залива навстречу.

– На остатках когтей Адмирала... – почти неслышно повторили губы Мастера Хина, и он запрокинул голову к вышине. Туда, где уже столетия вращал свои лопасти один из древних дирижаблей.

Когда-то на месте четырех секторов была одна великая и единая империя. В ней не верили в магию и проводили гонения на обладателей силы, зато молились другому богу – прогрессу. И делали это настолько искусно, что некоторые чудеса технологической цивилизации до сих пор были непонятны.

Например: почему до сих пор крутятся эти невероятно острые полосы металла?

Дерево давно рассохлось и истлело, а вот стальной каркас впился в камни, слился с ними в страстных объятиях и не спешил их размыкать.

– Мы взлетим? – с опаской поинтересовался Джар, прекрасно знавший о том, чем грозит его хозяину полет. Тот лишь криво усмехнулся и покачал головой:

– Полезем.

Спустя полчаса двое мужчин с трудом сумели проскочить между свистящими лопастями воздушного двигателя, который двигался слишком медленно, чтобы держать в небе такую машину, но слишком быстро, чтобы беспечно лезть на скалу. Существовал немалый риск того, что их могло поделить на две неравные части.

Болтающееся на перекладине тело и Лель и Джар заметили еще до того, как оказались на площадке. Как и надписи на ослепительно-белых лопастях.

«Я был милосерднее. Вспомни. Вспомни, убийца».

Тишина бывает болезненной, а бывает опустошающей. Когда тебе нечем даже попытаться ее нарушить, ты пуст изнутри и снаружи, в тебе нет ни крика, ни шепота.

Поскрипывал механизм, и мерно покачивалась виселица.

А Лель вспоминал... действительно вспоминал и бледнел все больше и больше.

– Ты был не в себе, – тихо напомнил ему слуга.

– А когда и кого это оправдывало? – задал встречный вопрос беловолосый Мастер, садясь на край и невидяще глядя вперед.

У убийств нет срока давности. Но есть лживое убеждение, что каждую свою жертву ты помнишь в лицо. По крайней мере первые. Которой была эта?..

Лель не знал. Лишь помнил, как начинались его первые после плена у Серебрянки романтические отношения. А что может быть прекраснее, чем привести девушку в поистине легендарное место, чтобы вместе полюбоваться рассветом?

Рассветом, который бликом от белоснежной лопасти окрасит волосы возлюбленной в преступный серебряный цвет, вызвавший первое, но не последнее помешательство и замещение образов.

И вместо нежной девочки из низов, которая смотрела на него с обожанием, он увидит Серебряную госпожу, что причинила столько сладкой боли. Что ломала и чинила его бесконечное количество раз.

Больная любовь к которой давно настолько тесно переплелась с ненавистью, что осталась лишь потребность с этим покончить, толкнув ее, ненавистную, вперед.

Да, Лель хорошо, даже слишком хорошо знал, насколько остры детали этого доисторического двигателя.

Красное на белом смотрелось прекрасно. Что тогда, что сейчас.

Они осторожно сняли несчастную девушку, и Мастер бережно отвел медные волосы с ее лица. Осмотрел, с горечью думая, как же жаль, что жизнями феникса нельзя поделиться.

Хотя, если бы у него была такая возможность, давно бы не осталось ни одной в запасе.

В глубине души медленно поднималась злость. Первобытная ярость.

Лельер не пытался оправдать трагедии в прошлом, но внутренне бесновался из-за того, что какая-то сволочь посчитала себя вправе убивать в настоящем ради того, чтобы напомнить ему, какой он урод.

– Господин... она умерла до повешения, – с некоторым удивлением констатировал очевидное Джар.

– Да, я заметил. И вот нашлась разгадка того, почему этот мерзавец позвал нас раньше.

– Не понял.

– Судя по всему, изначальный план был в том, что я оказываюсь у подножия скалы, а девушка с криком летит вниз. Красиво, эффектно – полные параллели с прошлым, – серым, монотонным голосом проговорил Мастер Пытки. – Но, судя по всему, у несчастной девчонки были проблемы с сердцем. Она испугалась и умерла раньше запланированной развязки.

Словно в подтверждение этих слов в нескольких метрах над ними вспыхнул воздух, и на подставленную ладонь Леля опустился листок бумаги.

*Рухнув вниз сквозь поток воздушный,
Свою жизнь отдала вторая,
Потому что Шут равнодушный
Не сумел отвести от края!*

– Вот и доказательство. Даже стишата переделать не успел. Ленивый дилетант.

Миямилъ Гаилат

Несколько дней прошли в тревожном ожидании. Я ощущала себя так, словно попала в ураган, меня как следует потрепало, а потом

внезапно случилось затишье. В то, что грозная стихия окончательно прошла мимо, я не верила, потому не покидало ощущение, что царящее вокруг спокойствие – не более чем «око» тайфуна.

У меня никак не получалось вернуться в прежний ритм, в прежнее настроение. Хотя жизнь стремительно текла вокруг, и на первый взгляд ничего не изменилось.

Разве что Мастер Хин пропал из этой самой жизни. Я возлагала определенные надежды на сегодняшнюю лекцию, но на пороге аудитории вместо знакомой долговязой фигуры Пытки сегодня появилась совсем другая. Нет, дознаватель был прекрасным специалистом, но... не Лельером.

– Мия, ты весь день сама не своя, – голос Амириль вырвал меня из внутренних брожений по кругу. – Что такое?

Что такое, что такое... оказывается, к мыслям о собственной исключительности крайне легко привыкнуть! Вот мечтаешь ты только о том, чтобы тебя оставили в покое, а в итоге оказываешься к покою не готовой.

Но дело не только в этом. Последнее высказывание господина Зеркальника тоже беспокоило меня не на шутку. По сути это было обещанием того, что сам неуловимый интриган зла мне не желает, но несомненно знает тех, кто думает иначе. В этом свете смерти рыжеволосых девушек переставали казаться совпадением, и очень хотелось начать паниковать.

Всего этого я, разумеется, не озвучила. Сестре и так хватает волнений.

– Просто я не могу поверить, что Мастер так легко отступился, – немного подумав, выдала Ами половину правды. – Думаю, просто занят. Но даже предполагать не хочу чем.

– Наверное, и правильно, – со вздохом покачала головой я и сменила тему. – Как твой проект по драгоценностям?

Сестре недавно выдали задание по специализации артефактора, и, насколько я знала, у нее возникли определенные сложности на финальном этапе. Но моей помощи она не просила принципиально, а я даже не пыталась навязываться. Эта черта в двойняшке внушала во мне восхищение пополам с завистью, потому как Амириль действительно могла до бесконечности биться над загадками, подходя к ним то с одной, то с другой стороны.

– Неплохо. Изначально брала одну концепцию амулета, но в итоге решила остановиться на другой.

Мы еще поболтали о своем, девичьем и довольно легкомысленном. С занятий беседа свернула на обсуждение однокурсников – а точнее лепрекона, который понравился сестре, – а после вильнула к оставленной в Охре семье.

Разговаривая, я невольно бросила взгляд в камин и прищурилась, наблюдая за тем, как под объатым пламенем поленом сверкают бусины глаз ящерицы. Странно знакомой ящерицы... такое ощущение, что я такую уже видела, но где – не помню.

Глава 13

Амириль давно ушла, а я сидела на постели и читала книгу в свете магического фонаря. Камин уютно потрескивал, последнее полено распалось на мерцающие угли, а за окном выл осенний ветер, словно злился, потому что никак не может распахнуть окна и выстудить комнату.

Сосредоточиться на строчках не получалось, несмотря на то, что этот томик я долго искала и была счастлива, обнаружив в библиотеке Зеленой Академии.

Я, как и любая девушка, переживала из-за отношений! Вдвойне волнительно было потому, что я до сих пор не понимала, а есть они или нет, и если есть, то куда ведут и чем закончатся.

И хотя Ами неоднократно говорила, что выяснение отношений – это верный способ их закончить, я все равно испытывала желание разогнать туман. А если такая мелочь, как разговор и желание яснее все видеть, сможет разрушить общение между двумя людьми, то и ладно!

Но была проблема. Отсутствие оппонента! Мастер упорно не появлялся, и я, с одной стороны, начинала волноваться, потому как причины у него наверняка были не радужные, а с другой – злиться.

Потому как... что-то мне подсказывало, что хотя сам Хин и пропал из поля зрения, но за мной наблюдать он не перестал.

Я перевернула очередную страницу и скосила глаза в сторону пламени. Ящерка уже даже не пряталась, сидела сверху на бревнышке, и от ее тела расходились язычки синего пламени, которое, переходя на дерево, становилось обычным и не позволяло полену погаснуть окончательно.

Интересно, а она разумная?

Я задумчиво тронула уголок книжки пальцем и решила.

– Как тебя зовут? – спокойно спросила, с хлопком закрывая томик и разворачиваясь всем телом к камину.

Ящерица сверкала на меня бусинками глаз и молчала, ну а я сидела и ощущала себя дура душой!

Мысленно рыкнула, рывком поднялась и, поправив юбку, двинулась навстречу общению. Хочет она того или нет! У меня, между прочим, даже аргументы имеются!

По путихватила с рабочего стола базовый набор артефактора и, присев на коврик, спросила еще раз:

– Ну все же?

Ноль реакции. Ладно!

Я раскрыла коробочку, в которой лежали материалы для амулетов. В кожаном свертке рядом покоились инструменты. Бережно развернула их и, коснувшись щипцов, заметила, как нервно дернулся глазик ящерицы. Усмехнулась и то ли ей, то ли себе самой сказала:

– Знаешь, чем амулеты отличаются от артефактов? Вот казалось бы – амулет одноразовая штука, и это грустно. Но именно благодаря маленькому ресурсу энергии амулеты можно очень быстро производить. Они как простейший детский конструктор, и нужны лишь правильные детали. Например такие...

Я достала из коробочки красную бусину, и та кольнула подушечки пальцев отзвуком запечатанной внутри силы.

– Люблю работать с гранатом, – поделилась со внимательно наблюдающей за мной рептилией. – Очень легко напитывается магией и спокойной взаимодействует практически с любым металлом. Например с медью.

Следом извлекла моток проволоки, тускло сверкнувшей в свете пламени, и щипцами откусила от нее буквально пядь. Трижды обвила бусину, а остаток изогнула в виде руны разума.

– И знаешь, что мы получили?

Я на выдохе назвала руну вслух, гранат вспыхнул алым пламенем, проволока раскалилась, и амулет, взлетев с моей ладони, рассыпался в пыль. Лишь сияние разделилось на два облачка. Одно метнулось ко мне, а другое к каминной гостье – и осыпалось на ее шкурку постепенно затухающими искрами.

– А получили мы информацию о том, что в этой комнате сейчас два разумных существа. Ты, конечно, можешь и дальше хранить молчание, но, боюсь, в таком случае мне будет крайне неприятно осознавать, что я не умнее обыкновенной ящерицы!

Самое интересное заключалось в том, что большая часть искр от амулета осыпалась на эту рептилию! Амулет считал, что если

сравнивать наши умственные способности, то я нервно курю в сторонке.

Пока я грустно размышляла об этом, ящерица внезапно захихикала... густым мужским баритоном. И добавила:

– А ты действительно хороша, гномочка. Меня зовут Джар.

Ага. Наша ящерица оказалась ящером.

– Очень приятно познакомиться. Чем обязана чести видеть вас в своем камине?

– Мастер Хин попросил присмотреть.

Я закусила губу, испытывая две прямо противоположные эмоции. Все же я была права, и это шпион! Он всегда за мной следит? А если бы я тут в одних чулках щеголяла?!

– Прекрасно, – чуточку суховато проговорила я, но, решив не давать волю эмоциям, задала дельный вопрос: – А не подскажешь, когда я могу увидеть Хина?

К нему все больше вопросов!

– Неужели неприступная рыжая крепость соскучилась и готова пасть? – ехидно хмыкнул Джар. – Мастер пока занят, Миямиль. Но я обязательно передам, что ты интересовалась!

– Не забудь. – Я и не подумала отреагировать на простейшую провокацию. – В конце концов он сам сделал меня «Разделяющей», да и кроме этого оставил крайне много вопросов без ответа. Очень хочу с ним встретиться и прояснить.

Именно в этот момент с другого конца комнаты раздался уставший голос:

– Твое умение разговорить даже саламандра удивляет. Добрый вечер, Мия.

Я порывисто обернулась и увидела, что в кресле развалился... Лель. Но не в облике Мастера. Он вновь надел ту самую личину, в которой тогда гулял по городу, водил меня в кабак после нападения на стражу. Именно в этом виде был, когда пьяненькая я на нем висла, с трудом передвигаясь самостоятельно.

Я порозовела и отвела взгляд, не понимая, почему внешность так меняет восприятие. Вроде я понимаю, что этот улыбчивый красавчик и слегка несуразный, но притягательный Хин – одно и то же лицо, но в первые минуты воспринимаю их настолько по-разному, что остается только диву даваться.

– Добрый вечер, Мастер, – невзирая на смятение, получилось быстро взять себя в руки. – Может, отпустите слугу, снимете иллюзию и побалуете меня откровенной беседой без масок и лишних ушей?

Лель лишь усмехнулся, и, судя по тому, как энергично покинул кресло, недавняя усталость улетучилась в никуда. Я даже не знаю, радоваться или огорчаться из-за этой метаморфозы!

Мужчина жестом отослал Джара и, скосив глаза, я поняла, что саламандр и правда покинул камин. Моя решимость была бы рада смотаться за ним следом, но я ухватила ее за хвост!

И держать становилось с каждым мгновением все сложнее, потому что Мастер подошел ко мне вплотную, практически касаясь моей груди. Любой глубокий вдох мог окончательно свести на нет и так иллюзорную дистанцию между нами. От одного осознания этого у меня кружилась голова, путались мысли и в памяти всплывали... все те моменты, когда между нами ничего не случилось. И даже от этих воспоминаний кровь закипала в жилах.

Лель поднял руку, мимолетно коснулся мочки уха, от чего я подавилась вдохом, и практически невинно обвел контур моей левой брови.

– Да что ты говоришь, моя прелесть. Очень откровенный разговор? Насколько?

– Настолько, что прямой и правдивый!

– Правда разная бывает, – философски заметил Лель и подло, совершенно нагло провел подушечками пальцев вдоль длинного хрящика уха.

Подземные боги!

– Не делай так. – Я попыталась сделать шаг назад, чтобы установить между нами хоть какую-то дистанцию, но не преуспела – на талию легли горячие руки. – Это нечестно!

– Что именно нечестно?

– Да вот это вот все. – Я прекратила попытки вырваться и развела руками. – Ничего не понятно, но очень интересно. Лель, ты же знаешь, что я гном, верно?

– К счастью, ты гном лишь наполовину, и я безумно счастлив, что твой папенька был лепреконом и ты взяла от него весьма много. Боюсь, женская борода совсем не в моем вкусе... мешает целоваться.

– Гномки не бородатые! – оскорбилась я этому известному слуху и уже открыла рот, чтобы прочитать Мастеру мини-лекцию на тему половых различий между гномами, но углядела в синих глазах искры смеха и возмущенно сказала: – Ты бессовестный провокатор!

– Зато ты перестала смущаться и пытаться сбежать. А значит, шалость однозначно удалась!

Я набрала в рот воздуха, но практически сразу выдохнула, понимая, что Лель прав.

– Ладно... – Не зная, куда еще деть руки, положила их на грудь Мастера. – Я хотела поговорить.

– Это я уже понял. – Он сам отстранился, и на какой-то миг я почувствовала холод и одиночество. Мужчина потянул меня к диванчику, а когда мы на него уселись, взял обе мои руки и, нежно погладив тыльную сторону ладоней, добавил: – Я внимательно тебя слушаю.

– То, что ты творишь, – совершенно неприлично. – Я дернула ушком, избегая прикосновения. – И совершенно... совершенно непонятно!

– Что именно тебе непонятно? – Мастер, казалось, искренне удивился этой фразе. – Я же за тобой ухаживаю.

– Ты отказов не понимаешь, и, стало быть, у меня нет никакой возможности увильнуть.

– Мия, ты прелесть насколько непоследовательна, – с усмешкой покачал головой Хин. – Во-первых, если бы я не давал тебе выбора, то ты с первого дня знакомства жила бы в моем доме, в моей спальне и отношения мы бы выясняли исключительно на просторах кровати. Вот это – принуждение и игнорирование интересов партнера. А я – галантный кавалер.

Я замолкла. Надо признать, такой вариант развития событий не раз приходил в мою голову и очень страшил, но, видимо, я никогда всерьез в него не верила и потому боялась чисто номинально.

– Ладно, давай совсем уж напрямую. Я не понимаю, какие именно отношения ты предлагаешь. Я всегда мечтала, что взаимно влюблюсь в какого-то юношу, мы с ним поедem знакомиться к моим родителям, он заслужит уважение деда, и тогда...

Не успела я до конца изложить свои идеальные соображения про идеальный конфетно-букетный период, как Лельер перебил:

– Дело в знакомстве с родителями?

– Ну...

Я с опаской, но оценивающе посмотрела на Хина. Вроде как обычно подобные перспективы всех пугают! Может, стоит рискнуть и сказать «да»?

Не успела. Мастер оказался не из пугливых и решил шокировать меня первым. Так сказать, обошел на вираже!

– Хорошо, я понял, на этих же выходных мы телепортируемся в Охру. Дедушка так дедушка!

– Но Лель...

– Мия, ты же хотела определенности? Вот она. Я настолько потерял голову, что намерен жениться и действительно хотел бы посмотреть на своих рыжих детей. Ты умница!

Он чмокнул меня в нос, притом синие глаза явственно смеялись, но я никак не могла сбросить с себя состояние шока.

– Но мы даже не целовались! Какая помолвка?!

– Ты права, упущение просто гигантское.

Мастер запустил руку в мои волосы, прижал пискнувшую меня к себе и накрыл губы коротким поцелуем. Все случилось настолько быстро, что я успела только покраснеть и устыдиться, а вот прочувствовать ничего не смогла. Даже обидно стало на какой-то миг.

Первый поцелуй с одним из самых сильных магов мира, а я стою красная как помидор и соображаю, как бы намекнуть, что, говоря о серьезных отношениях, я не думала, что они начнутся вот прямо сейчас!

– А теперь, моя радость, ложись спать. И порадууй утром сестрицу, а заодно сообщи, что мы едем в Охру. В течении нескольких дней я решу вопросы с доступом и телепортацией.

– Доступом? – Я была настолько шокирована, что спросила только это.

– Я все же Атрибут Малахита, милая. И не могу так просто отправиться в другую страну. Боюсь, у местных магов появится много вопросов и опасений!

И он исчез! Поцеловал меня еще раз, притом так, что губы горели еще несколько минут, и пропал в пространственном переходе!

А я села на кровать, коснулась рта пальцами и поймала себя на дурацкой, крайне дурацкой мысли. Что только что случилось аж

несколько страстных поцелуев с самим Мастером, а я... не
распробовала.

И хочу еще...

Глава 14

Лельер Хинсар

К большому сожалению, Атрибут действительно не мог просто взять и уехать в другую страну, пусть даже и по важным личным делам. Такой визит согласовывается на самом высшем уровне, притом с обеих сторон. Но в любом случае сначала стоило это обговорить в Малахите, а потом уже в Охре.

Именно поэтому в одной из гостиных Кален-Зара собирались сегодня четверо мужчин. Оба Атрибута болотного сектора, правитель Гудвин и его ближайший советник Феликс Ла-Шавоир.

На Леля смотрели крайне недоуменно, так как позвал их именно он.

– У тебя какие-то сложности в расследовании? – предположил Феликс, неторопливо наполняя бокал виски. – Я слышал, что какой-то криминальный гений предложил тебе достойное развлечение с отсылками к прошлому.

– Цинично, – насмешливо прокомментировал эту формулировку красноглазый Мастер Смерти. – Но подозреваю, что причина иная, не так ли, Лель?

Гудвин молчал, лишь задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику кресла и внимательно смотрел на Пытку. Ждал...

Лельер стоял у окна, рассеянно глядя на залитый вечерним солнцем парк вокруг дворцового комплекса, и почуяв, что пауза слишком затянулась, заявил:

– Мне нужно съездить в Охру.

Ответом было недоуменное молчание, которое нарушил Смерть, решив выдвинуть самое логичное предположение:

– Туда ведут следы Зеркальника или кого-то из других преступников?

– Нет, там живут родители моей будущей жены.

Пауза стала настолько звеняще-громкой, что Лель даже обернулся и даже позволил себе усмешку, наблюдая вытянувшиеся лица коллег-друзей.

– Гномы?! – наконец осторожно предположил Феликс. – Но как?! И главное – зачем?

Судя по опаске в серых глазах Ла-Шавоира, он на полном серьезе думал отправить Мастера Пытки не в Охру, а к врачу.

– Вот не нужно изображать святое неведение, – покачал головой Лельер. – Я ни за что не поверю, что тебе не положили на стол всю подноготную Миямиль Гаилат сразу же после того, как я назвал ее Разделяющей.

– Ладно, ладно... но согласись, это было эффектно и как минимум наполовину правдиво. Матушка твоей возлюбленной – гномка. И... Лель, ты действительно собрался жениться? Ты?

Феникс прислушался к себе и в который раз с легким удивлением осознал, что...

– Действительно.

– Но зачем?..

– Потому что иначе эту женщину рядом не оставить.

– Тебе? – с откровенной насмешкой спросил Мастер Смерть, подразумевая, что Атрибуту дозволено многое.

– В данный момент она и замуж не хочет – на моей стороне эффект неожиданности, она не успела отвертеться от знакомства с родителями.

– Так тебя вдобавок и послали! – еще больше обрадовался Феликс. – Великие Стихии, я знал, знал, что доживу до этого замечательного момента!

В пикировку вмешался Гудвин. Он подался вперед, складывая пальцы на животе и напряженно глядя на своего Мастера.

– Твой отъезд нежелателен.

– Я не так часто о чем-то прошу... повелитель.

Эта фраза являлась совершенно обычной, если бы не тот маленький нюанс, что между владыкой сектора и его Атрибутами Власти был определенный договор.

– Значит, сейчас просишь? – уточнил Гудвин.

– Да.

– Хорошо. Сам придумай, на кого переложить свои обязанности, и отправляйся. Также нужно согласовать с принимающей стороной... предупредить Атрибуты Охры, что прибывает коллега.

– Да... Морриган Сталь будет в восторге от твоего визита, Лель! – откровенно зажмурился от удовольствия Феликс, вспоминая сколько поистине неприятных моментов доставил им этот товарищ. В отличие от Мастеров из Малахита, Стали нравилось играть на ниве большой политики. И надо сказать, что у него это получалось настолько хорошо, что всем остальным потом было плохо.

Феникс лишь рассмеялся, отошел от окна и, заняв последнее свободное кресло, подтянул лежащую на столе папку с бумагами.

– Раз мой отъезд согласовали, давайте перейдем к другим вопросам.

* * *

Много позже собрание закончилось, и Мастера неторопливо шли по одной из главных улиц Изумрудного города. Айлар Тис прищурил красные глаза, по обыкновению затянулся сигаретой и вдруг спросил, не глядя на коллегу:

– Тебе не кажется, что ты бежишь?

Лельер не ответил. Они свернули с проспекта на набережную, где в оковах камня гнала свои воды река. Она текла все дальше и дальше, пока не впадала в океан. Мастер Хин временами завидовал воде и ее стихийным детям, полагая, что, растворяясь в потоке, можно забыть обо всем. С огнем так не получалось. Боль в нем не прогорала, а воспоминания не спешили рассыпаться пеплом, как ни был бы силен жар синего пламени.

– Я серьезно, друг, – вопреки надежде феникса Смерть и не подумал отвязаться. – В городе убийца, у которого к тебе личные счета, а ты вместо этого уезжаешь из страны по наполовину надуманной причине. И не отрицай, она такая и есть.

– Ты считаешь, что весь Департамент не справится с зарвавшимся убийцей? – Усмешки, такие вот кривые, совсем не шли Мастеру Пытки. Еще больше искажалось лицо, и так словно состоящее из углов и острых линий.

– В данный момент этот Департамент не может его поймать даже во главе с тобой.

– Я все же не рядовой следователь, чтобы гоняться за маньяками. – Он больше не улыбался, наоборот, скорее закаменел. – Потому отъезд ни на что не повлияет.

Айлар скривился, выплюнул окурок в ближайшую урну и, порывшись в кармане плаща, достал камень портативного телепорта. Сжав его, бросил под ноги Пытке и шагнул вслед за ним в черный вихрь.

Вышли они на площадке уже знакомой часовой башни. Смерть, дернув Лельера за локоть, заставил развернуться и практически впечатал в стену дома, но почти сразу отпустил.

– Мне не нравится твоя скрытность. – Он прислонился рядом и, сняв шляпу, повесил ее на голову ближайшей каменной горгулье. – Рассказывай. Ни за что не поверю в то, что у тебя нет мотивов. При всей психопатичности ты никогда не был идиотом. Значит... значит, я чего-то не знаю. Не люблю такого.

Лель скривился, глядя на друга, но все же ответил:

– Мне не нравится то, что я испытываю, когда его ищу. Он словно воскрешает во мне все то, что я тогда делал. Ты не знаешь, Лар, и это прекрасно, что ты не сможешь понять радости маньяка при совершении убийства и оттого, что за тобой охотятся по твоим правилам. А я... я вот чем дальше, тем больше начинаю думать как он. Этот урод интригует меня все больше. Что он думает, что чувствует, что его ведет? И, с одной стороны, это логично, ведь ты никогда не сможешь поймать преступника, если не будешь понимать, как он мыслит. Но я не просто понимаю... я имею с ним слишком много общего.

– Общего?.. Ты никогда не убивал *осознанно* ради развлечения.

Хин со вздохом запустил руку куда-то в подпространство, достал оттуда флягу, от души глотнул и передал соседу. Мастер Смерть чуть подумал, но все же пригубил, слушая откровения друга.

– А ты думаешь, что он делает это шутки ради? – невесело хмыкнул Хин и задрал голову, подставляя лицо последним лучам солнца, которые едва-едва касались башни, а весь город уже давно лежал в полумраке. – Айлар, ты так ничего и не понял. Мечь... именно она туманила мне разум до полной потери. Именно она ведет сейчас его.

– Значит, ты действительно боишься срыва? Ты перестал перевоплощаться в шута, но мне казалось, что так как у тебя есть Разделяющая, то можно не переживать.

– Все хуже. Я не боюсь срыва, я боюсь осознанного любопытства и того, что я не знаю насколько далеко я смогу зайти. Если сейчас все брошу и пойду по следу. Мне кажется, что я на распутье, Лар. С одной стороны – Мия и что-то теплое, семейное, а с другой – холод и драйв.

Смерть не нашелся что возразить.

Если ты постоянно работаешь с чужой смертью, то временами тебе хочется сделать ее более интересной. Искушение, которого нужно избегать любыми путями.

– Вдобавок я рассчитываю, что эта сволочь пока приостановит представление. Раз уж главный зритель подло свалил из страны.

Миямиль Гаилат

Это какой-то дурной сон!

Ну, может, не дурной, но с реальностью моя ситуация действительно имела весьма мало общего. Как вообще так получилось?!

Как я согласилась?..

– Мия, ты точно этого хочешь? – спросила Ами, которая уже полчаса молча наблюдала за тем, как я складываю вещи. – Что за внезапные, совершенно не свойственные тебе перемены?

– О чем ты?

– Ты в Малахит приехала учиться, а не замуж выходить! – наконец взорвалась сестра. – У-чить-ся! Каким боком тут Мастер вообще?

Я нервно сжала пальцы на кофре с умывальными принадлежностями, но, встряхнувшись, осторожно положила его в сумку и ровно ответила:

– Я не собираюсь замуж, просто мы съездим к родителям. Ты, кстати, могла бы с нами отправиться.

От последней фразы я не удержалась, потому что рассчитывала на присутствие сестры. Ехать вдвоем с Мастером было страшно. Не знаю почему, но страшно!

– Ой, да ладно, твой беломордый так на меня посмотрел, что все мысли о согласии завяли еще до того, как я успела их додумать.

Я прикусила губу, но добавила, стремясь как-то затормозить наше с Хином объединение хотя бы в мыслях у другого человека. Раз уж в своих не получается.

– Он не мой.

– Да полно. Тогда вы бы не собирались в Охру. Мия, как так вообще произошло?!

Я разозлилась, бросила очередную юбку из плотной саржи в чемоданчик и, порывисто развернувшись к двойняшке, спросила:

– А варианты? Какие у меня могут быть варианты, Ами? Мастера всегда берут то, что они хотят, и ты прекрасно это знаешь.

– Потому ты решила сдаться и стать покорной игрушкой?!

– Статус «практически невесты» и «игрушки» все же разные вещи, и это раз, – совершенно спокойно ответила я. – А два – если мужчина настолько настойчиво добивается тебя, то стоит как минимум к нему присмотреться. Тем более он действительно мне нравится. Очень...

– «Нравится» – маловато для визита в наш клан и представления его предкам. Ты же понимаешь, что сама отсекаешь себе пути отступления? Мия, да если нравится – делай что хочешь! Хоть целуйся, хоть больше!

– Ами! – покраснев, воскликнула я.

– Что Ами? Мастер Хин действительно интересный мужчина, но слухи о его личности и о спектре психических болезней слишком ужасные. С таким можно вступить в связь, но брак станет мучением.

– То есть ты предлагаешь ограничиться постелью? – Я все еще не верила в то, что слышала. И от кого – от сестры! – Ами, но ты же сама говорила, что невинность – это гордость и достоинство.

– И повторю, – спокойно кивнула сестра и, подойдя к зеркалу, поправила прическу. – Но это не единственные добродетели, тем более вне Охры и Аквамарины. Тот же Малахит довольно свободен в нравах, я уже не говорю о Янтарном секторе. Мы образование с тобой получаем как раз для того, чтобы суметь выбрать свой путь.

– У меня от твоих откровений голова взрывается, – призналась я и, сев на кровать, осторожно спросила: – И насколько далеко ты заходила?

– В смысле?

– Ты поняла.

Ну действительно, моя драгоценная сестра могла так свободно размышлять о добрых связях только в одном случае. Если эта дорожка уже хожена.

Ами поднялась, тщательно расправила юбки и с каменным лицом ответила:

– Это неважно. Но все же советую тебе подумать о том, что если ты спишь с мужчиной, то можешь от него уйти, а вот если ты за ним замужем, то дело оборачивается совсем иначе.

– Ами, я задала вопрос. И, демоны побери, это важно! – Я подошла к сестра, взяла ее за руки и мысленно ужаснулась практически ледяным пальцам. А после у меня словно озарение полыхнуло: – Это он? Тот, из-за кого ты плакала, когда я приехала? Тот шут?

– Миямиль, я же сказала... – Она отвела взгляд, и я окончательно уверилась.

– Значит, все же он?!

– Я же просила тебя не вмешиваться, – взвилась двойняшка, вырывая из моих ладоней свои и отходя на несколько шагов. – Закружили эту тему.

– Занимательно, – тихо сказала я, оставаясь на том же месте. – Ты даешь мне такие советы, говоришь, что мы близки и ты волнуешься, а сама не пускаешь меня в свою жизнь. Не делишься... даже такими переживаниями. Почему?

– Потому что ты маленькая! – вдруг разозлилась Амириль. Схватила со стола бумажную салфетку, и на пол посыпались белые обрывки. – Юная максималистка, ты бы просто меня не поняла. И я не хотела тебя впутывать в это. Мои ошибки были совершены, но, к счастью, все исправимо.

– Что именно? Потерянная девственность? – тихо и зло уточнила я.

Меня затапливало самыми разными эмоциями. Часть меня не верила в то, что я услышала. Нас так строго воспитывали, нам столько говорили о том, что у девушки не так много добродетелей, потому нужно их беречь и приумножать. Сестра так вообще, прямо скажем, была настроена реализовать все свои таланты и сделать наилучшую партию.

И что?.. Что теперь?! Из-за какого-то мерзавца она ушла в сторону от своих целей. И сейчас говорит мне, что брак – не главное.

Другой спектр чувств не мог смириться с тем, что мы, настолько близкие, умудрились потеряться. Когда мы отделились друг от друга?

Как я вообще это допустила?! Я же тоже виновата, очень виновата...

– Осуждаешь? – тихо спросила Амириль, вперив в меня прямой взгляд. В голубых озерах плескались боль, обида и разочарование. – Да, осуждаешь...

– Нет, – я проглотила горький комок откровенной лжи. – Я принимаю, Ами. Мы сестры, и я всегда на твоей стороне.

На лице двойняшки появилось удивление и тихая радость, и, пока она не успела снова эмоционально закрыться, я шагнула вперед, порывисто обняла ее и шепнула на ухо:

– Пообещай мне, что, когда я вернусь, мы поговорим. Как раньше!

Она попыталась отстраниться, но я сжала объятия крепче и, сердито дунув на ухо сестры, прикрытое золотистой прядкой, с нажимом повторила:

– Пообещай!

– Хорошо, – на выдохе, словно сдаваясь, проговорила сестра. – А сейчас давай тебя соберем, до назначенного Мастером времени осталось совсем немного. Вы порталами пойдете?

– Вроде да, – отпустив двойняшку, ответила я и вернулась к сумке.

Так, сменное белье, одежда, несколько кофров с самым разным содержимым от гигиенического до рабочего... вроде готова!

Закрыла чемоданчик и, накинув жакет, заявила, что готова.

Внизу меня встречала группа. Я не сказала им, по какой причине Мастер меня забирает, только сделала умное лицо и заявила, что это связано с личными надобностями ЕГО. Все кроме дроу, конечно же, такому объяснению поверили, но только не темнокожий эльф. Он смотрел грустно и слегка осуждающе, но я решительно затолкала стыд и вину подальше.

Все, что у нас с ним было, – обмен заинтересованными взглядами. И ничего более.

Что поделать, видимо парню стоило чуть раньше проявить свой интерес, и тогда Мастер и не обратил бы своего внимания на занятую девушку.

Или обратил?..

Глава 15

На улице я оказалась в несколько расстроенных чувствах.

Солнце ярко светило, играя на черепичных крышах и просвечивая сквозь листву, но на душе было беспокойно и сумрачно.

Куда я еду?

Зачем я иду на поводу у Мастера? Может, Ами права и стоило в первую очередь отстаивать свою независимость, а потом уже воевать за приличия?

Да и в конце концов, почему-то мне не верилось, что Хин в случае отказа утащит меня в свой дом и сделает все, о чем так цинично разглагольствовал ночью.

– Леди Гаилат? – мужской голос нарушил суматошное движение моих мыслей.

В десятке метров от меня возле блестящего, новенького автомобиля стоял болотник. Он с улыбкой махнул мне рукой и сам двинулся навстречу.

– Я ваш сопровождающий. Мастер Хин велел доставить вас в Ведомство международной телепортации.

– Это очень предупредительно с его стороны, – осторожно заметила я и передала сумку, на которую выразительно покосился мужчина.

Он расположил мой багаж на заднем сидении, а передо мной распахнул переднюю дверцу.

– Кстати, Хаорн ис Вишшан – к вашим услугам, прекрасная леди.

Судя по широкой, белозубой и малость клыкастой улыбке, «прекрасными» у этого молодчика были решительно все леди на пути. Красивый даже в человеческом облики и, судя по всему, – наг. Вот зрачок на какой-то миг дрогнул и вытянулся, а на висках серебрится чешуя.

– Меня вы знаете, – сказала я в ответ, когда сопровождающий обогнул капот машины и сел на водительское место.

А дальше... во-первых, мы тронулись, лихо въехав в поток машин и экипажей на соседней улице, а во-вторых, меня решительно вовлекли в беседу.

Я не особенно-то хотела, но вариантов не осталось! Болотник оказался невероятно болтливым мужчиной!

За десяток минут я узнала, что встал он сегодня с больной головой, потому обрадовался, что задание выдали легкое. Что его девушка недавно встретила более богатого парня и ушла! Совершенно недальновидно, так как соперник решительно ничего из себя не представляет и даже деньги у него папины!

В заключение такой заправский сплетник, разумеется, не мог не свернуть на столь плодородную для слухов ниву, как недавние убийства девушек.

Про это мне слушать совсем не хотелось, тем более я и так переживала, оставляя Амириль в городе. Да, у маньяка пристрастие к рыжим, а не к блондинкам, но что если у него случится внезапный приступ дальтонизма?

В общем, предпочла за благо сменить тему.

– Давно служите у Мастера?

– Не столько у него, сколько в Департаменте Пытки.

– Оу. – Я чуть сжала лежащие на коленях ладони.

Несмотря на то, что в моем обучении была такая дисциплина, как криминалистика, работать в этой сфере я не собиралась. Основное, что меня интересовало, – результат воздействия магических предметов. Грустная правда жизни в том, что предотвратить летальные исходы в использовании артефактов и амулетов можно, только если у тебя есть достаточно большая статистика этих самых исходов.

– Неужели вы подвержены всеобщему страху и тоже боитесь Департамента? – весело удивился Хаорн. – Право, барышня с настолько умными глазами должна понимать, что именно благодаря ведомствам Мастеров в городе царит порядок.

Я откровенно недоуменно покосилась на нага. Когда это он успел сделать выводы, что я боюсь?..

– Вы не правы, никакого страха.

Этим решила и ограничиться. Не то чтобы я не люблю поболтать, но сейчас как-то не хотелось. Тем более на такие темы!

– Ну и прекрасно! Тем более я, скорее, административный работник.

К счастью, прибыли мы быстро. Буквально через несколько поворотов машина остановилась у знакомого крыльца. Именно отсюда

я спускалась всего лишь пару месяцев назад, когда только-только прибыла в Малахит.

Всего ничего по времени... а кажется, что так давно!

Время, с одной стороны, летит настолько стремительно, что даже не успеваешь за ним, а с другой – тянется невыносимо медленно. Как на водных горках на морском побережье, куда нас маленьких возили родители.

Наг энергично вышел из автомобиля, подхватил мою сумку и, галантно предложив локоть, повел меня вверх по ступеням.

От опоры я вежливо отказалась, и вот спустя несколько минут мы уже оказались под высокими и прохладными сводами Ведомства.

Я оглянулась, пытаюсь найти взглядом знакомую фигуру в белоснежной одежде, но Мастера еще не было. Впрочем, не успела я ужаснуться перспективе вежливой беседы со служащим его департамента, как на другом конце зала линии на полу налились золотым светом, и в центре появилась знакомая долговязая фигура.

– Мастер Хин, – с почтением поклонился ис Вишшан, поставив сумку у моих ног. – Ваше распоряжение выполнено!

– Спасибо, Хеорн, – кивнул ему Мастер и добавил: – Ты прекрасно справляешься со своими обязанностями. Повторюсь, точно не хочешь, чтобы тебя перевели на должность выше?

– О нет, – помотал головой тот и взъерошил свои темные волосы. – Я змей маленький, большие свершения – большие горести и ответственность.

– Хорошо, не буду настаивать. Всего доброго.

– Спасибо за то, что довезли, – тоже улыбнулась на прощание я.

Мастер подхватил мой багаж и жестом пригласил меня в один из боковых коридоров.

Мы шагали рядом, каблуки отбивали ритм по малахитовым плитам пола, и я, не в силах удержаться, раз за разом косилась в сторону Леля.

Сегодня он был в темно-синем. Лишь волосы звездным светом лежали на плечах, и это было... настолько эффектно, что я даже не смогла спрятать свое восхищение.

– Ты так смотришь, – с улыбкой заметил Мастер и... внезапно взял меня за руку.

Я перевела дыхание, ощущая его крупную, теплую ладонь, и, наверное, только сейчас поняла, что в прохладе этого огромного здания у меня замерзли руки.

Но нужно было не думать о руках, а поддерживать беседу! Несмотря на то, что мне чем дальше, тем больше хотелось очутиться подальше от этого места и от этого настолько смущающего меня человека.

Оказывается, вы трусиха, Миямиль Гаилат!

– Задумалась, – со всем возможным спокойствием отозвалась я, когда поняла, что Мастер не собирается заканчивать разговор на одной своей фразе.

– О чем?

Сразу захотелось сказать, что о правильности своих решений, и с воплями скрыться из вида. Вернее, сначала призвать сковородку, а можно и скалку, как следует шандарахнуть, а после скрыться!

Но в таком случае бежать, скорее всего, придется на другой конец света, так как вряд ли мне простят покушение на Атрибут сектора по скромной причине «нервишки шалят».

Эти мысли чуть ослабили мое внутреннее напряжение, и я обвела ладонью окружающее нас убранство и выдала подходящую случаю фразу о своем восхищении архитектурой.

К счастью, продолжать беседу не пришлось – мы пришли.

За распахнутыми массивными дверями с эмблемой сектора Охра находился просторный зал, на полу которого тускло светилось несколько телепортационных пентаграмм. Каждая вела в один из крупных городов Охры.

Я, затаив дыхание, смотрела на это чудо на грани магии и артефакторики. Построить стабильный переход сквозь пространство из точки А в точку Б само по себе не просто, но сделать это еще и не таким энергетически затратным – вообще бесценно.

С постамента к нам спустился пожилой человек в строгой одежде с эмблемой ведомства на груди.

– Мастер Хин, – четко, по военному поклонился он. – Рад приветствовать и прошу показать документы о разрешении на выезд. Сами понимаете, протокол-с...

– Разумеется. – Хин достал из кармана свернутый вчетверо листок, внизу которого мягко переливалась синяя печать в виде

большого змея.

Личная печать Гудвина?..

Так вот он какой, левиафан. Я, стараясь сделать это незаметно, жадно оглядывала каждую деталь. Когда я интересовалась особенностями наследования верховной власти в Малахите, то натыкалась на кучу разнообразных изображений истинного облика правителя сектора. Но этот же, наверное, наиболее близкий к истине.

Служащий зала внимательно оглядел документ Мастера, потом быстро просмотрел мои бумаги и жестом указал на пентаграмму по правую руку:

– Прошу, переход в Оир будет готов через минуту.

Лель вновь взял меня за руку и увлек в центр будущего перехода. Маг-телепортатор вернулся на свое рабочее место, и спустя мгновение вокруг нас закружились золотые искры, которых с каждым мгновением становилось больше и больше, пока они не затянули все сплошным полотном.

Когда оно начало медленно оседать на пол, я поняла, что мы уже не в Изумрудном городе, а в моем родном.

В прекрасной столице подземелий Охры.

* * *

Телепортационный зал поражал воображение.

И назывался не менее поэтично, чем выглядел: Сфера перемещений.

Красно-оранжевые своды настолько высоки, что полумрак не могли разогнать даже сотни сверкающих светом кристальных друз на стенах. Здесь парили платформы-телепорты, связанные между собой широкими лестницами без перил. Мы перенеслись на центральную площадку, и несколько секунд глаза привыкали к полумраку, столь необычному после сияющего дневного света. А потом я разглядела встречающую делегацию, стоящую чуть ниже, там, где сходились все ступенчатые пути Сферы.

– Кто бы сомневался, – практически себе под нос проговорил Мастер.

– Это к вам?

– Это к нам! – окончательно расстроил меня Хин.

– Плохо, – тихо проговорила я, с содроганием понимая, что не получится по-тихому метнуться домой, шокировать родственников

поклонником и сбежать обратно в Малахит.

Так как встречали нас не просто работники Сферы, а Атрибуты Охры! Сталь и Огонь.

И не вдвоем, а со свитой, разумеется.

Я с отстраненным удивлением отметила, насколько по-разному воспринимаются мужчины в общем-то одинакового статуса. В Охре я привыкла к тому, что к Атрибутам все относится с пиететом и огромным уважением. Что они далекие, как божества, и занимаются теми же непонятными задачами.

А вот Мастера Малахита, несмотря на ужасный флер слухов, казались гораздо ближе и более... земными, что ли. Реальными.

– Приветствую вас, Лельер Хинсар, Мастер Пытки сектора Малахит! – звучно поздоровался выступивший вперед мужчина с неестественно белой кожей. Его медные волосы казались до такой степени контрастно-яркими, словно это не живой человек, а просто ожившая алебастровая статуя, на которой кто-то потехи ради нарисовал глаза и нацепил рыжий парик.

Но все ощущение несуразности пропадало, стоило встретиться взглядом с этими «нарисованными» очами. Брр, аж мороз по коже!

Воспользовавшись возможностью спрятать растерянность за этикетом, я отступила от Мастера в сторону и низко, церемониально поклонилась Огню и Стали. Все же я подданная государства, где они первые после подгорного короля.

А еще... еще меня не покидало ощущение, что я уже где-то слышала полное имя Пытки. Но вот где?

Размышляла я на ходу. Лель спускался по ступенькам навстречу коллегам из другого сектора, а я шла за ним, от души надеясь, что на мне не станут заострять внимание.

Наивно.

После первого и дежурного обмена любезностями Морриган Сталь устремил на меня пристальный взгляд серых глаз и спросил... у Пытки, конечно, спросил:

– Вы с сопровождающей?

– Скорее, со спутницей, – тотчас обозначил Мастер и даже уточнил: – Миямилль Гаилат является моей Разделяющей.

В глазах Атрибутов полыхнул интерес.

– Гаилат? Известная фамилия.

– Приветствую, великие. Да, я – внучка почтенного мэтра. – Я церемонно поднесла руки ко лбу, стараясь не особо пялиться на воплощения стихий. Это же почти как государя увидеть!

Владыка Стали отличался от своего коллеги как сумерки от яркого дня. Белые волосы, смуглая кожа и белые шрамы, что смотрелись на ней скорее затейливым рисунком. Продолжением темных татуировок, что затейливыми изгибами вились по открытым участкам тела.

– И как же вы познакомились? – любопытство сверкнуло в темных глазах воплощения Огня.

– Орияр, мне кажется, что подобное любопытство неуместно, – мягко заметил Морриган, скрещивая руки на груди. – Но я практически уверен, что Лельер не откажет нам в дружеской беседе за чашкой горячего... или горячительного. Не так ли?

– Мастер Хин, – сухо напомнил Пытка, прищулив синие глаза. – Можно просто Хин, ввиду нашего давнего знакомства.

– Как скажешь, – покладисто согласился Сталь. – Но суть вопроса не изменилась. Я пришлю приглашение в резиденцию Малахита. Разумеется, приходи не один, а с Разделяющей. По-хорошему завидую ее появлению!

Кажется, нас только что вежливо, но ультимативно позвали в гости.

– Не раньше, чем через два дня. Сегодня мы знакомимся с родителями Миямиль, а завтра я хотел бы осмотреть со своей девушкой ваш прекрасный город.

Атрибуты Охры держали лицо просто отлично, потому удивление лишь эхом отразилось в их глазах. А вот молчаливая доселе свита не могла похвастаться подобным самообладанием, и я получила даже какое-то извращенное удовольствие от лицезрения их вытягивающихся лиц.

Приятно быть в коллективе. Не одной же мне от его высказываний с отвисшей челюстью ходить!

Далее мы любезно раскланялись, и нас сопроводили из Сферы в основной комплекс здания ведомства международной телепортации.

Меня уже привычным жестом взяли за руку, привлекли к себе и невозмутимо поинтересовались:

– Может, сначала поедим, а потом уже к родителям? Боюсь, что полуобморочных лепрекона и гномку можно вынести только на сытый

желудок.

Бх. Надо родителям отписаться, чтобы тоже поели, что ли? Так как Мастера выносить тоже, между прочим, проблематично!

Жаль, что уже поздно.

Глава 16

Найти соответствующее заведение труда не составило. Город я знала отлично, ориентировалась прекрасно и на предложение Леля прогуляться пешком ответила согласием.

Из такого здания всегда есть несколько выходов, и мы воспользовались одним из боковых. С парадного открывался вид на одну из главных улиц и на Разлом. Но виды чуть позже...

Так что мы вышли на узкую улочку, и я довольно прищурилась, вдыхая знакомый запах и наслаждаясь каждым звуком.

Уже в ресторанчике, когда нам принесли запеченного пещерного червя, я поняла насколько соскучилась по местной кухне!

– Божественные Стихии, как же вкусно, – блаженно простонала я, отпиливая от червячка часть хвоста и отправляя в рот.

– Это вкусно? – с огромным сомнением осведомился Мастер.

Сам он пожелал отведать более известные блюда. Хотя на качество курочек в подземельях я бы не рассчитывала. У нас живность жилистая и не особо сочная.

Лучше бы охринского крота заказал, право слово. На вкус говядина говядиной.

– Хм... – Я закинула в рот кусочек аенши, растущего под землей корнеплода, и ехидно поинтересовалась. – Ты же вроде как феникс?

– И?

– Птичка же. Стало быть, должен весьма одобрительно относиться к червячкам!

– Видишь ли, Мия... – Мастер подцепил двузубой вилкой один из еще не оприходованных кусочков из моей тарелки и под возмущенным взглядом отправил его в рот. – Хм, а недурно, весьма недурно. Мясо как мясо. О чем это я? В общем, если честно, в здравом уме и трезвой памяти в виде птицы я никогда не питался. А все то, что происходит после смерти, – не помню.

– В смысле «после смерти»?

– Феникс может умереть три раза перед тем, как окончательно окочуриться, – с охотой поделился Мастер особенностями физиологии своего народа. – После гибели тело сгорает, и в пепле остается яйцо, из

которого спустя какое-то время вылупляется птенец. Потом он растет и как только достигает зрелости, оборачивается в человека.

– И после оборота все птичьи воспоминания недоступны?

– Совершенно верно.

– Любопытно... – Я задумчиво закинула в рот маленькую помидорку. Они в Охре являлись дефицитом, и потому первое время в Малахите я питалась исключительно овощами и фруктами. Поэтому для меня самой было неожиданностью то, что я соскучилась по местным блюдам.

Спустя десяток минут мы расплатились и покинули ресторанчик. Оглядевшись, я сказала, что неподалеку есть смотровая площадка. Вполне можно завернуть по дороге. Почему-то хотелось увидеть, как Хин отреагирует на чуждую для жителя Малахита красоту Оира.

Некогда один из первых повелителей Охры велел основать поселение в Разломе Оира. По легендам именно сюда некогда рухнул Низвергнутый Свет, пробив дыру в земной коре аж до мантии. О том, как опальное божество выбиралось из магмы, мифы молчали, кстати.

Но как бы то ни было, в Разломе нашли много редких веществ и металлов, потому основание тут города было естественным течением событий. Оир делился на левый и правый, согласно сторонам Разлома. А между ними тянулись бесконечные ажурные мостики, словно пронизанные падающим сверху светом.

– Я никогда не думал, что подземные города настолько прекрасны.

– Да? – Я с затаенной улыбкой покосилась на Мастера, который не мог отвести взора от панорамы, представшей нам со смотровой площадки.

– Да. Я же феникс. – Мне подарили кривую усмешку. – Создание небес, в котором исконно заложено пренебрежение ко всем, кто даже ходит по земле, не говоря уже о тех, кто ползает под нею.

– Гномы не ползают, – обиделась я за собственный народ. – Мы вообще передовое общество!

– Попробуй объяснить это крылатому народу. Все, кто не умеет летать, – априори несчастные инвалиды, и им можно только сочувствовать. Чем мой народ, кстати, активно и занимался...

– Полагаю, фениксов в твоём мире конкретно так не любили, – сделала вывод я и, поймав смеющийся взгляд, в котором плескался

невысказанный вопрос, пояснила: – С такой внешнеполитической позицией сложно стать объектами всеобщего восхищения.

– Тут ты права. Но фениксов с трудом терпели не только из-за заносчивости, но и по причине синдрома Геримера.

– А это что еще за гадость?

– Мания величия в крайней степени. Через это проходит любой юнец. Когда хочется творить подвиги и становиться во главе мира!

– Оу, так потому ты и попал в Малахит? Правда, выбор странный, все же лишь в зеленом секторе к воплощениям стихий такое отношение.

– Меня не спрашивали, куда я хочу. Сила просто воплощается, и выхода нет. Да и все не настолько плохо, Миямиль. Гудвин – весьма милостивый господин.

– Но лучше вообще не иметь хозяев, не так ли?.. – тихо проговорила я.

Мастер не ответил, лишь шагнул ко мне ближе и положил руку на талию, притягивая к себе. Коснулся губами волос и шепнул:

– Это сложный вопрос, лепрегомик. И размышлять о нем вредно. Так как в Малахите вообще сложные межличностные узы.

– Да, только у вас дружат силком, если кому-то более могущественному этого захотелось, – буркнула я, все еще не смирившись с тем, что вариантов у меня не было.

Ведь не только дружат против воли...

– Зря ты так бескомпромиссна. Вряд ли среди нас много мазохистов, стало быть, да, более близкое общение может быть начато из-за того, что кто-то форсирует события, но продолжение всегда зависит от двоих. – Он замолчал, ласково заправил выбившуюся прядь моих волос за ухо и тихо проговорил: – Уж ты-то это понимаешь.

Я лишь прикусила губу.

С одной стороны, хотелось возмутиться и напомнить, что вариантов мне не предоставили, а с другой...

Если вспомнить, то я ни разу не сказала ему твердого «нет». Ну, настолько ясного, чтобы и самой поверить.

Потому что боялась? Или потому, что в глубине души мне было приятно, что меня добиваются. А в такие моменты нечто исконно женское намекает, что трепыхаться, конечно, стоит, но не так чтобы сильно.

Убегать следует так, чтобы тебя догнали.

И все это из-за того, что он действительно мне нравится.

Только ли нравится? Возможно, уже гораздо больше?

Я терялась в синих глазах так и не отстранившегося Леля, и мне хотелось качнуться вперед, чтобы окончательно раствориться в его теплых объятиях. Спрятать лицо на груди, закрыть глаза и вдыхать тот особенный аромат тела, от которого кружилась голова.

– Мия... – Длинные пальцы ласково обвели абрис лица, взяли меня за подбородок. – Знаешь, что сейчас произойдет?

– Что? – как зачарованная выдохнула я, не в силах смотреть на что-то еще, кроме его чувственных губ.

– Я тебя поцелую.

От хрипловатых ноток в мужском голосе подкосились колени, а когда Мастер действительно завладел моими губами, то ему пришлось привлечь меня к себе.

Воздуха не хватало, но я не думала ни о дыхании, ни о том, что мы находимся в весьма людном месте в консервативном государстве. Сейчас имел значение только держащий меня в объятиях мужчина и стук сердца, который с каждой секундой звучал все громче. Ба-ра-баны... вместо пульса.

Хин целовал нежно. Осторожно, томно, то невесомо согревая губы дыханием, то завладевая верхней губой, касаясь языком нижней. Приглашая к большей откровенности. И я шла, да... шаг за шагом я двигалась следом за ним по туманной тропинке чувственности.

Когда головокружительный поцелуй закончился, я осознала, что Мастер держит меня практически на весу. Но почти сразу он аккуратно поставил меня на ноги, удостоверился, что я хоть и нетвердо, но на них стою, и ласково чмокнув меня в кончик носа, проговорил:

– Чувственная девочка. И пока ты не успела сгореть от смущения, а те почтенные гномы в отдалении не рухнули в обморок от творящегося разврата – пойдем наконец в сторону твоего дома. Должны же мы узаконить наши поцелуи!

Так... каким образом мы от простого знакомства с родителями добрались до узаконивания чего бы то ни было?!

– Эм, Лель...

– Что? Куда нам, кстати?

– Налево. Так вот, слушай...

– Мия, ну согласишься, что бросить жениха ты всегда успеешь, не так ли? Зато целоваться можно со спокойным сердцем! – Он подмигнул с настолько проказливым выражением лица, что я вновь на какой-то момент увидела отражение облика того красивого парня, которым он временами оборачивался.

– Слушай, а просто целоваться мы не можем? – нервно спросила я, ощущая себя кроликом, вокруг которого все туже свивает кольца питон. Притом змеюка очевидно была не голодной и настроена благодушно, желая скорее погреться о животину, чем сожрать ее прямо сейчас.

Но кто знает, как скоро змей проголодается? И чем это обернется для ушастого. Для ушастой.

Набравшись решимости, я на одном дыхании выдала:

– Я не хочу за тебя замуж.

На меня посмотрели с крайним удивлением. Настолько сильным, что я даже на какой-то момент смутилась. Словно он совсем-совсем ничего не сделал, а я тут по ерунде брыкаться начинаю.

– Так не ходи, малыш.

И все.

Я открыла рот, а потом снова закрыла, понимая, что, наверное, стоит пережить этот день, а потом уже осмыслить его целиком. Потому что еще неделю назад я искренне считала, что я всего лишь Разделяющая и все остальное мне показалось!

А сейчас вот. День закончится, и тогда я все осмыслю.

Потому что здраво рассуждать прямо сейчас у меня очевидно не получается.

* * *

Дом моего деда находился на левой стороне уходящего в бездну Разлома. На левой как раз жили родовитые мастера, и чем ближе дом стоял к обрыву, тем выше по социальному статусу находился его владелец.

Дом деда находился в первой линии.

– Хм-м-м... – Хин задрал голову, глядя на монументальное строение. Да, гномы любят размах. – Слушай, Мия, когда мне в досье сказали, что ты не простая гномка, я даже не мог представить насколько! Неужели мне повезло с завидной невестой?

Издевается! Вот точно издевается!

Такая фраза была бы уместна от кого угодно, но не от одного из восьми сильнейших магов нашего мира.

– Надеюсь, все дома, – проговорила я, останавливаясь у главного входа и не находя в себе сил взять дверной молоток и ударить в железную пластину.

– Конечно все, я же предупредил.

– В смысле?!

Разом представилось официальное письмо, в котором Мастер Пытки сектора Малахит уведомлял моих родителей и деда о том, что приедет свататься и отказы, конечно же, не принимаются.

Интересно, мама приготовила сковородку?

– Да, послали сообщение, что Миямиль Гаилат на несколько дней вернется в родной город.

– И на этом все? – неверяще уточнила я. – Ни слова про вас?

– Ни единого! Люблю делать людям сюрпризы, знаешь ли...

Очень хотелось уточнить, сколько несчастных пережили оные сюрпризы и остались в добром здравии. Душевном.

Подмигнув, он завладел дверным молотком и от души шибанул им. Густой звон ввинтился в уши, но я даже не поморщилась.

Открыли нам настолько быстро, что я не удивилась бы, узнав, что пожилой гном ночевал под дверью, чтобы ничего не пропустить.

– Дядюшка Тавир!

Радость поднялась из глубин души, не подвластная оковам шока, из которых до сих пор не мог вылезти разум.

– Миюшка, – густым басом протянул он и сграбастал меня в объятия. – Здравствуй, Хвостик! Как ты?! Перепугала всю родню! Мать с отцом вернулись из своего имения еще ночью и вот с самого утра тебя ждут!

От детского прозвища стало на душе тепло, а вот от явственно слышимого укора – стыдно.

– Ох... да так получилось.

– Знаю, как у вас получается, – проворчал гном, отстраняясь и поглаживая бороду. И выразительно покосился на мой живот! – Вот уж от кого не ожидал, Мия!

В голову с опозданием пришла мысль о том, что могли подумать близкие, когда узнали, что я возвращаюсь в середине учебного года и собираюсь знакомить их с каким-то мужиком.

Очень хотелось замахать руками и заверить старого дядьку, что ни-ни, но он уже развернулся и взмахом руки предложил следовать за ним.

– Интересно, – прокомментировал Мастер Хин. – Разуваться нужно?

– Только на входе в жилые помещения, – машинально ответила я. – Пока мы в официальных, предназначенных для приема гостей и для серьезных разговоров.

– Прекрасно, тогда последуем за любезным гномом!

Залы особняка сменяли один другой, и чем дальше мы заходили вглубь дома, тем более яркими становились мои дурные предчувствия. Так как, судя по всему, от грядущей встречи совсем не веяло семейным теплом.

Мы шли в Зал Присяги. В каждом гномьем доме, особенно в особняках знатных родов, был такой. В нем собирались советы для обсуждения важных вопросов, в нем судили провинившихся, в нем венчали новобрачных.

И я даже не знала, какая из вышеупомянутых повесток разговора меня пугала больше. Это стоило понять, еще когда я увидела дядюшку в роли привратника.

Это значило, что слуг отпустили.

Кажется, изначальный план по непринужденному знакомству провалился еще на подходе.

А такая хорошая была идея! В голове хлопьями пепла осыпалась радостная картинка того, как я захожу в комнату на жилой половине, обнимаю маму и папу, касаюсь кольца на руке деда лбом в положенном приветствии самому старому гному в роду. А потом он обнимает меня мозолистыми руками, и я вновь с головой окунаюсь в знакомый с детства запах металла и камня.

Камень ведь тоже имеет свой запах... для нас, гномов.

Увы.

Дядька Тавир распахнул врата Зала Присяги, мы вошли... и очень захотелось телепортироваться хоть куда-то!

Потому что семейная встреча проходила на самом высшем уровне! На массивном каменном троне в середине сидел мой дед, справа от него стояла мать, а за ней, как чужеземец, – возвышался отец. Несмотря на высокий род, он все же был лепреконом и

исторически не имел даже права голоса на советах. Потому за них обоих говорила мама.

А вокруг... вокруг на каменных лавках которые уходили все выше и выше, сидели гномы моего клана.

– Любезный прием, – тихо хмыкнул Мастер Хин. – Так меня еще не чествовали.

– Это не для вас, – тихо выдохнула я, ощущая, как холодеют пальцы. – И это не чествование.

Дед оглушительно ударил в пол огромным жезлом с навершием в виде зеленой друзы кристаллов и рявкнул:

– Миямилъ Гаилат! Подойди ближе!

– Так... – прерывисто выдохнул Лель. – А ну-ка.

Он хотел меня обойти и очевидно двинуть выяснять отношения с дедулей, но я не могла этого позволить. Вцепилась в его рукав и, просительно заглянув в глаза, попросила:

– Пропусти меня. И молчи, всех богов ради!

– Но Мия...

– Это мой род. И он имеет ко мне претензии. Ответ должна держать тоже я.

Мастер Хин отчетливо скрипнул зубами, но кивнул.

Сжав кулаки, я развернулась, гордо вскинула голову и, чеканя шаг, отправилась по огненному пути. С каждым моим шагом пламя по обе стороны от «дороги» становилось все выше и выше. А родня все ближе и ближе.

Суровое лицо деда, сочувственное отца и неверяще-осуждающее матери.

А потом она перевела взгляд на стоящего за моей спиной мужчину, округлила глаза, и в них я отчетливо увидела ужас узнавания.

– Вы?... Но что вы тут делаете?!

– Лаатера! – рявкнул дед, потому что возглас его дочери был прямым нарушением регламента.

Но моя мать шагнула вперед... и заявила то, чего никто не ожидал:

– Вы же сказали, что вам не нужна моя младшая дочь! Вы отказались от нее! Сдержите слово Мастера!

Глава 17

Лельер Хинсар

Миямиль стояла впереди и по-прежнему сжимала его запястье, безмолвно прося остаться на месте.

Впервые в жизни Мастера Хина решительно задвинула себе за спину хрупкая девушка! Готовая защищать его. Грудью! Всей такой прекрасной грудью, которой, право слово, можно найти лучшее применение.

И ситуация была бы смешной, не будь она настолько грустной.

Судя по всему, его Разделяющую собиралась линчевать консервативная родня.

С частью которой он был знаком. Во всяком случае из памяти всплывали смутные картинки, хотя Лель бы не поручился, что Лаатера *та самая* гномка, если бы она сама его не узнала.

Но мать Мии уже заставил замолчать властный глава рода, который явно изволил гневаться, и в таком состоянии ему что Атрибут, что сам Проклятый Свет не угроза.

Поэтому Мия и попросила его не вмешиваться? Откровенно глупое решение, если честно. Все-таки старый гном в первую очередь обязан быть мудрым, стало быть, если ему напрямую сказать кто есть кто, он не должен переходить на личности.

Пока Хин размышлял, как уместнее всего поступить в такой ситуации, действие разворачивалось.

Дед Мии поднялся, стиснул пальцы на жезле и громоподобно спросил:

– Кого ты привела под крышу родного дома, внучка?

Остальные члены гномьего клана зароптали, и то тут, то там слышалось звяканье оружия о доспехи. На важные заседания бородачи по-прежнему ходят при полном параде?

Но в любом случае фарс пора прекращать. Конечно, дико приятно, что Мия оказалась готова выступить вперед, но погеройствовала – и будет.

Мастер перехватил ладонь девушки и, чарующе улыбнувшись, поднес ее к губам, касаясь ладони поцелуем.

– Все будет хорошо, мое сокровище.

А потом шагнул вперед, и от высокой фигуры Хина во все стороны хлынула Тьма. Первозданная, чистая, древняя... она оплетала фигуры всех, кто сидел на скамьях, и те проваливались в прожженные в пространстве дыры.

А для серьезного разговора ему достаточно только членов семьи своей девушки.

Совсем не так он это знакомство видел, конечно. Вот вообще!

– Кто ты такой? – воинственно выставив бороду вперед, спросил дед Мии, в руках которого словно по волшебству появилась огромная секира. – Я, Гаршар из рода Каменных Столбов, требую ответа, маг!

– С этого и стоило начинать, – насмешливо хмыкнул Лель, уверенно двигаясь вперед и лениво прикидывая – раскалить оружие в руках у почтенного гнома или таки оставить его при железке. – Я – Мастер Хин. Атрибут Малахита и Хранитель Тьмы. И я разочарован оказанным мне приемом, глава рода Каменных Столбов!

Гном отчетливо побледнел. Казалось, даже в бороде поседели оставшиеся темные волосы.

Но не дрогнул, не дрогнул... все же Миямиль действительно хорошо знала своего деда. За подобные слова любой другой Хранитель Стихий, будучи в дурном настроении, мог и убить. А жители Охры, понятное дело, были знакомы только со своими Атрибутами.

– Кто бы ты ни был – нам послали письмо о том, что моя внучка сегодня явится в мой дом с опозорившим ее человеком.

– Надо же, как может интересно трансформироваться новость о визите к родственникам. Уважаемый, кто был отправителем?

– Не знаем. Записка пришла за полчаса до официального письма, – нехотя ответил старый гном и, не глядя на саму Мию, вдруг заявил: – Но я успел созвать род. Моя внучка не останется опозоренной!

– Дедушка-а-а... – простонала Мия, нервно заламывая пальцы. – Да как так? Никто меня не портил!

Ну, допустим, это пока! Да и поцелуи на смотровой площадке для строгих нравов гномов – вполне себе подпадают под определение «девушку испортили».

Вперед выступил отец Мии и мягко предложил:

– Может, нам стоит перейти в жилую часть и поговорить спокойно? Раз все равно остались лишь члены семьи. Кстати, Мастер Хин, надеюсь, все остальные члены рода живы и здоровы? Нас очень впечатлила массовая телепортация, но хотелось бы знать...

– Все хорошо, – коротко ответил Лель. – Их равномерно раскидает в радиусе нескольких километров.

Лица всех присутствующих вытянулись, и Лаатара воскликнула:

– А как же Разлом?! А как же горная порода?!

Судя по панике в глазах гномки, она уже в красках представила, что осталась без сородичей.

– Не переживайте. Я все же достаточно сильный и умелый маг, чтобы не допускать таких оплошностей.

– Хорошо... тогда действительно лучше перейти в место поприятнее.

Судя по лицу мэтра Гаршара, ему хотелось провести беседу в официальной обстановке, но дочь и внучка настолько умоляюще на него глядели, что гному пришлось согласиться.

А пока они выходили из Зала Присяги и двигались по, казалось, бесконечным коридорам, Лельер косился на такую же рыжеволосую, как Мия, гномку и вспоминал... вспоминал.

Несколько лет назад. Дом Лельера Хинсара

Комната ярко освещена. До рези в глазах. Все светильники включены, шторы распахнуты, впуская солнечные лучи, а под потолком летают ослепительно сияющие сферы.

Если притерпеться к освещению, то можно заметить, что в помещении царит жутчайший погром. Притом сначала здесь был просто бардак, с разбросанными вещами, как мужскими, так и женскими, пустыми бутылками и бокалами. Но уже потом кто-то очень сильный бесновался так, что стекла пошли трещинами, мебель разлетелась на части и даже роскошная люстра сейчас валяется на полу в ореоле осколков хрусталя.

Высокий серокожий мужчина, зашедший в апартаменты своего коллеги, поморщился и прикрыл глаза рукой.

Увеличивая дискомфорт, по нервам прошла тягучая, визгливая трель виолончели. Мастер Смерти неодобрительно взглянул на

зависшего в переплетении силовых нитей полуголого блондина.

– Ну, и что это такое? – Он пошел вперед, аккуратно переступая через осколки стекла и прочий мусор.

– Что, Айлар Тис? Тебя раздражает данная приземленная картина? – усмехнулся хозяин дома.

– Меня раздражает то, что Мастер Пытки, вместо того чтобы заниматься делами, вновь с головой уходит в гулянки. Лельер, почему тебя не было на совете у Гудвина?

– А не пойти ли этому совету и нашему Гудвину... – угрюмо проговорил тот, мрачно глядя на Смерть через упавшие на лицо волосы. По тонким губам Пытки пробежала непонятная улыбочка, и по комнате снова полетела тихая мелодия. На сей раз очень красивая.

– Лель, прекрати так себя вести, – проговорил брюнет с раздражением и усталостью. – Я не обязан носиться с тобой, как с мальчишкой, будто у меня других дел нет.

– Не носись, – пожал плечами блондин, и его пальцы с чуть слышным шелестом скользнули вниз по струнам виолончели.

Тис даже поморщился, понимая, какую боль доставляет фениксу игра на струнных инструментах. У этой расы невероятно чувствительные подушечки пальцев.

Одержимость Мастера Пытки начинала серьезно беспокоить.

– Если бы не моя опека, то кое-кого давно казнили бы за превышение служебных полномочий. Что ты вчера сделал с лордом Даригаром?! Тебе же сказали разговаривать, а не превращать его в воющий кусок мяса!

– А разве он что-то не успел сказать? – лениво поинтересовался палач. – Коли так, то теряю квалификацию... мне казалось, что он припомнил даже воровство варенья в детстве у бабушки, не то что планы заговорщиков и список участников предполагаемого переворота.

– Он все сказал, – медленно кивнул Смерть. – Меня больше интересует, зачем ты продолжал с ним потом... работать!

– Поиграть хотелось, – томно откинул голову Лель и тягуче спросил: – А что такого? После того как запретили ловить любого, кто приглянется, я могу только с преступниками повеселиться. Притом с официального разрешения нашего хозяина, а потому отстань, Айлар.

– Ты сам-то понимаешь, куда катишься?

– Я понимаю, что это не твое дело, – мягко улыбнулся блондин, покачивая босой ступней, с которой вниз срывались капли крови. Он, словно только сейчас заметил порез, удивленно посмотрел вниз и пробормотал: – Странно, и где умудрился?

– Оглянись, – едко ответил Смерть, для наглядности разводя руками.

– Ну да, побуянили немного, – медленно кивнул Лельер. – Кстати, я же не один был... и где все? Кажется, музыканты какие-то были и женщины.... Несколько.

– Ты стал на редкость неразборчив, – брезгливо поморщился Айлар Тис. – Значит так, Лельер Хинсар. Это мое последнее слово: или ты берешь себя в руки и перестаешь быть нашей проблемой, или пеняй на себя.

– И что ты мне сделаешь? – неподдельно заинтересовался Пытка. – Нет, это не ирония, мне и правда интересно!

– А я тебя убью, – тихо сказал Смерть, пристально глядя в безумные синие глаза и надеясь, что у ненормального феникса осталась хотя бы крупица инстинкта самосохранения. – Потому, что ты – один из Хранителей стихий, ты – один из восьми самых сильных магов этого мира... и ты проваливаешься в Безумие силы. А с таким диагнозом, мой дорогой шут, устраняют даже наших покровителей. – Мужчина развернулся и пошел на выход, уже в дверях остановился и добавил: – Я сказал.

– Да ты что! – раздалось шипение позади, и по комнате прошла силовая волна, откидывая все к стенкам. – А ты справишься со мной, полукровка?! С фениксом, который прошел преобразование, с последним представителем рода Белых!

– Наверное, тебе повезло, что ты последний, – хмыкнул Смерть, открывая дверь. – Не стыдно. Ни перед кем.

Раздалось рычание, потом вспышка пламени и сиплый клекот. Айлар медленно обернулся и окинул взглядом сверкающую синим огнем большую птицу.

– Ну вот, даже оборот толком не контролируешь. – Он заправил за ухо черную прядь и жестко сказал: – Перестань вести себя как подросток-психопат. Иметь все, что движется, пить, что горит, и упиваться вседозволенностью. Вспомни о роде, тобой упомянутом. Насколько я знаю, Белые слыли самыми сдержанными, самыми

мудрыми и добрыми среди всего вашего проклятого крылатого рода!
Так соответствуй!

Дверь с треском захлопнулась, и по лестнице прогрохотали тяжелые шаги разозленного Мастера Смерти.

Да, его невероятно достал неуравновешенный дурак, известный как Мастер Пытки. Которого ничто не могло удержать в рамках допустимого. Он просто не хотел! Сам дал себе волю!

И не желал загонять зверя обратно, на темную сторону души.

Мрак есть в любом из нас, но нельзя спускать его с поводка.

И Смерть изрядно достало то, что скрывать последствия развлечений сумасбродного коллеги должен именно он. Потому что эта сволочь не желала заниматься даже прямыми обязанностями, не говоря уже о том, чтобы брать ответственность за свои же действия.

Иногда хотелось и правда прибить юнца, и даже сочувствия не осталось.

Несмотря на то, что Смерть был ненамного старше, рядом с этим блондинистым истериком он себя едва ли не стариком ощущал! Прискорбно разумным.

Вышеупомянутый психопат, уже в человеческом виде, сидел на выжженном полу, тупо смотрел на свои руки с невероятно ноющими подушечками пальцев, порезами на ладонях – и, наверное, впервые решил, что стоит что-то поменять.

Потому что, как оказалось, умирать фениксу очень не хотелось.

Да, вот такая неожиданность.

Лель немного растерянно оглянулся и со вздохом встал, мысленно отмечая, что стоит обработать раны и ссадины. Что-то и правда загулялся он.

После душа блондин переделся в свободные штаны, водолазку и в мягких домашних туфлях спустился на первый этаж.

Замерев около одного из зеркал, он пристально осмотрел свое отражение и скривил губы в усмешке. Н-да... следы разгульного образа жизни и на лицо и на лице.

Из немногих увлечений прошлого через смерть вместе с ним прошли лишь некоторые. Лельер очень любил травы, хороший чай и кофе.

Пожалуй, с большим энтузиазмом, чем за жертвой, Пытка мог носиться только по лавкам за новым сортом любимого «сена».

Привычный ритуал заваривания чая немного успокоил и принес Лелю желание... сходить на работу! И даже не в подвалы. Он же, как-никак, глава департамента... кажется.

И даже что-то вершил на этом поприще... тоже кажется.

Дальнейшие недели пролетели как-то очень стремительно.

Заниматься делами оказалось интересно. Новые методы, способы, длительность... и вообще, групповой допрос оказался поистине шикарной вещью! Работаешь с одним, а «поют» все!

Лелю понравилось быть Мастером Пытки.

Но кое-что изменилось одной осенней ночью, когда Мастер вышел на уже традиционную охоту. В его городе завелась какая-то тварь, которая грабила и убивала жителей.

Непорядок! В убийствах по психу и без причины Лель считал себя монополистом!

Ночь... ночь – прекрасное время. Она дает звездное небо для полета, она дает свет луны для глаз, она дарует тьму и тени, в которых можно укрыться.

Больше обычных ночей Лель любил только ночи после грозы.

Ветер наполнял крылья, расшитое звездами темно-синее полотно раскинулось над головой, а темный город с ярким бисером огней лежал внизу. Феникс снизился, паря над кварталами среднего класса, где в последнее время находили трупы, и внимательно оглядывал улицы, прислушивался к звукам.

Чуткий слух уловил женский крик, и гигантская птица стремительно понеслась туда. За несколько десятков метров он приземлился, оборачиваясь в высокого, тощего блондина в белом плаще и, многообещающе оскалившись, двинулся вперед.

Картинка предстала не оптимистичная. Два типа грабительской наружности прижимали к стене плачущую рыжую девушку и, судя по всему, собираясь попользоваться, а потом прибить. В сторонке валялось тело, видать, спутника девушки.

– Ну что, красотка, – оскалился один из подонков. – Будешь хорошей девочкой или нам твоего муженька окончательно нарезать?

– Пустите, – простонала девушка.

Лель только покачал головой. При всем списке его грехов насилия над женщинами там не водилось.

Но времени на размышления и наблюдения не было, потому что мужики стали рвать на рыженькой платье.

– И как вам не стыдно, господа? – вкрадчиво спросил Лельер. – Дама же очевидно против.

Ублюдки повернулись, но стоящего в тени одинокого придурка, который рискнул вмешаться, они не испугались.

Ой как зря.

Хотя... это же люди. У них всегда с самосохранением проблемы были. Даже странно, живут так мало и не ценят им отпущенное.

– А не пойти ли тебе? – сплюнул один мужик. – А то сейчас рядом с этим полутрупом уляжешься.

– Да вы что? – восхитился Пытка и сделал шаг вперед, выходя на освещенный участок мостовой.

Рыжая тихо пискнула, со страхом глядя на него. Узнала? Он подарил ей ласковую улыбку, от которой женщина вообще зажмурилась, и перевел взгляд на бандитов.

А они... не боялись!

Ура! Необразованные попались! Это даже лучше!

Все случилось быстро. Тонкий нож привычно скользнул в ладонь и уже через миг красовался в горле одного грабителя. Тот с хрипом осел на мостовую, а второй, неверяще посмотрев сначала на товарища, а потом на его погано ухмыляющегося блондинистого убийцу, с рыком бросился вперед, обнажая большой клинок.

– Скучно, – поморщился Лель и увернулся, одновременно выбивая у нападающего оружие и впечатывая его в стену.

Мужик мешком свалился на землю.

– Убил? – неверяще поинтересовался у тела Хинсар. – Нет, ну так не интересно!

Мастер наградил так несвоевременно сдохшего бандита пинком и развернулся, собираясь выйти из подворотни.

– Мастер! – настиг его отчаянный крик девушки.

Лель даже опешил, но обернулся.

К нему подбежала совсем маленькая женщина, судя по росту – гномочка, и, заламывая руки, попросила:

– Помогите, мой муж, он ранен...

– Я помочь должен? – снова удивился Хин, потому как спасенные жертвы обычно драпали едва не быстрее преступников.

– Я все отдам, только помогите, – посулила она.

– Да не нужно, – передернул плечами Пытка и вернулся к телу пострадавшего.

Тело его удивило. Оно не было гномом, оно, судя по всему, лепреконом было.

– Это ваш муж?!

– И что? – воинственно спросила его супруга.

И да, молоденькой она не была, уже зрелой дамой скорее. Темнота сыграла злую шутку с определением возраста.

– Ничего. – Лель достал из кармашка камешек телепорта, сдавил, освобождая энергию, задавая координаты городской больницы. – Я сейчас.

Спустя минуту он вернулся с двумя санитарями и носилками, на которые положили лепрекона и занесли в портал. В холле уже ждал врач, который окинул взглядом пострадавшего, осмотрел глубокий порез на шее, колотые раны на груди и животе и сразу сказал:

– Шансы почти на нуле.

Гномка удивила всех.

Она кинулась к Мастеру и встала перед ним на колени.

С настолько неадекватными женщинами господин Хинсар еще не сталкивался.

– Помогите!

– Да чем?!

– Вы палач, – тихо сказала женщина. – Вы самый искусный палач в Малахите. А значит еще и хирург. Прооперируйте моего мужа.

– Да вы с ума сошли, – честно ответил Лельер.

– Нет, – покачала рыжей головой гномка. – Пожалуйста, я вас умоляю...

Пытка несколько секунд смотрел в заплаканные глаза, а потом бросил в сторону:

– Подготовьте операционную.

Гномка только слабо улыбнулась. А когда Лель одними губами сказал: «Я ничего не обещаю», она лишь кивнула.

У него получилось. Руки, которые, казалось, забыли все, кроме того, как причинять боль, вспоминали на ходу.

Лепрекон пережил операцию и в ближайшее время умирать не собирався, хотя состояние, разумеется, все еще было критическое.

Лельер снял маску и перчатки, как был, в белом халате, спустился вниз, где металась рыжая гномка.

Она бросилась к нему и замерла, с безмолвным отчаянием всматриваясь в его лицо.

– Все хорошо, – улыбнулся блондин. – Пока, по крайней мере.

По лицу гномки покатались слезы, и она, всхлипнув, осела в кресло.

– Эм-м-м, – протянул Пытка. – Все же хорошо.

Ничего кроме повтора очевидного факта в его голову сейчас не пришло. Утешать Лельер Хинсар не умел.

– Это я от счастья, – огорошила его рыжая.

– Ну... ладно. – Хин решил принять эту версию как рабочую. Хотя еще никогда не видел, чтобы от счастья плакали настолько горько.

Он опустился в кресло напротив и похлопал себя по карманам, ощущая жгучее желание закурить.

Как-то все очень интересно обернулось.

И ему понравилось.

– Я вам должна, – нарушил его мысли тихий голос.

– Ага, – рассмеялся Пытка и, вспомнив старые сказки, сказал: – Младшую дочку.

– Э-э-э-э... – протянула гномка.

– Не переживайте, – поднялся Хин и пошел на выход, бросив на ходу. – Это была шутка.

Остановился, в красках представив, как через какое-то время ему притаскивают жертвенную девицу в награду за спасение родителей, и, повернувшись, с нажимом добавил:

– Я и правда пошутил. Никаких дочек!

В коридоре Лель отловил первого попавшегося медработника и поинтересовался, где кабинет дежурного врача. Дежурным по удачному совпадению оказался главврач.

Про форму его глаз, когда Мастер появился на пороге, наверное, упоминать не стоит.

Хотя, как оказалось, это был еще не предел!

– Я тут подумал... – Лель щелчком пальцев сбил с рукава невидимую соринку. – И решил, что вы раз в неделю будете предоставлять мне кабинет и подопытны... в смысле больных.

Ведь надо куда-то двигаться. Почему бы не в эту сторону?

Когда-то давно, еще в своем мире, Лельер Хинсар был одним из самых талантливых молодых хирургов.

Глава 18

Миямилъ Гаилат

Я ерзала на каменном диванчике, который был жестким и некомфортным несмотря на все положенные сверху подушки. Напротив сидели мать с отцом, дед расположился в отдельном кресле. А Мастер стоял у окна, то глядя на потрясающую воображение пропасть Разлома, то на нас. Никто не торопился начинать диалог.

Я поглядывала то на мать, то на Мастера, но никто из них не собирался давать объяснение недавно сказанному в Зале Присяги, потому решила, что решать проблемы надо в порядке их очередности. Сначала разобраться с сутью визита, а потом уже с историей знакомства с Лаатерой Гаилат. В процессе которого она ему младшую дочь пообещала!

Дед, судя по всему, уже не гневался, и сейчас напряженно размышлял о том, чем ему аукнется вольное и даже грубое обращение с Атрибутом.

Отец поднялся, пересел ко мне и, обняв за плечи, привлек к себе и коснулся лба поцелуем. Я прерывисто выдохнула и прижалась к нему, ощущая то самое полудетское счастье от того, что большой и сильный папа рядом и спасет от всего на свете.

– У тебя все в порядке? – Судя по взгляду, вскользь брошенному на Мастера, папенька интересовался, все ли у меня в порядке конкретно с этим мужчиной.

– Да, вполне, – повела плечами я. – Собственно мы приехали потому... потому что...

И все. Никак. Почему так сложно озвучить суть нашего визита? Казалось бы, проще простого: вот страшный и ужасный Мастер Пытки, он собирается за мной ухаживать, и мы решили познакомиться с родителями. Ведь нормальный же этап отношений, да?..

Теоретически.

– Надо признать, мы думали, что ты приведешь совсем другого мальчика, – буркнул дед, в отличие от отца прямо и тяжело глядя на Мастера. Намекая, что тот ни разу не мальчик и не сказать, что его рады видеть.

Я втянула голову в плечи.

Оказывается, это очень сложно – отстаивать свои пристрастия. Особенно если учесть, что сама еще не определилась. Это пристрастия вполне понимают, чего они хотят, а я вот...

С другой стороны, а собственно, почему нет? Может, вот он, поворотный момент? Когда нужно наконец-то заканчивать плыть по инерции, подвластной любому подводному течению. Я пришла в отчий дом с Мастером Хином. Я целовалась с ним, я желала его прикосновений, и будем честными – я не хочу, чтобы он уходил из моей жизни.

Потому я выпрямилась, сжала руку отца, благодаря за безмолвную поддержку, и громко сказала:

– Я приехала, чтобы познакомить вас с мужчиной, который мне нравится. И это взаимно.

Фух. Вот и все. И даже не так уж сложно.

Звонящая тишина была мне ответом. Никаких поздравлений, никаких шуточных обещаний от отца и деда оторвать избраннику нужные части тела, если он станет меня обижать. Потому как все были наслышаны о том, что у самого Мастера в данном вопросе есть очень внушительный опыт!

Хин глядел на меня с очень странным выражением в синих глазах. В них подобно подводным течениям переплелись удивление, веселье и некоторая строгость. Словно он был и доволен таким исходом, и одновременно что-то его не устраивало.

Но светловолосый ужас Малахита и сопредельных государств лишь изящно поклонился моим родичам и сообщил:

– Лорд и леди Гаилат. Я рад, что ваша дочь приняла мои ухаживания.

Родители, судя по лицам как раз не сказать, что были особо счастливы. Только дед вдруг, подобно пламени в горне, прогудел:

– Приняла и приняла. Значит, надо отметить!

– В смысле? – с опаской уточнила я, догадываясь, что предок имел в виду, но не веря в то, что он действительно заставит Мастера через это пройти!

Ведь должен же быть какой никакой пиетет? Боязнь и трепетное уважение!

Увы. Старый гном повернулся к Мастеру и хлопнул по столу огромной ладонью.

– Семейный пир! Раз ты притащила в клан мужика, надо его испытать! Ну что, задох... – Дед все же откопал остатки разума и исправился: – То есть ухажер худосочной комплекции. Посмотрим, достоин ли ты лучшей дочери подгорного народа!

Все мы тут лучшие, кстати. Каждую гномью девку отдают замуж с трудом и уверяя женишка, что тому несказанно повезло и право на такое счастье надо заслужить не только в глазах самой девицы, но и ее родни.

Как мой папа эти проверки выдержал – ума не приложу! Особенно если учесть, что как лепрекон он обладал не только доходяжной, по мнению гномов, комплекцией, но и невысоким ростом. У Хина есть хотя бы это преимущество!

* * *

Я давно знала, что мой дед – гном чрезвычайно деятельный и легкий на подъем. Но никогда не думала, что настолько!

Не успела я и слова сказать, как он махнул рукой и велел отвести меня готовиться к пиру. Я даже возмутится не успела, как мама мягко подхватила меня под руку и, что-то воркуя, увлекла за собой.

– Но... – я беспомощно оглянулась на по-прежнему стоящего у окна Мастера Хина.

– Никаких «но», оставим мужчин разбираться, – проворковала маменька, и дверь захлопнулась за нашими спинами. – А ты пока мне расскажешь, где умудрилась откопать главный ужас Малахита.

– Кто бы говорил, – вяло огрызнулась я и, вернувшись к теме, полушепотом спросила: – Дед действительно задумал пир клана? Но зачем?! Я ведь не замуж пока собираюсь!

– В случае с Пыткой, моя дорогая, думать о том, хочешь ты за него замуж или нет, нужно при первых проблесках отношений на горизонте, – с легкой сварливостью, призванной скрывать беспокойство, ответила мама. И со вздохом призналась: – Если честно, я всегда думала, что проблемы нам доставит Амириль. А в итоге непонятно кого домой притащила именно ты!

Я нервно закусила губу, понимая, что мать права.

На что я рассчитывала, когда представляла Хина как человека, который мне нравится? Что родня многозначительно протянет «а-а-а»

и позовет выпить чаю, а после благословительным пинком отправит обратно в Малахит?

Дед – гном старой закалки. В его жилах течет расплавленная руда горных глубин и пламя магмы. При всей пластичности раскаленных горных пород – меняют свое русло они крайне редко.

Стало быть, попытка отпугнуть Хина знакомством с родней и то, что я не смогла вовремя дать задний ход... Это просто заманило меня в мою же ловушку.

Проклятый Свет, почему так сложно придерживаться своих же решений и брать ответственность за поступки? Вот, кажется, что случится от парочки необдуманных действий? Подумаешь, исправим!

Ага, как же...

Бац, и я почти замужем.

Вдох и выдох. Ладно, глупая лепрегомка, имей смелость хотя бы следовать выбранной тактике поведения.

Пока я переживала приступ внутренней паники, матушка уже успела протащить меня по коридорам, завела в женскую половину и, стоило закрыть двери, так крепко стиснула меня в объятиях, что на какой-то миг перехватило дыхание.

– Мама...

– Прости. – Она отстранилась, беспокойными руками погладила меня по волосам, плечам и с тревогой спросила: – Ты точно этого хочешь? Я ощущаю твой страх, дочка. Если ты не уверена, то я придумаю, что сделать... придумаю, что наш клан может посулить Мастеру Хину.

– Ничего не надо, – твердо ответила я. – Я действительно хочу попробовать... покорить эту вершину. Я же всегда была весьма инертна, мам. Я не рисковала, я шла по проторенной дорожке, а также избегала ярких эмоций и четких решений.

– И палач из Малахита станет твоим первым самостоятельным решением? – с отчетливым скепсисом спросила Лаатера Гаилат, прищурился такие же зеленые, как и у меня, глаза. – Мия, ты хоть знаешь, скольких он убил?! И по работе, и для удовольствия. Поверь, слухи на пустом месте не появляются!

В таком изложении звучало не очень, конечно.

– Нет, мам, моим самостоятельным решением станет выбор мужчины. Кем бы он ни был, я стану узнавать его сама.

– Дурочка, – ласково протянула мама. – Какая же дурочка. Всем молодым девушкам не хочется слушать окружающих. И кажется, что главное то, каким мужчина будет с тобой. Но стоит понять, что тот, кто причинил вред одной женщине, не остановится на этом! Я благодарна Мастеру за спасение, но рассчитывать с ним кровью своих детей не собираюсь!

Ее слова падали камнями на водную гладь озера моей души и запускали резонанс. Круги расходились все дальше и дальше, с каждым кругом становясь шире и поднимая со дна муть недавних сомнений.

– Мама... – Я потянулась к ней, согревая в руках ледяные пальцы. Она действительно очень за меня боялась. – В каждом из нас есть светлая и темная сторона. Во время некоторых жизненных этапов превалирует что-то одно, и это нормально. Но сейчас, в этот день, я хочу слышать о светлых сторонах Мастера Хина. Я не буду закрывать глаза на тьму. Но про нее ты расскажешь мне после, хорошо?

Лаатара слабо улыбнулась, прижала меня к себе и со вздохом проговорила:

– Хорошо.

И увлекла меня в соседнюю комнату, где в отдельном шкафу давным-давно ждало своего часа одеяние.

В роду от женщины к женщине передаются не только скалка и сковородка, которые для каждой индивидуальны, но и наряды.

Три.

Первый – для знакомства с женихом. Его надевают на традиционный ужин, когда родня испытывает выбор невесты.

Второй – для испытания от жениха и его клана.

Третий – уже подвенечный. В нем выходила замуж моя мать, моя бабка и множество женщин нашей семьи. В нем выйду я и Амириль, если стихии будут благоволить нам. И наши дочери, когда придет время.

Я коснулась холодного металла железного нагрудника. В зазеркалье отражалась настоящая гномка! Только остроухая. Две толстые рыжие косы по обе стороны от пышной груди, закованной в железный панцирь, плотная юбка из мягкой кожи с мифриловыми нашивками и сковородка в руках!

Это было так необыкновенно. Словно из зеркала смотрело не только мое отражение. Словно из черт лица проглядывали все, кто глядел в это зеркало ДО меня. Блеск рыжих волос, столь ослепительных в свете кристальных светильников, белая кожа, крутой изгиб между талией и бедром, небрежный хват, пожалуй, слишком тонких пальцев на ручке сковороды...

– Ты прекрасна! – умильно сказала мама, и поправила мои волосы. – И как на меня похожа. Муж прослезится! Если он что-то и помнит с первого вечера, так это меня!

– Все остальное затмила твоя подгорная краса?

– А? – чуть рассеянно переспросила мама, завязывая на кончики моих кос шипастые кольца. – Нет, просто потом его твой дед споил. Гномий первач – это не лепреконское винишко.

О таких интригующих подробностях папиного знакомства с родителями мамы я не слышала!

– А дальше что?

– А дальше они отправились громить соседний квартал с конкурентами деда. И преуспели. – Мама воровато оглянулась и добавила: – Хотя мне кажется, что те просто не ожидали такой наглости от лепрекона. А еще он был послом, так что дипломатическая неприкосновенность мешала набить морду, да. В этом у них с Хином есть нечто общее!

– Дипломатическая неприкосновенность?

– Опаска даже пытаться набить им морду. – Мама вновь мной залюбовалась, и проговорила: – Все же тебе эта одежда подходит гораздо больше, чем Амириль.

– Думаю, что, как придет время, сестренка воспользуется скорее одеяниями лепреконов. Оно больше подходит не только к ее внешности, но и к сути, – хмыкнула в ответ я. – Все, пойдём! А то мне страшно представить, что именно там будет.

– Не переживай, пообщаются, и все.

Угу... судя по тому, что рассказывали, родня девушки должна попробовать гостя «на зубок» и убедиться, достоин ли он ее. И проверки могли быть самыми разными! Зависит от фантазии клана. А дед всегда был тот еще затейник!

В общем, пока мы шли по коридорам в сторону малого пиршественного зала, я с каждым шагом громыхала доспехами и

успела осознать сразу несколько вещей.

Во-первых, отстаивать свое мнение – очень уж муторное занятие, которое одним пинком выбивает тебя из зоны комфорта.

Во-вторых, церемониальные одежды моего народа – это нечто. Очень сложно величественно идти и не брэнчать сковородкой о нашлепки.

В-третьих, мне кажется, в традициях подготовки гномьей девы упустили такую важную часть, как дегустация ею первача! Вот я практически уверена, что если бы немного хлебнула, то громыхать доспехами было бы гораздо веселее!

Дом у деда был здоровенный, и коридоры уходили далеко вглубь скалы. Где-то там жили простые работники клана и слуги. Мерилом достатка и статуса в гномьем обществе было не только личное состояние каждой семьи, но и жилплощадь с видом на Разлом. Впрочем, любые окна, пусть даже и на подземные улочки, расценивались как привилегия.

Малый пиршественный зал не призван впечатлять гостей, потому был небольшим и уютным, а не холодным и величественным.

У дальней стены стоял огромный камин, и в нем по раскаленным камням бегали маленькие саламандры.

Я тотчас вспомнила о Джаре и сделала себе мысленную зарубку: спросить у Леля, как так получилось, что его рептилия разумная. В горах гномов саламандры живут в жарких глубинах среди пламенеющей породы, но за века мы их... прикормили. Ведь не камнями они питаются. По крайней мере не только ими.

Пока я размышляла, на меня обратились взгляды всех присутствующих. Дед зря времени не терял и согнал всех ближайших родственников, потому за столом сидело десятка полтора гномов и гномок. В тягостном молчании.

Во главе стола находился одинокий Хин, соседнее кресло пустовало, дожидаясь меня.

Судя по нейтральному выражению лица и легкой иронии в синих глазах, если дед и пытался морально надавить с помощью тишины за столом, то у него ничего не вышло.

Неловко звякнули столовые приборы, когда глава клана поднялся из-за стола.

– Мы собрались здесь по радостному поводу, – очень печально заявил дедуля, которому мне чем дальше, тем больше хотелось совершенно непочтительно треснуть промеж рогов внушительного шлема. Такого же церемониального, как мой бронелифчик!

Остальные гномы, подтверждая, что и они сами, и повод встречи действительно радостные дальше некуда, несколько раз громыхнули кубками о нагрудники.

Окинув сборище беглым взглядом, я насчитала несколько своих дядек и парочку двоюродных дедушек. Ну и, само собой, их сестер, жен и дочерей. Гномки спокойно сидели, не притрагиваясь к выпивке, и я видела в этом дурной знак. Пока не начнут пить за столом гномьи женщины – смотрины признаны неудачными.

Мужчины у нас гневливые, но градус в крови играет малую роль, пока за спиной воина стоит его совершенно трезвая супруга или мать. Потому если гномка пригубила алкоголь – значит расслабилась и признала, что контролировать, а главное, направлять ярость своих мужчин сегодня ей не придется.

На Мастера представительницы прекрасного пола смотрели с опаской и здоровым скепсисом.

Лельер Хинсар. За несколько минут до появления Миямиль

Надо сказать, что Мастер Хин искренне считал, что он видел в своей жизни если не все, то очень много.

В том числе в дипломатической отрасли. Конечно, ею, скорее, развлекался шут Лель, которому в целом было много позволено, но все же.

Он впервые оказался в ситуации, где его мало того, что откровенно не одобряли, что не новость, так еще и нельзя решить вопрос своими обычными методами.

Раньше как было? Там запугал, тут поугрожал – и красота. А Миямиль вряд ли обрадуется, если он разгонит остатки клана и силком вытрясет из почтенных бородатых разрешение на брак. Вдобавок традиции есть традиции и глупо откровенно ими пренебрегать.

Но пока Мия не пришла, уважаемое сборище, конечно, развлекалось как могло!

Особенно отличалась троюродная бабка Миямилъ. Единственный глаз Эрры Гранитный Столб глядел напористо и вызывающе.

– Все же, Гаршар, порченное твое племя, – проскрежетала старуха, выразительно отодвигая от себя кубок. – Как пошла Лаатера кривой тропинкой, связавшись с лепреконом, так и завертелось все. Чистая горная порода крови нашего клана смешивается! А ты сам знаешь, что металлам с примесями – грош цена на рынке.

Гном-привратник, которого Мия называла дядюшкой Тавиром, осуждающе покосился на лепрекона и весомо добавил:

– И на рынке грош цена, и месторождение, откуда порченная руда, перестают уважать.

Так... кажется, смотрины перерастают в список претензий. Притом даже не Хину конкретно, он вторая ласточка. Интересно, мэтру клана часто припоминают его непутевую дочь? И насколько это пошатнуло авторитет?

– Вливание чистой гномьей крови еще могло бы все исправить, но ты вместо того, чтобы поставить своих девок на место, – потакаешь им! – продолжала Эрра.

– Молчи, Эрра! Вся твоя мудрость не помогла сохранить и приумножить численность Гранитных! – рявкнул в ответ Гаршар. – И сейчас ты как старая стервятница, не оставившая потомства, смотришь и завидуешь. Временами мудрость превращается в слепоту! Я смотрю, для тебя этот час почти настал.

Лельер лишь мысленно хмыкнул, оценив смелость мэтра. В гномьем народе считалось, что мудрость приходит к живому существу после определенного возраста и идет рука об руку или со старостью, или с заслугами. Самые древние сидели за одним столом с главой клана и имели право «громкого голоса». Судя по всему, Эрра была из таких, и только что ее авторитет поставили под сомнение.

Лель решил вмешаться.

– Да будет мне дозволено говорить? – Он уважительно склонил голову в сторону мэтра Гаршара, и тот, хмыкнув в бороду, кивнул. – Так вот, временами смешение крови не во вред, а во благо.

Старуха лишь хрипло рассмеялась и ответила:

– Кто ты, мальчик? Человек? И думаешь, что магические способности возвеличили тебя над всеми?

– Я феникс, – мягко пояснил Лельер. – Но в вашем мире нет такого народа.

– Ага... Хранитель, стало быть, – пожевала губу старая гномка. – Дитя чужого мира, которым наш затыкает свои дыры. И берешь девочку нашего клана, чтобы залечить свою потрепанную таким обращением душу. Я видела Мию. В отличие от своей сестрицы, она действительно славная. Чистая горная порода. Ты знаешь, маг, что бывает, если на новую монету положить грязную, изъеденную коррозией, и оставить их в той же среде?

Кончики пальцев похолодели, от дурного предчувствия, а в душе, наоборот, поднялась ярость. Он нутром почувствовал, что рыжую девочку хотят отобрать. Не желают отдавать добром.

И огромных трудов стоило выплюнуть из себя:

– Расскажите. Мне кажется, вы хотите именно этого.

– Хочу. – Эрра усмехнулась и, протянув руку, наколола на маленький кинжал кусок копченого мяса. Сняла с лезвия оставшимися тремя зубами и, медленно жуя, сообщила: – Новая монета весьма быстро превратится в подобие старой. О тебе ходит много откровенно дрянных слухов, Мастер Питки. И они соответствуют истине, не так ли? Злой, искореженный, безумный. И ты просишь у нас Миямиль?

– Временами, почтенная Эрра, металл может быть испачкан лишь снаружи. И кому, как не вам, знать, что любую заразу с меча можно вывести, если вновь провести его через горнило кузницы. Сталь родится заново.

– Для этого нужно умереть, – хрипло рассмеялась гномка, но ее глубоко посаженные глаза сощурились еще больше, превращаясь в щелки.

– Я феникс. Я умирал. Моя душа уже прошла жар смерти и родилась вновь. – Мастер говорил тихо, но его слова походили на камни, что бросают в воду. И вода расходилась, поднимая волну и меняя мнения окружающих. – Я достоин вашей светлой девы, мудрецы клана Каменных Столбов. А еще я Хранитель Тьмы. И вы знаете, что это обозначает.

Гномы повели плечами, но Лель понял, что слова упали в благодатную почву. Если клан будет под покровительством одного из воплощений Стихий, то это сулит немало преференций. Конечно, он не местный Атрибут, но в любом случае лучше, чем ничего.

А еще... обычно Хранители не женятся. По крайней мере так, чтобы официально и все про это знали. Не зря же существует вторая жизнь и второй образ. Как раз для спокойствия.

Лельер заранее не оставил малышке Мие выбора. Ей придется стать спутницей Атрибута, и никак иначе. Тихой жизни в тени не получится.

Именно в этот момент, ставя точку в разговоре, огромные двери, украшенные каменными изразцами, распахнулись, и на пороге появились две женские фигурки.

И Лель ослеп. В голове стало пусто и звонко, и все в этом мире перестало иметь значение.

Все, кроме его совсем не хрупкой девочки, которая решительно шагала вперед, сжав пальцы на ритуальной сковороде. Настолько прекрасная, что Лель готов был подставить голову под эту тяжелую, но изящную руку. Метафорически, конечно, но все же!

Миямиль выглядела как девушка, которая знает, чего хочет, и будет за это биться. Настоящая гномка. Настоящая женщина.

Его. Его рыжее сокровище.

В этот момент Мастер Хин, в чьей душе по-прежнему жил поломанный шут, понял, что игра в привязанность вышла за рамки.

В его возрасте и с его жизненным опытом глупо верить в любовь с первого и даже со второго взгляда. Есть интерес, есть привязанности, есть сделанный выбор.

Но после горького и болезненного опыта с Серебряной Госпожой очень трудно открыть сердце. Некогда оно пряталось лишь за тонкой дверцей, но ту безжалостно выкорчевали ломом, а после запустили в незащитно трепещущий комочек все десять острых как бритва ногтей.

На красивых таких пальчиках.

Мия была иной. И эта непохожесть выжигала в нем все плохое.

Словно он всегда ошибался, и горнилом кузницы была не смерть.

А любовь.

Глава 19

Миямилъ Гаилат

Меня усадили рядом с невозмутимым Мастером. Хин подарил мне улыбку и ободряюще сжал мою ладонь, несмотря на возмущенный взгляд пары гномок. Да-да, трогать пока нельзя.

Я отняла пальцы, послав Лелю извиняющийся взгляд. Не мы такие, обычаи такие!

Тут встала старая Эрра и очень всех удивила. Она пододвинула к себе кубок, наполнила его горячим красным вином из ближайшего кувшина, и с прищуром глядя на Мастера, проговорила:

– Атрибут Стихий в роду – это почетно. Ты войдешь в наш род, Мастер Пытки?

– Боюсь, то, что я Атрибут, подразумевает, что я также подданный другого государства, – усмехнулся Хин. – Но в любом случае мои драгоценные родственники, конечно же, будут иметь разумные преференции при выходе на рынок Малахита. Вас же это интересовало, уважаемая Эрра?

Я возмущенно уставилась на бабу. Это что, они меня продают?!

– Не гневись, Миямилъ Гаилат, – старая гномка погрозила мне узловатым пальцем. – Доброго гнома при сватовстве мы спрашиваем: глубоки ли шахты у его рода, и на какой линии от Разлома находится дом, в который он приведет молодую жену. Что мне спрашивать у Пытки? Добросовестно ли он мучит государственных преступников?

– Эрра, ну это действительно уже перегиб! – не удержалась моя мать.

– А ты бы вообще молчала, Лаатера! – рявкнула на нее гномка. – Лаатера-алмаз, так тебя называли! Драгоценность Каменных Столбов, к которой сватались все видные холостяки Охры! А что в итоге? Замужество редкостной бесполезности! Даже сына не родила! Одни девки... потому надо грамотно их пристроить.

«С паршивой овцы хоть шерсти клок» не прозвучало, но подразумевалось.

Я покосилась на мать и отца. Мама практически дымилась от ярости, и пламенеющие в полумраке волосы лишь усиливали это

впечатление. Отца же было по человечески жаль. В клан он не входил, и стало быть присутствовать на сватовстве право имел, как мой родитель... а вот права голоса это ему не давало.

Как впрочем и матушке. Никто из них не подходил под характеристики «старые и мудрые».

– Хватит трещать как горные сквалыги, – пробурчал дед. – Сейчас о другом речь. Жениха надо испытать. Как прикажете испытывать Мастера?

Все дружно посмотрели на упомянутого. Тот вежливо улыбнулся. Эрра, не сводя взгляда, залпом выпила свой кубок, и крикнув, сказала:

– Хорош, прог-то... налейте Мастеру. Проверим так ли он хил, как выглядит!

Судя по тому, что вежливая улыбка Хина превратилась в радостный оскал, он не сомневался в том, что за данным столом не найдется никого, кто мог бы его перепить. Интересно, откуда у Мастера такой богатый алкогольный опыт?!

Перед внутренним взором мигом возникли картины того, как он спиртом дезинцирует себя изнутри, а подозреваемых снаружи. Хотя зачем такой сервис в дознавательской? Сомневаюсь, что перед палачом стоит задача максимально аккуратно разговорить, а потом также бережно заштопать назад.

Вообще эта сторона жизни моего избранника до поры до времени в основном мною игнорировалась. Потому, вспомнив ее в такой момент, мне стоило немалых трудов не поддаться панике и не заорать, что я передумала жениться. И замуж выходить тоже передумала!

Стихии, как вообще так получилось? Ведь смотрины не дают статуса жениха, почему нас уже едва ли не браком сочетали?

Или просто драгоценные родственнички понимают побольше меня? И уверены, что если такой мужчина как Атрибут Малахита пришел свататься, то ему нельзя будет сказать: «спасибо, вы нам очень симпатичны, о результатах собеседования сообщим позже». Особенно если учесть, что я сама громко сообщила, что он мне нравится.

Было жутковато.

Почему я не послушалась сестру?! Она же предупреждала! Как в воду глядела!

Пока я внутренне страдала, за столом повысился градус веселья. Гномий прог быстро сбивает с серьезного настроения! Потому когда мне

подлили чего-то прозрачного как слеза, пахнувшего хвоей и влажным гранитом, я лишь на выдохе опрокинула стопочку.

После зажевала кусочком сала со вкусной розовой прослойкой и ощутила, что жизнь неуклонно становится краше.

Коварный Мастер Хин сжал мои пальцы и жарко шепнул на ухо:

– Я вижу, что тебе страшно. Потому знай, в любом случае это и близко не брак. У тебя есть возможность передумать.

Угу, как же.

Почему коварный? Потому что сказал это ПОСЛЕ того, как я выпила. Стало быть слова упали в благодатную почву, и я действительно успокоилась.

Тем временем дед настойчиво спаивал моего избранника. Я проводила задумчивым взглядом уже третий кубок с первачом.

– Твой отец отправился громить конкурентов после четвертого, – наклонилась ко мне сидящая по другую руку матушка. – Ой что будет!

Собственно дед встал и заявил, что они с дорогим гостем посоветовались и выявили испытания достойные Мастера.

– Итак, значицца... для начала нужно показать, что жених Мии могуч телом! Для этого нужно выпить семь мер отборного первача. Не закусывая!

Все одобрительно загудели и застучали по столам кубками, а я ощутила, как снова поднял голову зверек по имени паника. Семь мер! Семь! Они же отравят мне Мастера! Или того хуже, он сам пьяный пойдет гулять и где-то убьется, а потом Охре предъявят такие претензии, что горы вздрогнут!

– Второе – испытание силы! Сразу после семи мер самогона мы отправимся в нижние штольни. Там давно что-то воет, да бухает! Вот и посмотрим, а то эта хтонь уже два отряда охотников извела.

И потому он решил возглавить третий?! А надраться во имя того, чтобы доставить твари хотя бы какие-то неприятности. Интересно если сожрать пьяных гномов, то утром будет похмелье?

Так!

– Дед! – я вскочила, но возмутиться не успела, потому что Мастер мягко потянул меня вниз, и стоило посмотреть в синие глаза, сказал:

– Все будет хорошо. Ты мне веришь?

Несколько мгновений я вглядывалась в переливы цветов. В этих глазах было все, от океанских глубин и самых глубоких болотных

омутов до лазури небес.

– Верю.

И села.

И зря, кстати, так как дед озвучил третье!

– Последним испытанием станет ночь в одних покоях с нашей девицей. Испытание духа! – Гаршар повернулся к Мастеру, с размаху хлопнул того по плечу и расхохотался. – Девку портить нельзя! Замуж потом конечно, отдадим, но уважать тебя перестанем!

Занавес.

– А меня никто спросить не хочет?

– А мы тебя спрашивали. Ты сказала, что он тебе нравится.

Проклятый Свет!

Что там Хин говорил? «Это и близко не брак». А как тогда это непотребство называется?!

Лельер Хинсар

Гномы Лелю понравились!

Притом на всех уровнях психического восприятия. От бородатых родственником Мии был в восторге как сам Мастер, так и ненормальный шут в глубинах разума. Особенно последний, о да.

Возможно потому, что с каждой новой чашей самогона шут становился все ближе к поверхности.

В связи с этим хотелось приключений. А также алкоголя, табака и женщину! Можно в любой последовательности.

Особенно радовало то, что в целом именно такую программу ему и предлагали!

Мия сидела рядом и краснела. Притом, судя по всему, не от смущения, а от злости. Это влекло еще больше, так и хотелось притянуть малышку к себе, распустить медные косы и впиться в алые губки поцелуем. Не таким нежным и ласковым как тот, что он позволил себе над Разломом.

Другим. Жестким, страстным, давая волю губам и рукам, позволяя им путешествовать по изгибам девичьего тела.

Заглянув сначала в декольте Мии, а после в свой бокал, Лельер понял, что вслед за шутком проснулся и поэт. Потому что эти упругие полушария хотелось называть как-то возвышенно и красиво. А раньше

он обходился банальным и понятным термином, который звучал куда более грубо.

Взгляд снова утонул в... чудесных зеленых глазах Миямиль. Попробовал бы он утонуть где-то еще под пристальным наблюдением отца девушки. Да и дед, несмотря на то, что выпил больше всех за столом, покосился на женишка крайне неодобрительно.

Лепреконе же вообще глядел на него настолько нехорошо, что Хин мигом вспомнил, что эта раса всегда очень неплохо разбиралась в химии. А точнее в ее органическом разделе.

Интересно, настолько реально отравить Хранителя стихии?

После изрядно нетрезвый взор грозы половины Малахита и всего Изумрудного города, остановился на нежно поглаживаемой сковородке, которую не выпускала из миниатюрных рук Лаатера.

Кажется давнее спасение мужа не являлось индульгенцией на домогательства к дочери. А жаль!

– Мэтр Гаршар, – Лель счел за благо обратиться к главе клана и выразить свою готовность к подвигам. – Вы что-то говорили о монстре, который тревожит горные глубины. Почему бы нам не отправиться прямо сейчас?

Лаатера хмыкнула, и коснувшись локтя мужа, шепнула:

– Ты отправился громить конкурентов, выпив побольше. А еще говорят, что из-за частого контакта со спиртом хирурги более устойчивы к алкоголю! Бессовестно врут.

Лепреконе немного расслабился и, приобняв жену за талию, ответил:

– Он же по основному профилю палач. Так что вполне может быть и слабоват!

ТАК шута Гудвина еще не оскорбляли!

Потому, когда глава клана Каменных Столбов заявил, что положенные семь чаш еще не осушены, вдобавок не будем забывать о жесте уважения к хозяевам(еще парочке минимум) – Лель не возражал.

Примерно после девятого бокала невесть куда исчезла Мия и ее мать, а сам Лель дискутировал с отцом Мии о том, какие именно мази лучше использовать для заживления ран. Кто сказал, что исцеление не может быть пыткой? Особенно если не обезболить, а лишь обострять чувствительность. Очень удобно – сначала калечишь, потом лечишь, а

«поет» государственный преступник одинаково эффективно от обоих процессов!

А дальше все происходящее слилось в череду ярких образов. Некоторые из них пролетали настолько стремительно, что Хин даже не мог упомянуть суть картинок, а другие запоминались неестественно детализировано.

Например он четко запомнил какие именно барельефы украшают арки мостов переброшенных через Разлом, но в упор не различал гномов, что решили отправиться вместе с ним в глубины гор. Бородатые и такие же пьяные рожи слились в одну сплошную череду. Периодически среди них мелькала старая Эрра, и данный факт всегда очень удивлял Лельера.

– А вы... зачем? – все же смог сформулировать мысль Лель, с трудом сфокусировавшись на лице ускользающей старухи.

– Затем, – противненько захихикала низкорослая бабка и, подняв руку, поддержала высоченного Мастера под локоток. – Вот ты, милоч, как думаешь почему некоторые живут долго, а другие сгорают еще в начале своей старости?

– И?

– Жить нужно интересно, сколько бы тебе ни было лет! А такие развлечения пропускать... да я даже с отказавшими ногами все равно с вами бы отправилась. Внуки бы и понесли!

– Там же эта... как ее... страшная хтонь! – наконец-то вспомнил Пытка и нравоучительно добавил. – Опасно же, бабушка. Остальные воины и привычны ожидать смерти.

– А я в мои двести пятьдесят не привычна, что ли? – ворчливо спросила старуха. – Поверь, беленький, мы уже лет тридцать с ней регулярно приветствуем друг друга. Но в последний путь пока не зовет, и то хорошо... успею посмотреть на хтонь.

Последнее слово Эрра произнесла со старческим, дребезжащим подхихикиванием. Лель попытался сосредоточиться на глазах старой женщины и на какой-то миг даже замер, трезвея.

Со сморщенного лица, исперещренного морщинами как камень трещинами, на него смотрели яркие, как отборные сапфиры, голубые глаза. В них действительно было настолько много жизни, что это резонансом отдавалось где-то в груди.

– Пришли! – отвлек его от общения с Эррой глава клана.

– К-к-куда?

– К спуску. Мастер, признавайся, ты любишь скорость?

Лельер лишь хмыкнул, потому как еще не родилось феникса, что не любил бы высоту и скорость. Эти понятия являлись синонимами слова «небо». И птице без них не жить, даже если она до поры заперта в человеческом теле.

Оказалось, гном не просто так интересовался!

– Видишь ли белый, дело в том, что из-за этой тварюки у нас не работают подъемники. Потому мы будем спускаться на вагонетках! А это быстро!

– П-п-прекрасно, – поперхнулся бывший шут, который начало приключения представлял себе совсем иначе.

Все же когда представляешь эпическое сражение с хтонью, то видится как ты героически к ней идешь, а не летишь вперед собственного вопля. А орать Мастер будет!

Кто вообще в здравом уме откажется от возможности душевно поорать, если есть уважительная причина для этого действия?

– А вот и транспорт!

Ему торжественно указали на небольшую вагонетку. В другие такие же влезали по три гнома в полной амуниции. Бряцали топоры, звякали взятые с собой бутылки с первачом, звучал раскатистый смех.

Неведомое чудище было заранее жалко. Для него все в любом случае закончится плохо. Или порубят на неаккуратные кусочки или после сожранных гномов монстра накроет неизбежное похмелье.

Рядом снова появилась Эрра, очень проворно для своего возраста влезла в тележку и, расположившись, махнула рукой:

– Залезай, малахитский убивец!

– С вами? – у Мастера были некоторые сомнения в том, что он поместится. Длинные ноги – это не всегда добро!

– Со мной, со мной, проказник! Только чур вести себя прилично! – и снова улыбка во все три зуба от пожилой гномьей красотки. – Ты бы знал, как за меня по молодости сражались!

– Вы и сейчас... производите впечатление, – тактично высказался Лель и все же погрузился в вагонетку.

– Господин Хин, вы бы ноги убрали и пригнулись, – посоветовал проходящий мимо гном. – Туннели узкие, можете доехать либо без ног, либо без головы.

Наиболее компактно сложившись и максимально отодвинувшись от грозы всех холостых мужчин столетней давности, Мастер Пытки выразил свою готовность ехать убивать хтонь.

– Будешь? – щедро сунул ему бутылку сидящий в следующей тележке глава клана Мии.

Лель с благодарностью принял, залпом допил и, прижав бутылку к груди, рванул навстречу приключениям.

Надо сказать, что следующие несколько минут показались ему бесконечными!

И да, тут действительно можно было с чистой совестью орать! Вагонетка неслась вниз, периодически подскакивая и закладывая лихие виражи. Они то ехали по узким пещерам, то вылетали на свободные пространства. То справа, то слева мелькали пропасти, глубиной которых Лельер просто не успевал впечатлиться, а над головой полыхало всеми цветами подземное «небо». Огненный мох, безумно редкий и дорогой. Подземный народ практически не экспортировал его, целиком используя для собственных нужд.

– Мать моя! Почему я раньше не каталась?! – восторженно орала впереди Эрра, подаваясь вперед. Лель аккуратно придержал бабульку за подол платья, опасаясь, что чересчур восторженная старушка вывалится на очередном крутом вираже.

Наконец ход замедлился, и спустя несколько минут они остановились посреди огромной, тускло освещенной пещеры.

– Шалун, – дребезжащим голосом хихикнула Эрра, хлопнув Мастера по рукам, все еще сжимающим ее одежду. – Отпусти уже бабушку.

– Да-да, конечно, – руки стремительно отдернулись. – Вам помочь вылезти?

Получив высочайшее согласие и вытащив бабку из вагонетки, протрезвевший после такого заезда Хин, повернулся к главе клана.

– Мэтр, где оно обычно нападает?

– Да когда как, – пожал плечами гном, поправляя доспех. – Началось все в дальних штольнях, но последний раз тварь сожрала всю бригаду горняков непосредственно во время погрузки руды.

– Ее кто-то видел?

– Из тех, кто непосредственно лицезрели – выживших нет, – покачал головой гном и дернул себя за бороду, выдавая волнение. – За

все время сотню добрых гномов порешила, гадина. Пришлось закрыть эту шахту, так во второй начались эти... звуки.

– Какие? – насторожился Мастер.

Ответ пришел вовсе не от мэтра-гнома, а откуда-то из темноты коридоров. Притом сначала раздалась громкая ругань, и бабка Эрра ехидно поинтересовалась, не про эти ли звуки говорил ее родич. Дед Мии только недовольно посмотрел на старуху, но ничего не ответил.

Строй подземных воинов оцетинился секирами.

Магические светильники полыхнули нестерпимо ярко, и некоторые из них швырнули вперед, выхватывая из объятий тьмы высокую фигуру. Которая на неведомого зверя совсем не походила.

Более того, она повторно споткнулась, и заслонив лицо рукавом, гневно рявкнула:

– Потушите свет, идиоты!

Сверкающие сферы послушно сбавили накал, а мэтр Гаршар с ноткой недоверия в голосе спросил:

– Эм... Хранитель?

– Хранитель! – с издевкой согласился вышедший в главную пещеру Морриган Сталь.

С десятков секунд все смущенно молчали. Даже почтенная Эрра не спешила спасти ситуацию и разрядить обстановку, наоборот, отступила за спины мужчин.

В это время Морриган отряхнул темную, но сейчас покрытую пылью одежду, и выпрямившись, с отчетливо ругательными интонациями, спросил:

– Какого демона вы тут забыли? – а после перевел жесткий взгляд на Пытку, и понизив голос, свистящим шепотом уточнил. – И главное, что ТЫ тут забыл?

Лель переглянулся с дедом Мии, но сказать они ничего не успели, ушла старушенция просочилась вперед и скрипучим голосом поведала:

– Так жениха внучкиного испытываем, ваша милость!

Мор удивленно изогнул бровь и обвел все гномье воинство изучающим взглядом.

– И где он? Насколько я помню старейшины очень трепетно относятся к обрядам. В общем, не вижу вашего национального костюма! А также у меня огромный вопрос... неужели так внучку

замуж выдавать не хотите, что в качестве испытания притащили его на ужин подземной тварине?

Эрра вновь открыла рот, и сверкнув последними зубами, уже решила было продолжать нести истину в массы, но Мастер осознал, что пора перехватывать инициативу.

– Я жених, Мор.

– То есть все настолько серьезно?

В голосе Стали было столько едкой иронии, а во взгляде просто море снисходительного недоумения, что по жилам Мастера Пытки вместе с кровью потекла практически позабытая ярость.

Но вырвалась лишь холодной фразой:

– Представь себе.

– Лель, не пойми неправильно, я за тебя рад, – хмыкнул в ответ Сталь, позволяя улыбочке расплыться по красивым губам. – Но если учитывать мою осведомленность, то сам факт того, что ты решил ограничиться одной женщиной выглядит невероятно!

Лельер уже думал было ответить что-то философское на тему остепенения, как в их диалог вновь ворвался двухсотлетний неустрашимый соблазн всех гномов по имени Эрра.

– То есть вы таки хотите сказать, что на него еще и очередь желающих стояла?! Никогда бы не подумала!

Мэтр Гаршар страдальчески закусил бороду и судя по всему всерьез прикидывал, нельзя ли этой же бородой заткнуть слишком болтливую родственницу.

Лельер лишь вздохнул, но решил, что не хочет пояснять сначала гномам за свою востребованность, а после Хранителю Охры за серьезность намерений. А потому сменил тему:

– Ты искал в каменоломнях нечто интересное, Мор? Кстати как ты умудрился пропустить разгул какой-то нечисти на твоей территории?

– А с чего ты вообще взял, что я буду отвечать на вопросы подданного другого государства? – чисто из любопытства поинтересовался Хранитель Стали.

– М-м-м... дай-ка подумать, – демонстративно помолчав секунд тридцать, Лель изобразил озарение. – Потому что вряд ли ты сможешь помешать мне обшарить тут все самостоятельно! Ну и стоит учесть, что раз ты лично снизошел в такие глубины, то ваши маги и следователи уже не справились.

– Не во всех штольнях есть металлы, а мои возможности очень сильно завязаны на физическое воплощение стихии Стали, – сухо ответил Морриган, а после кивнув в сторону толпы неловко мнующихся гномов, сказал. – Вы можете быть свободны!

Ага, стало быть сейчас будет информация не для чужих ушей? Любопытно!

Гномы за несколько минут погрузились в вагонетки и с грохотом умчались по шахтам-ногам куда-то вдаль, унося с собой и очень любопытную бабку, которую с трудом удалось уговорить уехать.

Удостоверившись, что в пещере остались только Мастер и глава клана Каменных столбов, Морриган произнес:

– Я не могу «просмотреть» те, где добывают известняк, алебастр или например, как тут ухнытык.

– Что-что?

– Ухнытык, Лель. Не я придумал название, не ко мне вопросы.

Мастеру Пытки стоило невероятных усилий сдержаться и не заржать.

– Хорошо. А чем же так хорош этот... – произнести заветное слово сразу не получилось, потому пришлось ограничиться нейтральным. – этот минерал.

Сталь лишь кивнул, и мэтр Гаршар взял слово.

– Это магически обогащенный камень. Очень редкий и весьма сложный в добыче. Нужно соблюсти много условий, чтобы при отрыве от каменных жил в руде оставались силы.

– Никогда не слышал, – медленно произнес Лельер, с прищуром глядя на Морригана и мысленно потирая руки.

Кажется только что он прикоснулся к одному из государственных секретов Охры. И это хорошо, очень хорошо!

– Рано радуешься, мы все равно хотели предложить его Малахиту, – обломал Сталь.

– Хорошо, – лишь усмехнулся Пытка, и присев на край последней вагонетки, махнул рукой. – А теперь расскажешь мне, наконец, занимательный ужастик о том, кого именно мы тут ловим?

– Это нечто магическое, – повел плечами Сталь, и в ответ на скептический взгляд Леля, с раздражением ответил. – Если бы мы знали о нем больше, то здесь бы бегала команда, ориентированная на уничтожение конкретной дряни, а не я.

– Стало быть разведка, – коротко заключил Лельер.

Судя по лицу Морригана ему очень хотелось пооплодировать, просто таки феноменальной догадливости коллеги, но удалось сдержаться.

– Именно, – и с неохотой добавил. – Твоя помощь будет весьма кстати. От Огненного в замкнутых и узких коридорах нет никакого толка. Тьма однозначно будет лучше.

– Благодарю за приглашение. Мор, может отправим почтенного мэтра наверх? – мозг окончательно проветрился от алкогольных паров, и Лель решил, что нужно предпринять что-то для сохранения будущего родственника в целостности и сохранности.

И вряд ли этому будут способствовать поиски страшилища.

Сталь уже начал было выплетать портал, благо в отличие от Лельера он находился на своей территории и шансы вписаться в стену при его переносе были минимальными.

– Уважаемые Хранители, я с вами не согласен, – гном выпрямился и степенно огладил пышную бороду. – Вот при всем уважении, но разбираетесь ли вы в камнях? Знаете ли какое состояние для минералов характерно, а какое нет? Если предположить, что тварь наша органического происхождения, то у нее не может не быть так сказать выделений... и не только от естественных надобностей. Например от слизи подгорных оурдов – камни окисляются, но если не знать как они должны выглядеть – вы пройдете мимо.

– Дело говорите, – кивнул Морриган. – Но, надеюсь, вы, мэтр Гаршар, понимаете, что никто не может гарантировать то, что вы в целостности и сохранности вернетесь в город.

– Глава не тот, кто прячется за спинами родичей, а тот, кто больше всего делает для клана, – с достоинством ответил старый гном. – Я прожил хорошую жизнь.

– Вот и чудненько! Это прекрасно, что все ко всему готовы! Предлагаю для начала проверить вот тот коридор.

– Почему? – интереса ради поинтересовался Мор, как следует потягиваясь и разминая шею, все же обшаривание шахт предназначенных для малорослого народа давалось этому крупному мужчине не просто.

– А что-то он мне нравится... вот даже не знаю почему, но сердечко прямо быстрее бьется, когда смотрю в его темные недра, –

мечтательно выдохнул Лель, а после устало сказал. – Потому что их тут три, и из одного ты вернулся, а второй я проверил Тьмой, пока мы тут болтали, и там через несколько поворотов тупик.

– Так бы сразу и сказал. А то сердечко, будоражащие темные недра...

Глава 20

Третий коридор оказался довольно высоким и просторным. То есть Лельер шел в нем только слегка согнувшись, а Мор даже не сильно задевал плечами стенки.

Хорошо освещенная пещера давно осталась позади и здесь, в замкнутом пространстве каждый звук казался по зловещему гулким. И слишком громким... дыхание, шорох одежды, скрип подошв на сапогах.

В нос забивалась каменная пыль, от чего хотелось чихать, а вслед за ней проникал и запах. Тот неповторимый запах холода и влаги. Кто сказал, что холод не пахнет?

Он щекочет небо изнутри, он холодит губы и с каждым новым вдохом словно проникает все дальше и дальше в тело.

И эта изморозь сплеталась с Тьмой, что в последние годы неизменно жила в Лельере Хинсаре. Стихийная Тьма не имеет ничего общего с безумием разума, хотя ей это и приписывали.

О нет, великая Мать-Тьма была выше обыкновенного сумасшествия.

Но, несмотря на это, Мастер Пытки не любил взаимодействовать со своей главной стихией, предпочитая пользоваться природными магическими способностями феникса. Благо он не являлся бесталанным человеком, когда попал в другой мир и стал Хранителем.

Но сейчас он черпал и черпал из практически бездонного источника мрака внутри, и тонкие плети расползались от фигуры Леля в разные стороны. Убегали дальше по коридору, просачивались в мельчайшие трещинки-разломы, чтобы, поплутав меж камнями, оказаться в других штольнях.

Как-то незаметно именно Мастер Пытки оказался во главе маленького отряда. Надо отдать должное его сопровождающим, несмотря на длинный путь и несколько ложно взятых следов, никто не позволил себе и осуждающего слова.

Но спустя еще час и сам Мастер начал злиться.

– Странно... очень странно, – бормотал он ощупывая совершенно сухую стену.

– Что именно? – спросил Сталь, присаживаясь на камешек около противоположного края небольшой пещерки, в которую они пришли.

– Тьма резонировала. Тут должно было быть нечто необычное!

– В смысле?

– Я задал характеристики для поиска.

– Но мы же не знаем, что ищем, – впервые заговорил дед Мии.

– Мы ищем что-то необычное. Я внес в заклинание характеристики пространства пещеры, где мы были, так, что она подскажет, если что-то отличается, – покачал головой в ответ Лель и потер грудь, рассеянно признавшись. – Хочется курить. И думать.

– По поводу сигар мысль паршивая, все же вентиляция тут отвратная, а вот в размышлениях ничем не ограничиваю, – сыронизировал Морриган, а после покопавшись в карманах, нашел небольшую коробочку и бросил Мастеру. – Жевательный табак. Надеюсь никотин натолкнет тебя на умные мысли.

На небольшой привал решили остановиться в той же пещере. Гном размеренно точил острие топора и полировал тускло сверкающую сталь тряпочкой, Морриган лениво жонглировал несколькими световыми шарами, заставляя их то вращаться в разные стороны, то менять форму в полете.

Очень полезные упражнения для концентрации, кстати. Лель машинально отметил, что Хранитель Стали похоже использует каждую свободную минуту для того чтобы стать... лучше?

На какой-то миг ему стало неприятно от этой мысли. Мора все в Малахите считали чрезвычайно хитрым интриганом, что попортил всем море крови. Но у каждой медали есть другая сторона.

Для Охры Морриган был практически героем. Несмотря на то, что сам как раз до обретения дара Стали не обладал никакими способностями кроме повышенной хитрожопости.

Мастер Хин вновь приблизился к подозрительно обыкновенной стене. На языке оседал терпкий привкус табака и некая часть Пытки, что была отвязным шутком, сожалела, что в данном случае трава действительно самая обыкновенная. Даже не настояли ни на чем. Скучные охрийцы.

Кончики длинных белых пальцев коснулись шершавой поверхности. Чувствительные подушечки нежно коснулось тепло,

исходящее от камня, и Мастер с удовольствием распластал по нему всю ладонь.

– Мэтр Гаршар, напомните-ка мне более подробную характеристику вашего чудесного... уты. ухли...

– Ухнытык, – с каменным лицом напомнил Морриган.

– Свойства самые простые, Мастер. Камень отлично крошится, по сути это аналог мела. Но при добавлении в любые смеси придает им магическую проводимость. Используя всего пару килограмм этого материала при строительстве, можно вплетать заклятья на стадии возведения дома. И действительно превратить его в крепость.

– Угу... а с органикой он как смешивается?

Дед Мии бросил невольный взгляд на Хранителя, покрепче сжал древко секиры и спокойно ответил:

– Мы гномы, Мастер Хин. Нас интересуют камни и металлы, а не живое.

Врет. Вернее в том, что сам Гаршар вряд ли кому-то со злорадным хохотом подсыпал это чудо в еду, Лель не сомневался. Но был в курсе о подобных исследованиях.

И судя по тяжелому, намекающему такому молчанию Морригана – оные были положительными.

Остальную логическую цепочку Лельер достроил без помощи своих невольных спутников.

Демонов ухнытык был очень ценной штукой. Данная гадость способствовала толерантности организма по отношению к магии. То есть беседуешь ты весь такой уверенный в себе с... врагом! Да, не будем мелочиться, именно врагом. С одной стороны увешан артефактами как елка на Изломе Года игрушками, с другой укутан собственной магической защитой как ветреная красotka вуалью.

И в этот момент предлагает тебе враг распить винишка! А с хорошим врагом можно и что покрепче употребить, потому ты решительно соглашаешься! И разумеется, не находишь в поднесенном бокале ровным счетом ничего подозрительного, но оно там есть! Как в той поговорке, которую рассказывала Юлька – Суслика видишь? Нет? А он есть!

Так и тут. Ухнытыка не видно, но он мать его, есть!

Морриган Сталь решил продолжить пудрить коллеге из Малахита мозги.

– Лель, это же минерал, какая органика?

– Мор, Мор, – издевательски протянул Лельер, косясь на смуглого блондина. – Вот если бы девица так передо мной ресницами хлопала, так все равно бы не поверил. А тут твоя татуированная рожа! Вообще доверия не внушает, знаешь ли.

– Ну, я пытался, – хохотнул в ответ охриец.

– Это добро, – Лель опустился на колени перед стенок и задумчиво ковырнул ее ногтем. – То есть магию проводит отлично?

– Как вода пропускает, – кивнул мэтр Гаршар.

– И ваш беспредел начался вскоре после того как вы докопались до... прости господи, ухнытыка?

– Да.

– Чудно. Тогда слушай, чисто теоретически, а как себя в нем будет чувствовать магическая и главное бестелесная сущность?

Ответ написался на лицах всех присутствующих, но озвучил его Хранитель.

– Как рыба в воде.

Все с огромным подозрением уставились на стены.

– Но ребята говорили, что там рычало и громыхало! – встопорщил бороду гном. – Если бестелесный, то как?

– А они способные! – весело ответил Лельер. – Мы как-то призрака изгоняли, так он не то что рычать, он еще и материться умудрялся. Аж заслушались и аннигилировать не стали, забрали в департамент. Я его теперь выпускаю из шкатулки, когда на планерку к подчиненным хожу. Мне нельзя на них орать матом, но высказать свое честное мнение о их работе иначе очень сложно.

– Потому делегируешь? – хмыкнул Сталь.

– Планирование и распределение: залог успеха, – глумливо отозвался Пытка. – Но вопрос в том, что за ересь может у вас тут в каменном море плавать? Что за рыбонька совершенно беспардонно жрет таких невинных гномов и почему до сих пор не прельстилась грешными нами?

– Может гурман? И мы с тобой недостаточно девственны, а мэтр Гаршар так вообще не выдерживает никакой конкуренции.

– Что? – гневно сверкнул глазами гном, не сразу включившийся в сомнительный юмор Хранителей.

– У вас уже внуки, так что на невинного гнома не тянете, – любезно пояснил Морриган. – Хотя, конечно, сомневаюсь, что бригада шахтеров была более похожа на невинных. Итак, Лель, спасибо, ты очень нам помог, так что можем возвращаться!

– С чего это? Я только начал увлекательную прогулку, – и Мастер вновь раскинул щупальца Тьмы, что стремительно рванули дальше по коридорам. – Мне обещали героическое сражение с хтонью, в конце концов.

– Но как ты видишь, хтонь не пришла. Это, конечно, очень невежливо с ее стороны, но что поделать. Думаю мэтр Гаршар обязательно засчитает тебе подвиг и выдаст руку внучки. Не так ли, мэтр?

– Мне целая Мия нужна, – рассмеялся Лельер, и пружинисто поднявшись, двинул дальше по коридорам.

Судя по лицу почтенного гнома, ему не улыбалось ни жульничать, ни отпиливать ручку Миямилль, ради сомнительной чести выдать ту «победителю».

– Лельер Хинсар! – гневно окликнул Морриган. – Если говорить откровенно, то тебе стоило проявить тактичность и уловить в моей фразе незамысловатое «пошел вон из наших подземелий»!

– Ой, да? – деланно удивился Лель. – Слушай, а я в последнее время такой непонятливый, просто диву даюсь!

– Лель! – не выдержал Сталь, и перед Пыткой разверзся сверкающий портал.

Сам феникс просто шарахнулся в сторону, а вот идущий вслед за ним гном такой подвижностью не отличался и провалился в переход.

– Стихии, какой ты невежливый, – самым глумливым тоном протянул Мастер, накрывая сверкающую арку покрывалом из Тьмы. – Кстати, надеюсь, там безопасно? Все же будущий родственник. Учти, если ты его случайно угробил – я обижусь!

– Как же ты меня достал, – уныло протянул Хранитель, чьи татуировки медленно начали серебриться. Искры бегали по нарисованным на коже спиральям, а после отрывались и впитывались в стены.

– Мор, мы с тобой ни разу не пытались обстоятельно помериться х... пусть будет силой. Это упущение, но место ты выбрал паршивое.

Давай как взрослые люди запланируем мероприятие? Подготовимся, позовем друзей, продадим им билеты в партере за большие деньги...

– Шут!

– Было такое, даже отпираться не стану. Ну а сейчас предлагаю воспользоваться тем, что мы наконец-то наедине! Ты готов, проти-ивный?

– Что? – у Морригана даже татуировки погасли.

– Сколько ж у тебя в голове неприличного, – погрозил ему пальцем Лельер. – А я про то, что не помешает все же найти нашу невежливую хтонь. Наведаемся в логово? А королю потом скажешь, что я был очень непослушным и все равно совался куда не надо.

– Догадливый, – красивое лицо мужчины исказила гримаса.

– Потому что надо мной тоже стоит хозяин, – невесело усмехнулся в ответ Мастер. – Почему кстати, вы с гномов еще не потребовали полной секретности?

– Потому что это шахты рода Каменных Столбов и правитель не может их просто забрать, лишь наложить некоторые ограничения, – с явной неохотой признался Морриган. – Но при учете проблем с выработками Гаршар может привлекать для их решения какие угодно ресурсы. Вдобавок, стоит помнить, что изначально Хранители являются нейтральной силой и напрямую противопоставлять нас друг другу запрещено Стихиями.

К Пытке вернулись дымные ленты Тьмы, и впитав те в ладони, Лельер медленно сказал:

– У меня две новости.

– Давай сначала хорошую.

– Я нашел тварь.

– А плохая?

– Она здесь. Она... вокруг.

Одновременно с этой фразой, серый камень вокруг пошел рябью как морская гладь, а после рывком расступился, освобождая пространство. Хранители запрокинули голову и завороченно наблюдали, как с потолка словно из глубин океана выплывает на поверхность огромная стальная змея с рубинами вместо глаз.

Ее чешуйки плотно прилегали друг к другу и едва слышно шелестели при соприкосновении с камнем, а в багровых глазах полыхало пламя ярости и... голода.

Она раскрыла пасть, позволяя впечатлиться набором зубов и зашипела. Звук был пронизывающий и жуткий до такой степени, что по телу невольно пробежала дрожь. Иррациональный ужас поднимался из глубин сознания, от одного звука. Об этом говорили гномы?

В общем хтонь искренне старалась впечатлить охотников! И у нее даже получилось, но совсем не так, как планировала.

– Какая красивая! – восторженно выдохнул Морриган и, покосившись на Пытку, предложил. – Давай ее поймаем, и я заберу себе?

Змея озадаченно затормозила.

– Эм, Мор... – Лель даже замялся, не зная как сказать внезапно восторженному коллеге, что забрать ЭТО домой скорее всего не получится.

– Интересно, а она ест что-нибудь кроме гномов? – воодушевленно продолжал Хранитель из Охры, медленно вращая кистями рук. С кончиков пальцев стекали стальные нити и переплетались между собой образуя сеть.

– По идее должна, – пораскинул мозгами феникс. – Судя по размерам это не детеныш, а стало быть, вряд ли оно сидело на диете.

– Это не «оно», это самочка, – умильно сообщил Сталь, склонив голову на бок и с прищуром рассматривая змею.

Судя по ответному взгляду «самочка» всерьез размышляла о том, чтобы скрыться обратно в ухнытыке! Но развернув кольца раскрыла пасть и вновь зашипела, а после совершила стремительный бросок.

Татуировки Морригана вновь тускло засветились, а после эти искры собрались в нечто похожее на хлыст, который обвился вокруг пасти чудовища. Ну а сеть, растягиваясь на ходу, оплела огромное, мощное тело.

Глаза рептилии полыхнули и она... просто растворилась в воздухе, превращаясь в дымку и соткалась в физическое тело на другой стороне зала.

Пытка переплел пальцы и перед ним появилась черная как ночь копия змеи, с провалами вместо глаз.

– Отвлеки, – Мастер жестом отослал воплощение своей стихии.

Тьма метнулась к змее.

– Морриган, ты в ней ничего знакомого не ощущаешь?

– Конечно ощущаю. Она практически сотворена из моей стихии, но вот подчиняться и не думает. Это не нечисть, это творение Стали. Непосредственно покровителя.

– То есть это действительно вуивра, – мрачно добавил Лельер, общий термин, которым обозначали создания стихий. Уникальные в своем роде. – Прекрасно. У всех творений стихий есть нечто общее.

– Совладать с ней можно лишь разрушив «кокон». Дом, в котором она спит до пробуждения и в который возвращается после, – оценивающий взгляд прозрачных серебряных глаз Хранителя и решительное. – Ее нужно сильно ранить.

И тогда она отправится в «кокон».

Пытка лишь усмехнулся, и его синие глаза начали стремительно темнеть. После того как чернота наполнила радужки, сравнив их цветом со зрачками, она хлынула дальше, заполняя белки.

Жуткие очи избранника Тьмы уставились на творение стихии, а по тонким губам расплылась усмешка.

– Поиграем, змейка?

Надо сказать, что никто из Хранителей не обольщался на тему того, что это будет просто. Все же это не рядовая хтонь, а хтонь божественного происхождения, а значит ее априори будет непросто угробить.

Вдобавок ситуация обострялась тем, что нельзя было сразу убивать. Им нужен «кокон», вместилище змеи... Лель сам не понимал почему так. Словно в подсознание стучало нечто позабытое, и некогда он про что-то такое то ли читал, то ли слышал.

А своим предчувствием Мастер Пытки привык доверять.

Сталь атаковал раз за разом, и от мощности его заклинаний у Леля волоски на затылке вставали дыбом. Но рубиновоглазая рептилия поглощала его чары, и ее чешуя вспыхнула ярче и словно стала плотнее.

– Мор, ты делаешь ее сильнее! – заорал Лель, уворачиваясь от хвоста.

– Понял уже! – Хранитель создал из искорок подобие ступеней, взлетел по ним под потолок и рухнув на загрибок змеи, рывкнул. – Бей, а я отвлеку!

Э-э-э, как?

У змеи во взоре были те же вопросы, а после огромная пасть словно расплылась в усмешке и огромное тело молниеносно утонуло в каменном полу, унося с собой и Морригана.

Пытка остался в одиночестве, тишине, наедине с осознанием, что кажется он взял с собой погулять одного из сильнейших магов не совсем дружественной страны и «потерял» его.

Притом змейство никто кроме них с Мором не видел, стало быть, поди докажи, что это не ты сам со зловещим хохотом сбросил конкурента в какую-то из штолен.

Но не успел Мастер проникнуться возможными и сплошь отрицательными перспективами, как вспучился потолок, показывая узор чешуи, а после оттуда беспорядочными кольцами вывалилась ошалевшая хтонь и радостный до не могу Морриган.

– Лель, она действительно плавает в камне, притом вокруг образуется своеобразный воздушный пузырь! Это потрясающе!

Опомнившись, Пытка решил порадоваться неубиваемости Стали чуть позже, а пока лишь расставил руки и вспыхнул синим пламенем. Огонь изгонял Тьму из взгляда, охватывал фигуру, и в языках его пламени словно рождались перья. С каждым мигом мужская фигура таяла, уступая место огромной, пламенеющей птице.

– Мор, изолировать пещеру сможешь? – прогремел измененный, словно клекочущий голос Мастера. – Она не должна уйти.

Морриган скатился со змеи и одним прыжком оказался возле узкого прохода, а после с его пальцев сорвалась сеть, но на этот раз она облепила все пространство. В этот раз Хранитель изменил свойства сетки и она должна была не притягивать к себе объект и сворачивать в плотный клубок, а напротив отталкивать любые предметы, в том числе и родственной стихии.

Феникс же сначала полыхнул синим пламенем, которое валом прокатилось по пещере... камень затрещал от жара, а Морриган порадовался, что ему хватило ума спрятаться за уступ. Так как он, конечно, Сталь и устойчив к высоким температурам, благодаря частому общению с Хранителем Огня, но все же даже ему пришлось бы несладко.

Творение стихии же с шелестом развернуло кольца и атаковало своего исконного врага. Ведь феникс это птичка. И что-то на генетическом уровне говорило змее, что птичка это вкусно!

Крылатый оказался мельче, и не сказать что маневреннее, ведь с гибкостью рептилии мало кто может сравниться. Но кроме острого клюва он имел еще десяток острейших когтей, которые, как выяснилось, отлично рвали чешую.

На пол звонко падали огромные капли ртути, что заменяли чудовищу кровь...

Схватка была недолгой, но изматывающей. Змея пыталась заключить белого феникса в кольца и сдавить, или впиться огромными клыками в тело, и один раз у нее даже получилось зажевать крыло. Но оно полыхнуло синим огнем, и пришлось сплюнуть!

Воспользовавшись тем, что змея шарахнулась в сторону и взвыла от боли, Лель рванул вперед, стараясь не обращать внимания на острую боль. Летать Мастер больше не мог, но подрать демоново творение стихии еще вполне сумеет!

Но когда вокруг него обвилось огромное чешуйчатое тело, уверенность несколько пошатнулась. Птица вновь полыхнула синим пламенем, превращаясь в человека, и воспользовавшись близостью к врагу, Мастер атаковал чарами концентрированной тьмы, прямо в мягкую брюшину. Змея зашипела от боли, постепенно срываясь на визг, потому как по обожженному магией животу полоснул крепкий нож.

– Мор, отпускай!

Серебристая паутина мигнув, пропала, а чудовище ослабило хватку и стремительно утонуло в камне.

Лель, чуть пошатываясь, стоял в центре пещеры. Одна его рука безвольной плетью висела вдоль тела, и с нее тонкой струйкой лилась кровь. Алые потеки смешивались с ртутными на полу и словно превращали невзрачный минерал в изысканный мрамор.

Мастер Пытки вскинул зажатый в здоровой ладони кинжал и довольно усмехнулся:

– Все же кость – это хорошо!

– Костяное лезвие? – полувопросительно спросил Морриган, подходя к коллеге. – Умно. Но зачем ты ее отпустил, Лель? Тут кругом этот демонов ухнытык, как мы хтонь искать будем?

– А зря я с ней что ли так трепетно обнимался все это время? – с иронией спросил Пытка, убирая кинжал за пояс, и осторожно закатав

рукав, накладывал на пострадавшую конечность заклинание за заклинанием.

К сожалению, Лель относился к несчастливой категории «сапожник без сапог», потому помочь себе мог разве что обезболивающим, да магическим лубком, что фиксирует руку в одном положении и не позволит осколкам костей весело путешествовать по мышечной ткани.

– Маячок?

– Умный ты все же, Мор! – издевательски протянул встрепанный блондин. – Вот просто сколько смотрю, столько удивляюсь.

– Давай помогу с раной – миролюбиво предложил Хранитель Стали, не отреагировав на ерничанье бывшего шута.

– Спасибо, – также доброжелательно и без следа сарказма в голосе согласился тот.

Глава 21

Вопреки ожиданиям (а оные рассчитывали, что змея уползла помирать вот буквально за угол) им пришлось идти по запутанным подземным лабиринтам еще очень долго.

Но вот путь наконец-то был закончен!

У совершенно невзрачной стены.

– За ней, – авторитетно заявил Мастер Пытки.

– То есть заявимся к змейке прямо домой? – провел параллель со значением «коккона» Мор и хмыкнул: – А мы даже без подарков!

– Лучший твой подарочек – это я, – промурлыкал Лель, ощупывая сначала одну стену, а потом другую. – Мор, мне кажется или это какой-то металл?

– Ага... железная руда, – ковырнул упомянутую ногтем Сталь.

– Тогда можно я воспользуюсь тобой по профилю, так сказать? – скромно спросил Пытка.

– Главное, чтобы я тебе такого не говорил, – вздохнул Мор, и прикрыв глаза, воззвал к силе, с наслаждением ощущая, как отвечает металл в глубине породы, как сладко звенит от одного ментального прикосновения.

«Выковав» из руды и магии несколько железных копий, Хранитель метнул их в противоположную стену.

Ухнытык, как мы уже знаем, минерал, что легко крошится и поддается воздействию, потому он легко рассыпался в прах, открывая вид... на долину.

Сверху падало отчаянно яркое солнце, и мужчины прикрыли ладонями отвыкшие от света.

– Сколько же мы тут бродим? – пробормотал Мастер, потихоньку отводя руки от лица. – И... демоны. Все стихии разом через колено. И мать его проклятый свет, на этот раз в самом прямом смысле!

– Ты о чем? – Морригану потребовалось чуть больше времени, чтобы привыкнуть, но когда он присмотрелся и увидел сквозь пыльную завесу то, что настолько впечатлило Лельера, тоже выругался. Еще более забористо. В речи участвовали не только все выше перечисленные, но и полный набор подземной гадости, от

пауков до слизняков. Состоящие между собой в очень нетрадиционных отношениях!

– Да... это действительно не сказка, – мрачно проговорил Пытка, и облизнув сухие губы, добавил. – Но больше всего мне не нравится, знаешь что?

– Кристалл не светится, – помертвевшим голосом озвучил Морриган Сталь. – Вместилище пусто, Лель!

Пытка ничего не ответил, лишь переступил через завалы камня и двинулся вперед.

Ущелье, что лежало перед ними было достойно полотна великого художника. Но все же ничто не может сравниться с природой в искусности исполнения... и с великими магами-архитекторами прошлого, что гармонично вписали строение в ландшафт.

– Надо сказать, что не смотря на то, что сам являюсь Хранителем Тьмы, я всегда считал легенды о проклятом Свете наполовину вымыслом. Впрочем, это было настолько давно, что действительно отчасти стало сказкой.

Лельер присел на большой валун, с которого открывался вид на застывший в столбе света миниатюрный хрустальный храм. Откуда-то сверху низвергался водопад, и в лучах заходящего солнца дрожала радуга.

– Зато теперь все понятно. Змея действительно творение Стали и являлась стражем. А ухнытык – еще одним кольцом защиты... Но кто умудрился его пройти? Мы вдвоем со змеей с трудом справились, а все же Хранители! А тут... водопад видишь? Рубеж защиты сотворенный Стихией Воды. Ближе нам лучше не подходить, водная взвесь мигом атакует.

– Ты понимаешь главное, Мор? Какая-то предприимчивая сволочь умудрилась стащить кусок души, силы и памяти Проклятого Света. Кто-то желает стать богом, Морриган! Желает стать Стихией.

Тот немного подумал и выдвинул самое невероятное, но от этого не менее логичное предположение.

– Зеркальник?

– Ну не может же он быть виноват совершенно во всех наших неприятностях? – усомнился Лельер. – И дай табака, мне срочно нужно что-то для успокоения нервишек.

Сталь, покопавшись в карманах, протянул коллеге коробочку.

– Держи. А что касается Зера..., – невесело хмыкнул Морриган. – Он перестал интересоваться политикой и свержением режимов. А значит, появилась более интересная задача. Что может быть интереснее, чем стать богом?

– Верно. Верно... Мор, нужно сообщить правителям и вскрывать наши хранилища. Сколько кристаллов он уже успел собрать? И все же пока не стоит принимать кандидатуру Зера как единственную верную, хотя в свете этих событий, мне не нравится то, что он вернулся в Изумрудный город.

– Ваше хранилище прямо там?..

– В катакомбах.

– Чет вы не умные, – спустя несколько секунд поделился Морриган.

– Вот от гения слышу!

– Кстати, первое что нужно сделать – взять за жабры Хранителя Света. Он не может не ощущать, что покровитель вновь становится цельным, а не разбросанным по миру по запчастям.

– Ты знаешь за что его наказали?

– Свет? За безумие разума, Мор. Ему подвержены даже покровители, а этот некогда заигрался. Эксперименты и все такое, потому его судили и наказали. Убили, а силу и знания запечатали в кристальные носители.

– Интересно почему? – Морриган закинул в рот пастилку табака. – Ведь если умирает Хранитель, то сила переходит к другому существу.

– Может у Стихий все иначе?

– В любом случае нужен общий сбор. У нас появился внешний враг. Сильный, хитрый... и опережающий весь Совет Хранителей на несколько шагов.

Именно в этот момент огромный валун у подножия храма вдруг треснул и оттуда с шипением вылезла уже знакомая красноглазая змея.

– М-да... – угрюмо буркнул Лель и пошевелив пальцами свободной руки, сказал. – А тут порталы не работают, представляешь?

– Гадство какое, – спокойно констатировал этот грустный факт Морриган, одновременно глядя как из холодных струй сплетается нечто похожее на вторую змею. Водяная вуивра.

Она плавно обвила башню хрустального замка, в вершину которой был вмонтирован огромный кристалл-вместилище, ныне

пустой.

– А я-то ранен, – еще печальнее проговорил Лель, с оценивающим прищуром взирая на змей.

Воздух за его спиной стремительно темнел, наливаясь первозданной Тьмой, которая спустя несколько секунд переступила огромными паучьими лапами и душевно так застрекотала.

Змеи дружно задумались.

– Бежим? – лениво предложил Лель, устраиваясь поудобнее и вытягивая длинные ноги.

– Да можно, – Мор метко плюнул остатком табака и стальная змея обиженно зашипела. – А ты не балуйся! Я тебя домой взять хотел, между прочим! Гномов не будет, но знала бы ты какие вкусные подземные кабанчики! Или можем заказывать тебе коровок с поверхности. Молочко там еще...

В красных глазищах стальной рептилии отчетливо мелькнул интерес, а водная покосилась на нее с осуждением и как следует шибанула хвостом по голове.

– И тут блюстетели морали и нравственности, – посочувствовал стальной вуивре Лельер. – Ты бы действительно подумала – все же и кабанчики и молочко. И мозги никто не имеет!

Водная разъяренно зашипела и бросилась в атаку, до Хранителей не добралась. Наперерез ей бросился сотворенный из Тьмы паук, а Мастер Пытки быстро начертил на скале пентаграмму призыва покровителя и вдохнул в узор силу.

Тот полыхнул черным... черный может сверкать так, что глазам больно. А после от линий призыва потянулась туманная дымка, которая спустя несколько мгновений сложилась в высокую женскую фигуру.

Богиня возвышалась над Хранителями на полторы головы.

Тьма была красива. Изящна, грациозна, одетая в платье из серого струящегося тумана и... черна. Кожа могла соперничать глубиной цвета с редкими черными бриллиантами, а белоснежные волосы, ресницы и брови создавали какой-то невероятный контраст.

Притом Лельер знал, что изначально Тьма была черна полностью. Белизна волос – седина. И появилась она всего несколько лет назад.

– Дети мои... – грудной голос, волновал помимо желания, но в нем было столько мягкости и бесконечного, материнского принятия,

что хотелось подойти и положить голову на колени богине.

– Покровительница, – Лель склонил лишь голову.

– Мать-Тьма, – Стали пришлось согнуться в поясном поклоне.

Тьма медленно развернулась к вуиврам и те молча развернувшись, изящными извивами удалились обратно к своим «коконам». Стальная заперлась в яйце, а водная слилась со спадающим со скал голубым потоком.

Богиня молчала, пристально глядя на хрустальный замок, что раньше сверкал так, что было больно глазам, благодаря помещенному на верхушку кристаллу с запечатанной частичкой Света.

Сейчас он стоял по прежнему прекрасный, но потухший.

– У нас проблема, – коротко резюмировала Тьма, а после шагнула в открывшийся портал, жестом позвав хранителей за собой.

Вышли они на маленькой площадке, в центре которой стоял постамент, с разноцветными лепестками. Среди них отсутствовал один, белый.

Но вместо него там стояла уродливая на фоне драгоценного цветка распорка.

– А он умен, – Тьма коснулась своего лепестка на цветке. – Правда вопрос, как смог снять вместилище и не потревожить сторожевое заклятие. Мальчики, как давно это случилось?

– Только что обнаружили, – сообщил Сталь.

– Плохо, очень плохо, – покачала головой богиня и один из белоснежных локонов скользнул по точеным плечам.

– Почему даже нам не было известно о том, что вместилища – не сказка? – не выдержал Морриган Сталь и первым задал вопрос. – Если бы мы знали, что под горами находится ЭТО, то выделили бы охрану и уж точно запретили добычу минерала.

– Ваши неутомимые гномики тут не причем, – покачала головой Тьма. – Рудокопов от квадрата в котором мы поместили фрагмент Света отводит заклинание. Кто бы это ни был, он пришел сверху, и уходя разрушил стену и выпустил вуивров.

Лель скрестил руки на груди и негромко напомнил:

– И все же, почему Хранители не знали?

– Ваше поколение не знало, – с усмешкой ответила богиня. – Мы решили хранить это в тайне после того, как один из Хранителей попробовал собрать энергию бога сам.

М-да... Действительно аргумент.

– У него получилось хотя бы частично? – задал весьма важный вопрос Мор.

– Нет, – белоснежная, сверкающая улыбка в ответ, а после Тьма плавно повернулась к Лелю и велела. – Начинай расследование, мой хороший.

Сколько Лель себя помнил это обращение дико его бесило, как и многие из того, чем «баловала» покровительница. Тьма действительно была всеобщей матерью, конкурируя за эту должность, разве что с богиней Земли.

А дети иногда ведут себя вздорно. И отчаянно хотят сепарироваться.

Жаль, что у этого конкретного феникса такой возможности не было. Хранитель – это до смерти.

– Да, госпожа, – не смотря на эмоциях, в неглубоком поклоне было лишь почтение.

– Позови меня как только будут хоть какие-то предположения в каком направлении искать. Я помогу.

– Хорошо. Мать-Тьма, а сколько вообще осколков?

– Шесть... – задумчиво скользя тонкими пальцами по цветку ответила Тьма. – Я понимаю о чем ты. В Малахите их два. Один в катакомбах под Изумрудным. Расположение остальных тебя будет ждать в рабочем кабинете.

– Спасибо.

Она впервые посмотрела Хранителям прямо в глаза и те на какой-то миг вздрогнули. Так как в очах богини плескался темный океан гнева... и опасение.

Ей определенно было не по себе. И это очень плохой сигнал.

Когда боги опасаются – людям стоит паниковать.

После Тьма пропала, развеявшись в воздухе.

А Лель, наблюдая за тем, как Сталь, с помощью магии вытаскивает яйцо приглянувшейся ему красноглазой вуивры, сжал тонкую пластинку связи и позвал своего хозяина.

– Гудвин?

– Я занят, – ответ пришел почти сразу и в эмоциях повелителя отчетливо слышалось раздражение.

– Шадир, это срочно, – настоял Мастер.

– Жги! – щедро разрешил повелитель Малахита, еще не зная как подчиненный сейчас зажжет!

– Легенда о Проклятом Свете – не легенда. Кто-то начал собирать фрагменты с его силой, и хранилище в Охре уже опустошено.

– Вот почему мне сейчас хочется верить, что ты просто пьяный и бредишь? – грустно спросил Гудвин.

– Потому что ты чувствуешь какие проблемы скрываются за этими фразами, – хмыкнул Лельер. – Но самое веселое в том, что еще одно хранилище под нашей столицей. И в ней бродит Зеркальник.

– Новости одна другой краше. Съездил посвататься, называется! Знаешь ты толк в сопутствующих развлечениях!

– Да, я способный.

– Способный наш, ноги в руки, рыбкой ныряешь в портал и жду тебя на докладе! Когда планируете собирать Совет Хранителей?

– По возвращении. Но оно случится завтра. Я тут еще невесту не до конца застолбил.

– Тогда желаю тебе успехов в этом нелегком деле, – легко позволил ему маленькую отсрочку повелитель, который прекрасно знал насколько сложно не только найти подходящую женщину, но и убедить ее в том, что ты не страшный.

Мастер отключился, несколько мгновений грустно смотрел на храм, а после обратился к Морригану.

– Помочь?

– Ага, – тот всеми силами пытался отрегулировать силовые нити так, чтобы впихнуть яйцо в проход в скале.

– Зачем она тебе? – риторически спросил Лель, подхватывая «кокон» с другой стороны.

– Да знаешь, действительно всегда хотел домашнее животное. А она действительно красивая, вдобавок творение покровителя. Это интересно!

Лель из творений Тьмы видел только огромных пауков, но желания завести такого же себе это у него не вызвало. Но свое личное мнение Пытка предпочел держать при себе!

В конце концов его сейчас занимали не заскоки коллеги, а планы на вечер.

Рыженькие такие, очень миленькие планы. На которые теперь он имел очень большие виды!

Миямиль Гаилат

Совместная ночь говорите?

Когда меня только привели в спальню, я переживала и металась из угла в угол. Спустя полчаса это однообразное времяпровождение надоело, и я села у прорубленного в стене окна, из которого открывался потрясающий вид на Разлом. Фонари, что освещали подвесные мосты, горели ярко, но огоньки в окошках на той стороне потухали один за одним.

Уже поздно.

Я нервно прикусила кончик ногтя, но поймав себя на этой вредной привычке, шлепнула себя по ладони в наказание.

Надо сказать, что когда анонсируют ночь, в процессе которой тебя будут домогаться, то это совсем не располагает к безмятежному отдыху.

Но переживать устаешь!

А также устаешь ждать «домогателя»! Я быть может уже окончательно отрепетировала речь, а предъявить ее некому!

Потому в определенный момент я просто вырубилась на широкой кровати, измотанная длинным днем.

Ну а утро началось с тревоги.

Потому что он так и не вернулся. Я металась как загнанный зверь, не зная куда бросаться. Хотелось нестись, бежать, двигаться, хоть что-то делать, чтобы его вернуть!

Голос разума убеждал, что Мастер это не рядовой маг, а вообще-то Хранитель Стихии и вряд ли в наших горах хоть что-то могло ему повредить. Тем более он отправился не один, а с отрядом гномов и бабкой Эррой. Последняя была настолько неубиваема, что про это уже ходили легенды. Если в этом мире и было абсолютно безопасное место, то в радиусе десятка метров от старой гномки!

А после она вернулась. И остальные гномы тоже, принеся новость о том, что в пещерах им встретился Морриган Сталь и Хранители вместе с дедом отправились дальше.

Мне стало еще жутче. Но апофеозом ужаса стал дед, который вывалился из портала прямо посреди обеденного зала и собственно обеденного стола. Мэтр Гаршар одним пинком отправил в полет, к

счастью уже пустое блюдо из под кабанчика и выругался настолько грязно, что у мамы из рук упал кубок.

Встретившись с моим ошалевшим от испуга взглядом, он пробурчал:

– Живехонек твой благоверный, не бледней так. Магики демоновы... как крысенка из штольни меня выбросили! Из собственных шахт!

В общем к закату следующего дня, когда Мастер Пытки своими ногами вернулся в наш дом, я просто молча бросилась к нему и сомкнула руки на торсе, прижимаясь щекой к грязной ткани его рубашки.

– Нуу-у-у, девочка, – он осторожно, словно сам не верил в то, что происходит, погладил меня по голове. – Все ведь хорошо.

Я лишь, не удержавшись, всхлипнула.

С другого конца зала раздался знакомый, скрипучий и крайне веселый голос:

– О, вернулся! Вы, Хранители, шо пещерные слизи! С первого раза не выведешь.

– Спасибо, почтенная Эрра, я не сомневался в вашей поддержке.

– Да полно болтать! Хтонь-то завалил?

– Скорее пленил и врагу подарил, – над головой раздался мягкий смешок, а длинные пальцы Мастера, поправили мне волосы, мимолетно погладив сладко вздрогнувший кончик ушка.

– Это ты хорошо придумал. Врага Морриганом кличут? Знаешь толк в подарках!

– Он очень просил.

– Правильно сделал. Эта хтонь знаешь сколько убытка Каменным Столбам нанесла. А кто владелец тот и компенсировать будет! Так что ты счастливо избежал возмущения ущерба.

– Хм... не уверен, что пытаться подать в суд на Хранителя хорошая идея. А сейчас можно я все же немного отдохну, и после нам с Миямиль пора собираться обратно.

– Иди, иди... Мийка тебя проводит. А то ты и так смертью побеленный, а сейчас еще и змеями потасканный.

Смертью побеленный...

А ведь моя родственница даже не понимает насколько права.

Для начала Мастера отвели в купальню, за это время я отнесла его костюм в магическую чистку и через слуг передала назад. Но вот после водных процедур мужчину целиком поручили моим заботам.

А точнее велели вести к себе, так как время позднее, а семейный совет есть семейный совет! Его решения не саботируются.

По дороге к комнате меня накрыло любопытство, которое чуточку побурлило, но почти сразу выплеснулось вопросами:

– Что было в подземельях? И... с тобой действительно все в порядке?

Хотя надо признать, что смотрелся Мастер бодрячком! И не скажешь, что два дня блуждал в пещерах.

– Руку чутка покусали, а в целом жив-цел-орел, – беспечно отмахнулся Лельер. – Ну а в ваших штольнях завелась вуивра.

Я нахмурилась, а разум сделал запрос в дальние уголки памяти, где хранились воспоминания детства. В том числе страшилки, которые мама рассказывала восторженно пиццавшившим двойняшкам.

– Это же... монстр с рубинами вместо глаз. Охраняет клады.

– В целом верно, – кивнул Лель, с любопытством озираясь в жилых коридорах дома. – Слушай, а это двери? Интересные какие.

Я улыбнулась, а после легонько коснулась тончайших стальных пластин, которые настолько плотно приникли друг к другу, что казались единым полотном.

– Да. И мы как раз пришли, – пластинки сложились гармошкой, открывая проход в комнату. – Вот и моя любимая нора.

– Впервые слышу такую характеристику от девочки, – покачал головой Лель, а после сильно наклонившись зашел. – Обычно у вас альков, покой, и что-то еще не менее воздушное.

– Ну, это если девочки эльфийки, феи или кто угодно из наземных жителей, – я закрыла дверь, и повернулась к Лелю. – А я все же в первую очередь гном. Люблю камни и металлы.

– А как же лепреконская кровь?

Я лукаво приподняла брови и доверительным шепотом сообщила:

– Хорошо, золото тоже люблю.

Вслед за Мастером, я посмотрела на свою комнату словно со стороны, не своими, а его глазами.

В одном углу стояла кровать под легким балдахином, мне с самого детства нравилось это ощущение отгороженности от остального мира. Множество подушек разных размеров и оттенков лилового довершали легкомысленный образ. Посреди комнаты, ближе к окну с видом на город стоял небольшой круглый столик на две персоны, возле которого уютилась парочка изящных стульев. Пока я жила у деда, то временами настолько увлекалась поделками, что забывала поесть, и потому поднос мне приносили прямо сюда.

Но словно противовесом всему этому служила другая часть помещения, что располагалась в дальней нише, с вмонтированными в потолок многочисленными светильниками. Там стоял массивный стол, заваленный инструментами и материалами, но площадка в центре была в идеальном порядке. Все как я оставила.

Также у стены находились два шкафа. Один с пронумерованными металлическими банками на полках, а второй с книгами.

Кто бы сомневался в том, что Хин направится именно туда?

– Интересно, – он подошел к столу, наклонился, изучая разложенные с утра запчасти для будущего артефакта, и я с каким-то непонятым удовлетворением отметила, что Лель даже не попытался прикоснуться к камням или медной проволоке. Все же незаконченная работа – это очень интимно. Особенно если ты вплетаешь в нее чары в процессе, а не накладываешь на уже готовое изделие.

То, что Мастер это понимал, было для меня важно.

Но с книгами блондин позволил себе вольность, осторожно снимая томик за томиком и отмечая зачитанность каждого из них. Наверное вывод о предпочтениях хозяина библиотеки можно сделать не столько из ассортимента, сколько из того, какие именно книги наиболее потерты.

Сейчас Лель листал многократно подшиваемые «Кристаллические решетки минералов». Одно время это было моей настольной книгой, пока твердо не осело в памяти и при работе уже не нужно было постоянно обращаться к источнику.

Мелодично пропели часы, намекая, что дело к ночи, и я вдруг с ужасом вспомнила о том, что у нас еще третье испытание!

Совместная ночь!

К которой я не была готова, когда Мастер был далеко от меня, а сейчас и подавно!

– Эм-м-м, Лель...

– Да? – мужчина поставил книгу на полку и развернулся ко мне. Прислонился бедром к столу и скрестил руки на груди.

Я нервно прикусила губу, пытаюсь воскресить в памяти ту самую отрепетированную речь, но как назло все вылетело из головы. Вдобавок смех, что плескался в лукаво прищуренных глазах Мастера Хина, вот совсем не способствовал моей собранности!

С чего начать? А-а-а!

Сложно-то как! Нервно переплела пальцы, бросила беглый взгляд на потрепанного жизнью и всякими змеями Мастера, я внезапно осознала:

– А ты не голодный? И вообще...

Может у него что болит и надо отвести к семейному доктору? И конечно же на ночь оставить в лазарете!

– Ну... – он неопределенно повел плечами. – С «вообще» у меня все в порядке, Мия. А вот перекусить я бы не отказался.

Я быстро отправив на кухню запрос, я засучила рукава и решительно приказала:

– Садись!

К счастью, слуги у нас очень расторопные, потому буквально через несколько минут в комнате оказался поднос заполненный тарелками с едой, чайничками с горячим мховым настоем и блюдечками с маленькими пирожными.

Надо сказать, что еще минут пятнадцать мне жилось легче, так как говорить о вкусовых качествах блюд проще, чем заявлять мужчине, что ему хорошо бы свалить спать в другую комнату. В целом это и я готова сделать!

– Мия, – посреди обсуждения профитролей внезапно начал Лель. – Перестань дергаться.

– Эм-м-м... – я решила не играть в непонимающую овечку и честно призналась. – Не могу.

– А ты смочи, – погрозил мне длинным пальцем Мастер. – Для начала, мне все же дорого уважение твоей родни!

Я вспомнила фразу деда про «попортишь девку – пойдем, но уважать перестанем» и неудержимо покраснела.

– Это раз, – невозмутимо продолжал Мастер Хин. – Два – я не дурак, и не стану отказываться от совместной ночевки с девушкой, от

которой голова кругом.

– Спасибо, конечно, но...

– И три, – перебил меня феникс. – Выставить меня не получится. Смирись.

– Слушай, ну нельзя так! – я бросила профитрольку обратно на блюдо. – Я ничего про тебя не знаю! Прошое, настоящее, планы на будущее! Я без понятия, как станут выглядеть отношения не просто с каким-то парнем, а с Мастером Пытки.

– Ну, я бы предпочел, чтобы ты сразу ко мне переехала, – невозмутимо проговорил Хин и заботливо похлопал по спинке подавившуюся меня, а после продолжил: – Но что-то подсказывает, что ты не согласишься, потому я согласен на конфетно-букетный период. Начнем сразу как вернемся в Малахит, что, кстати, произойдет утром. У меня появились срочные дела.

– Но сегодня ты никуда уходить не собираешься? – мрачно уточнила я.

– А ты у меня умненькая, – Лель подмигнул синим глазом, подхватил брошенную мной надкушенную пироженку и закинул в рот. – Но на отдельное одеяло, так и быть, можешь сегодня рассчитывать. Но только сегодня!

Я решила благоразумно не спорить и не упорствовать.

– И все же вернемся к другому моему вопросу. Откуда ты? О Хранителях я знаю только то, что вы пришли из других миров, призванные стихией.

Мужчина промолчал. Не торопясь доел свой десерт, так же никуда не спеша встал, обошел крохотный столик за которым мы ужинали, и подхватил внезапно пискнувшую меня на руки.

– Рассказ долгий, – невозмутимо поведал Лель, неся меня к кровати. – А в ногах правды нет.

– Я вообще-то сидела, – не удержавшись, с иронией напомнила в ответ.

– Ничего, лежа еще лучше информация усваивается, – «утешил» меня Лель. – А уж если лежишь с рассказчиком, то вообще шикарно!

Меня опустили на покрывало, и оно заскользило под руками.

– Я прям вот ощущаю твой богатейший педагогический опыт, – пропыхла я, стараясь отползти подальше. – Ой!

Это Мастер ухитрился поймать мою ступню, быстро снял мягкую домашнюю туфельку, а после проделал все то же самое со второй ногой.

И я затихла, уже не пытаюсь вырваться, лишь ощущая хватку горячей руки на своей лодыжке. Наши взгляды встретились и нечаянно попав в плен синих, как закатное небо, глаз феникса, я не могла освободиться. А может и не хотела?

Пальцы скользнули ниже, с нажимом провели по подъему стопы, и я судорожно выдохнула, ощущая, как от этого простого, почти невинного прикосновения по телу рассыпаются огненные искры. Почему-то с каждым мгновением становилось все сложнее дышать, но мне было в радость это кислородное голодание. Я не хотела, чтобы этот миг кончался. В нем была лишь я, этот темный взгляд, в котором одновременно переплелись нежность и темный, злой голод, от которого тело вздрагивало в предвкушении.

– О чем это я? – хрипло нарушил молчание Лель, выпуская мою ступню.

– О п-п-педагогике, – запнувшись, напомнила я.

В голове плавали обрывочные мысли, и все, что было до этого, казалось таким мелким и неважным. Мне хотелось вернуться в бесконечное как море напряжение между нами. Которое в любой момент могло взорваться. И этот взрыв обещал фейерверк.

– Точно... – медленно кивнул блондин, и запустив ладонь в и так растрепанные белые волосы, слабо улыбнувшись, признал: – Это будет сложнее, чем я думал.

Я постаралась как можно более незаметно ущипнуть себя, чтобы хоть как-то прийти в чувство. Вернее в мозги! Из чувств нам как раз не помешало бы хоть чуть-чуть выползти. Хоть нос показать! Раз на полноценный выход рассчитывать не приходится.

– Ладно, – словно падая в пропасть и разрешая себе все, Лель рухнул спиной на подушки. – Иди сюда, буду сказки рассказывать.

– Страшные? – улыбнулась я, и подтянув повыше широкие домашние штаны, подползла чуть ближе.

– Пока нет. Страшные сказки положено рассказывать ночью и под одеялом. Ночь у нас в наличии имеется, за одеялом тоже не заржавеет... но думаю, что эту часть программы пока лучше опустить.

От более чем откровенного намека в душе проснулись неловкость и... злость. Потому что, судя по всему, Хину очень нравилось меня смущать, он прекрасно понимал, что делал, стало быть надо переставать на все это вестись.

– Ну и чудесно, не люблю ужастики, – я забрала несколько подушек, и устроилась поудобнее в метре от Мастера. – Итак, слушаю.

– С начала? – лукаво прищурился Лель, вновь став до невозможного похожим на ту свою иллюзорную маску обаятельного негодяя.

– С самого начала!

– Ну тогда в одном далеком мире, в древнем клане Белых появился на свет птенец... – надолго пафоса Леля, к счастью, не хватило и продолжил он уже куда менее пафосно. – Как ты уже знаешь, я феникс, и как все Хранители действительно переселенец. Вот только будет ошибкой считать, что стихия падает к тебе в руки сразу же после перехода. Я не знаю, как именно покровители выбирают себе воплощения, но со многими это случается далеко не сразу. Я прожил в Аквамарине несколько лет.

– В Аквамарине?!

– Да, сектором моего переселения оказалась страна эльфов.

– А город? – с живым интересом задала вопрос я.

Вдруг мы ходили по одним улицам? Да, он это делал раньше меня, потому как старше, но все же почему-то идея казалась весьма привлекательной.

Раньше я думала, что у нас совсем нет ничего общего, но все оказалось иначе. В общем прошлом у нас был Аквамарин.

– Серебряный Град.

Мужчина говорил спокойно и даже улыбался, но почему-то его синие глаза с каждым мгновением казались все холоднее. Словно из теплого течения в океане ты внезапно попадаешь в холодное. Оно подхватывает тебя мощным потоком и несет все дальше и дальше... в обжигающе ледяное море.

– Когда я оказался в этом мире, мне было то ли шестнадцать, то ли семнадцать лет, – продолжал свой рассказ Лель. – Первое время я жил достаточно легкомысленно. Собственно это практически не отличалось от моего времяпровождения дома, благо программы переселенцев в Аквамарине достаточно хорошие и первое время

закрывают потребности нового гражданина в насущном. Так что я жадно изучал мир, окунался в новые знакомства и в целом ни в чем себе не отказывал.

Еще одна кривая усмешка на красивых губах Мастера и мое сердце пропустило удар.

Вдруг подумалось, что вряд ли все юные фениксы отличаются от юношей из других рас, по крайней мере по описанию это не заметно. И что же должно было случиться, чтобы тот веселый парень, наверняка душа компании и любимец женщин превратился в Мастера Пытки?

Судя по всему, у эльфов Лелю было весьма хорошо, а потом его избрала Тьма, соответственно его передали подручным Гудвина и сотворили... да страшно представить как нужно было ломать живого человека!

Я крепко стиснула кулаки от внезапно нахлынувшей злости и спросила:

– Это в Малахите тебя сделали... таким?

Мое эмоциональное предположение вызвало неожиданную реакцию. Хин изумленно приподнял бровь, а после с усмешкой покачал головой.

– Нет, детка, в Малахите меня как раз пытались лечить. И как видишь, у них даже получилось, хоть на это и ушло много лет.

– Лечить? От чего?!

Мне всегда казалось, что вредный характер, игнорирование мнения окружающих и склонность агрессии – это не болезнь.

– Не забегай вперед, – мне погрозили пальцем, а после Лель вновь погрузился в рассказ. – В общем все было почти прекрасно, Мия. А потом... потом я влюбился. Сильно, страстно, до полной потери головы и понимания о хорошем и плохом.

Я прерывисто вздохнула и ощутила как этот воздух словно выморозил легкие и быстро добрался до сердца.

Конечно, это очевидно, что у всех есть свое прошлое и в нем есть другие мужчины и женщины. Но одно дело это понимать, а другое дело слушать, как мужчина, в которого ты влюблена, когда-то безумно любил другую.

Это оказалось... больно. И неожиданно. Словно ты брала в руки клубок нежной и шелковистой пряжи, сжимала ее в пальцах,

наслаждалась гладкостью... а из глубины клубка в кожу впилась старая, ржавая и кривая игла.

В сердце впилась.

– Знаешь Мия, притяжение бывает очень разным. Есть легкое, как флер духов, как дым благовоний. Оно манит, заставляет фантазировать о деталях и будоражит воображение, – мужчина коснулся моей руки, осторожно погладил пальцы, и в его глазах вспыхнули искры... чтобы почти сразу погаснуть под слоем льда из воспоминаний. – А есть иное. Больное, злое. словно альпинистская кошка с размаху вошла в грудину, подцепила ребра и волочет вперед. Острые грани впиваются в сердце, и оно, истекая кровью, бьется и живет, хотя больше всего на свете хочется сдохнуть. Мои чувства были именно такими. Не убежать, не избавиться, ты словно наркоман на «Алмазной пыли». Тебе ослепительно хорошо с ней сначала и очень плохо потом. А через некоторое время боль и наслаждение переплетаются настолько туго, что уже непонятно где начинается одно и заканчивается другое. И финалом может стать лишь смерть.

Он замолчал, невидяще глядя перед собой и, ощущая потребность хоть как-то разбить эту звенящую тишину, от которой хотелось заорать, я проговорила:

– Но ты жив, и это главное.

– Я умер, Мия. Я истек кровью и умер во имя радости моей госпожи, но фениксы – удобные игрушки. Мы воскресаем. Минус разве что в том, что меняемся. Внешность пластична и подстраивается под состояние души. Даже то лицо, что ты видишь сейчас – досталось мне после второй смерти. Поверь, после первой я выглядел гораздо хуже... и старше. Того красивого мальчика уже не существовало. Из огня смерти вышел злой, и весьма отвратительный на взыскательный эльфийский вкус мужчина. Еще и безумный. Но так как после этого маленького приключения во мне проснулась Тьма, то я стал проблемой Малахита. И поверь, они со мной намучились!

Мне так хотелось прижаться к нему, обнять, взять это узкое, скуластое лицо в ладони и сказать что... дура и психопатка эта его первая любовь!

Отношения, это про комфорт, взаимопонимание, нежность и, конечно, про любовь и страсть, куда же без них. Они как перец в блюде.

Но если перец в это самое блюдо швырять горстями, то есть будет невозможно, какими бы идеальными не были основные ингредиенты.

С другой стороны, кроме исконно-женского желания окутать теплом, спасти и исправить своими, конечно же, правильными чувствами, у меня в голове эхом звучали голоса матери и сестры.

Что Мастер Хин – это не только высокая должность, но ее и куча тараканов в блондинистой голове. И смогу ли я с ними разобраться? Нужно ли мне это?..

Синий взгляд перестал блуждать по комнате и наконец остановился на мне. Хин протянул руку, и тихо позвал:

– Иди ко мне.

И я потянулась. Невзирая на все внутренние опасения, невзирая на то, что этот мужчина не прост как табуретка, а сложен как карданный вал, а я очень паршиво разбираюсь в механике.

Но я же гном, хоть и наполовину.

А значит я разберусь!

Тело само потянулось навстречу, ладони Леля коснулись моих плеч и он увлек меня за собой, на подушки, заставляя лечь ему на грудь.

Заправил кудрявую прядь волос за ухо и тихо сказал:

– Ты моя мечта. Мечта о том, что все может быть хорошо. Что в любви можно не сгорать дотла, что можно оставаться собой... любим собой. И меня очаровывает в тебе то, что ты четко понимаешь, чего ты хочешь и не идешь на поводу. Стало быть, я могу быть уверен в том, что если ты со мной, то действительно хочешь меня, – я покраснела от этих откровений, а Лель, подавшись вперед, поймал мой выдох губами, а после поцеловал. Нежно, трепетно, едва ощутимо. Поцелуй-вопрос... и я ответила.... ответила поцелуем-разрешением.

Мир перевернулся.

Мужчина своим весом вмял меня в подушки, а легкое прикосновение превратилось в огненный вал. Губы терзали поцелуем, то покусывая, то касаясь языком, притом настолько властно и откровенно, что в теле вспыхивали искры, а внизу живота появилось странное томление.

Я цеплялась за широкие плечи Мастера и понимала, что раньше он еще никогда не целовал меня... вот так. Не скрывая своего желания, своей жажды и каждым прикосновением обещая мне... обещая,

обещая, обещая... Пойти со мной дальше и сгоришь. Но возродишься уже иной.

– А еще ты красивая, – от бархатных интонаций его чуть хриплого голоса я невольно сжала бедра. – Очень красивая... кожа, веснушки, уши твои длинные. Как же мне хочется их касаться. И смотреть как ты реагируешь, как вздрагиваешь и глаза туманятся.

– Лель... – тихо охнула я, ощутив, что губы мужчины коснулись предмета обсуждений. Язык влажно коснулся мочки, провел по краю до кончика, а после зубы легонько его прикусили. Я выгнулась и застонала, впиваясь ногтями в торс Мастера.

– А тело... шея... – поцелуи спустились на подбородок и последовали ниже. – ключицы и о да, стихии дайте мне самообладания, грудь. Как устоять?

Контакт кожа к коже прекратился как только Хин наткнулся на воротник моей туники, но он не растерялся и двинулся ниже. Из-за тонкой ткани я чувствовала все не хуже, но сам факт... хотелось большего. И одновременно было страшно, особенно когда Лель выпрямился, садясь и после сжал обе руки на полушариях, которые отлично ложись в его ладони.

Я испуганно распахнула глаза и сжала запястья Мастера, пытаюсь оторвать его от тела, но он только покачал головой... и сжал пальцами уже напрягшиеся вершинки под туникой. Мой стон прозвучал в тишине комнаты, а спина невольно изогнулась, подставляя грудь под прикосновения.

Лель наклонился и укусил меня за один из сосков, а после выпрямился и обжег совсем обезумевшим взглядом. Убрал ладони, но лишь для того, чтобы взяться за подол и... рывком разорвать его до горла.

– Что ты... Лель, перестань!

Я испугалась, действительно испугалась. Это было нечто древнее и глубинное, что заставило забиться под сильным телом, прижать руки к груди, лихорадочно сводя края одежды и попытаться отползти подальше.

– Ш-ш-ш... – он снова наклонился и обнял меня, успокаивающе поглаживая по плечам. – Прости, маленькая... я привык к другому, а тебя желаю настолько сильно и давно, что полностью отказывают мозги. Я хочу тебя... по разному. И нежно и жестко, и медленно и

быстро, лишь прижав к стене и задрав юбки. И я столько раз представлял это, что сейчас я путаю реальность с мечтой. Все хорошо, я тебя не трону.

Я дрожала. И не верила. Очень сложно верить, когда к голому животу прижимается холодная пряжка ремня на штанах. И она уже расстегнута! Когда только успел...

– Отпусти пожалуйста.

Он отпустил. Но лишь для того, чтобы завернуть меня в покрывало, положить на бок и крепко обнять со спины.

– Родная, я бы все равно ничего не сделал, – вкрадчивый голос на ухо и нежные, ласковые поцелуи, которые сейчас вовсе не были страстными.

– Сам-то веришь? – чуть ворчливо спросила я и повозилась, устраиваясь поудобнее.

– Верю, – как-то очень уверенно ответил Лель и со вздохом предложил. – Ну хочешь мы тебя оштрафуем?

– Как? – заинтересовалась я.

– Неделю не буду тебя целовать в губы, – с тоской в голосе проговорил Мастер.

– Интересно! – воодушевилась я, но заподозрив подвох, тотчас спросила. – Так, а уши?

– Вот хитрая. Хорошо, в уши тоже не буду, – торжественно пообещал мужчина. – Но ты меня будешь, я надеюсь?

– В уши? – ехидно уточнила я в ответ, стараясь не рассмеяться.

– Лучше бы в губы, но я не привередливый.

– Посмотрим.

Если бы я могла – гордо задрала нос!

– Значит я прощен?

– Вот через неделю и посмотрим.

Тяжкий, наполненный демонстративного страдания вздох, а после нежный поцелуй в висок и слова:

– Давай спать мое рыжее счастье. Вставать рано.

– С самого утра в Малахит?

– Угу...

– И не расскажешь, что случилось? – все же любопытно.

– Вот вернемся и обсудим, – Лель сладко зевнул и, покрепче сжав меня, пожелал. – Сладких снов, девочка.

– Сладких снов, Лель.

И уже закрывая глаза и уплывая на волнах сновидений, я вдруг подумала, что это мягкое, короткое имя, которое еще совсем недавно казалось мне очень чуждым для этого мужчины, сейчас вдруг ложится так хорошо, словно я всегда его так называла.

Лель. Лель, Лель, Лель.

Кажется именно так для меня звучит «любовь».

Засыпала я с улыбкой на губах и внутренней уверенностью, что все непременно будет хорошо и мы обязательно справимся.

А еще мне хотелось такого же счастья для сестры. Кстати, раз теперь у меня отношения с Мастером, то может получится уговорить его отомстить тому гаду, который разбил сердце сестренке?

Мерзкому шуту Гудвина. Лельер его, что ли?

Такие похожие имена и такие разные мужчины. Тот мерзавец и бабник, а мой... я вновь улыбнулась. Мой иной. Совсем.

* * *

По гномьим обычаям нареченные (а теперь это мы с Мастером) выходили из дома невесты по одиночке, и родня давала наказания каждому из них.

Уж не знаю, что они наговорили ожидающему в наружных пещерах Хину, но со мной оригинальностью не отличались:

– Мия, обещай, что приедешь на каникулах! – требовала мама, наставляя меня на пороге дома.

– И пиши почаще, – отец обнял нас обеих и поочередно расцеловал в щеки.

– И учись получше, – пробурчал дед, но прижал к себе настолько крепко, что аж дышать было сложно. Я соскребла все силенки разом и стиснула его в ответ! Он лишь крякнул и с улыбкой отпустил.

– И детей заводи не раньше выпуска! – как всегда отличилась бабка Эрра, спускаясь с крыльца, шаркая ногами и стуча клюкой. – Мужики это мужики, а образование это образование!

– Я поняла!

С ней лучше не спорить, хотя и хочется.

– До свидания! – я помахала рукой, поправила на плече сумку с подарками для меня и сестры и бодро пошагала к подпирающему стену дома Мастеру.

– Уф, все!

– Ну и хорошо, – он приобнял меня за плечи и поцеловал... в лоб. Я осуждающе покосилась на мужчину, но он лишь рассмеялся и сказал: – Я все соблюдаю! Не губки и не ушки!

– Вот ты хитрый, – покачала головой я.

Повернулась к Разлому, окидывая прощальным взглядом родной город, а после решительно пошла прочь от него в сторону главного телепортационного здания.

Нас ждали в Малахите.